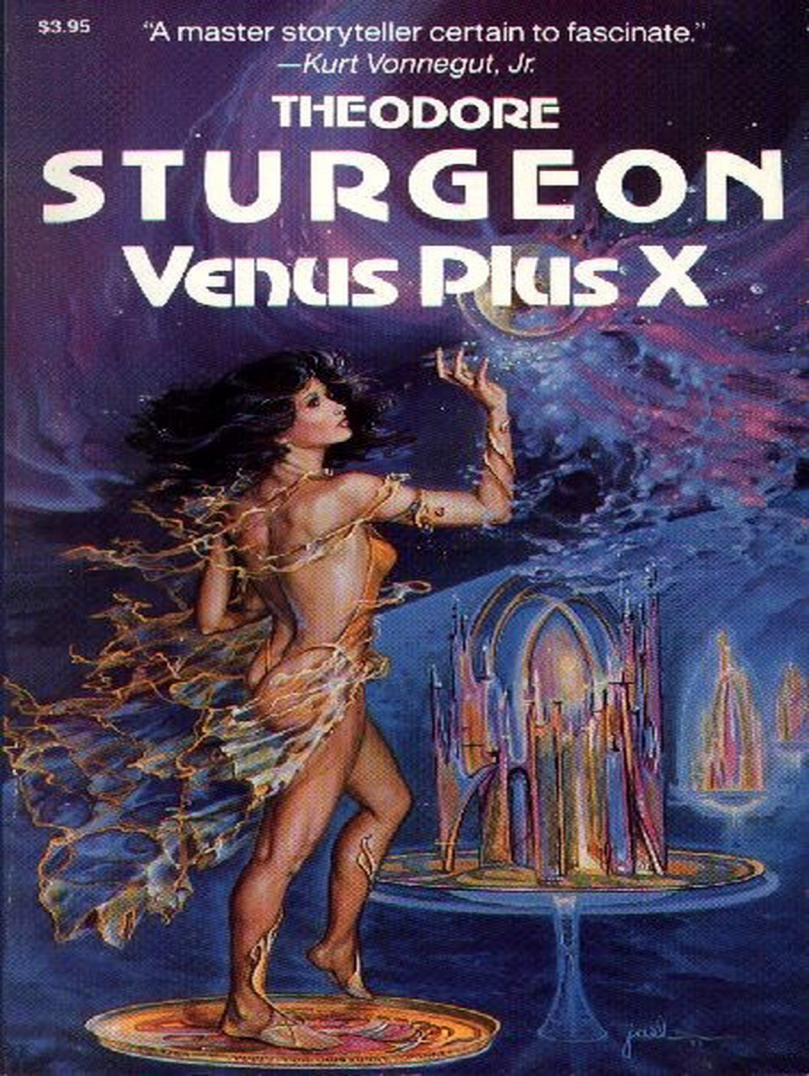
$3.95

"A master storyteller certain to fascinate."
—Kurt Vonnegut, Jr.

THEODORE STURGEON

Venus Plus X

Венера плюс икс (Venus Plus X)

Теодор Старджон

Аннотация

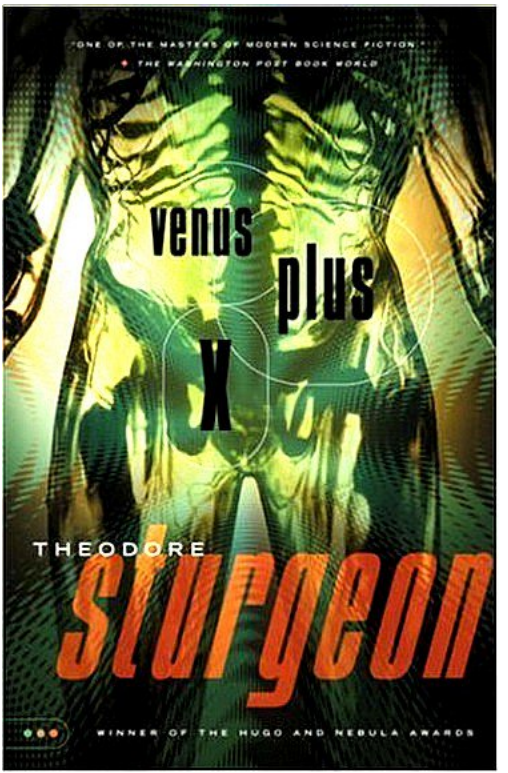
Теодор Старджон. ВЕНЕРА ПЛЮС ИКС. Venus Plus X

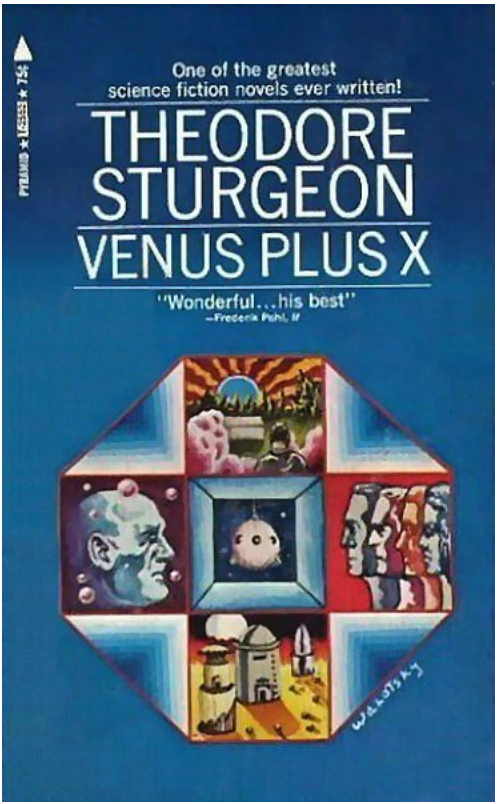
Аннотация

В спорном «иконоборческом» романе «Венера плюс икс» — **Venus Plus X** 1960 г. Старджон вновь возвращается к мысли об утопии, построенной на основе иной сексуальности: землянин 20 века, попавший на планету бисексуалов, не способен подняться над внушенными с детства моральными нормами; следовательно, земная цивилизация в целом не готова к утопии — пока не справится с внутренними конфликтами, проистекающими от полового неравенства.

Теодор Старджон
ВЕНЕРА ПЛЮС ИКС

Venus Plus X

ONE OF THE MASTERS OF MODERN SCIENCE FICTION
THE WASHINGTON POST BOOK WORLD
venus
plus
X
THEODORE
sturgeon
WINNER OF THE HUGO AND NEBULA AWARDS

— Я Чарли Джонс! — напрягаясь изо всех сил закричал Чарли Джонс. Чарли Джонс, Чарли

Джонс!

Нельзя было терять ни секунды: всего важнее, абсолютно необходимо было заявить, кто такой Чарли Джонс.

— Я Чарли Джонс, — тихо повторил он, стараясь, чтобы голос звучал убедительно и авторитетно.

Никто не спорил с ним. Вокруг было тепло и темно, он лежал, подняв колени и охватив их руками, прижимаясь лбом к коленным чашечкам. Перед его плотно закрытыми глазами мерцали красные огоньки. Но главное — он оставался Чарли Джонсом.

«Ч.Джонс» — было написано фломастером на его шкафчике для обуви, *«Ч.Джонс»* — выведено красивым шрифтом на свидетельстве об окончании института, «*Ч.Джонс»* — печаталось на чеках к оплате. То же имя стояло в телефонном справочнике.

С именем все было в порядке. Да, в полном порядке, отлично, о'кей, но ведь человек — это не только имя. Допустим, мужчине двадцать семь лет, он видит свой привычный силуэт, когда бреется по утрам, любит приправлять соусом «табаско» яйца всмятку. Мужчина родился с двумя сросшимися пальцами на ноге и косоглазием. Он может поджарить отбивную, водить машину,

любить женщину, размножать документы, он моется в ванной, чистит зубы, у него вставной мост на месте левого верхнего резца и клыка. Он часто бывает вне дома, а на работу опаздывает.

Чарли Джонсон открыл глаза — красные мерцающие огоньки исчезли напрочь, вокруг все тонуло в холодной серебряно-сизой дымке, напоминавшей след слизня на листьях сирени весной. Да, весна, о, прекрасная весенняя пора: прошлая ночь, женщина, Лора, она была…

Когда спускаются сумерки, вечера длятся долго — можно успеть так много. Как он упрашивал Лору разрешить ему занести ей пачку сценариев если бы мама могла это слышать! И внизу в затхлом Лорином подвале, где он, пробираясь в полутьме, с бумагами подмышкой, он наткнулся на петлю от валявшейся здесь старой шторы, порвал свои коричневые твидовые брюки и поранил бедро (ткань даже прилипла к коже). Но то, что было потом, действительно стоило всех этих неприятностей: нескончаемый вечер с девушкой — настоящей девушкой (она смогла доказать свою невинность) — и все время они занимались любовью! Конечно, весна, конечно, любовь! О ней, о любви твердили древесные лягушки, ради нее распускалась сирень, ею был напоен воздух.

Он помнит, как на нем высыхал пот. Это было действительно прекрасно.

Хорошо переживать такие моменты, и весну, и любовь, но лучше всего помнить и знать это. И выше этих воспоминаний только воспоминание о доме, дорожке между подстриженных кустов, двух белых лампах с большими цифрами «6» и «1», нарисованных на плафонах черной краской (мама сама написала их вместо домовладельца — у нее всегда хорошо получались такие вещи), — цифры уже выцвели от времени, да и мамины руки тоже постарели. Прихожая с пестрыми медными почтовыми ящиками, занимавшими всю стену, звонки всех жильцов, решетка домофона, который был неисправен уже когда они въехали и эта массивная медная табличка, скрывавшая электрический замок — он много лет открывал дверь на ходу нажатием плеча…

В воспоминаниях вы добираетесь до самой сути, подходите все ближе и ближе — ведь так важно все помнить. То, что вы вспоминаете, — не столь важно; важно помнить. Вы можете помнить! Вы можете!

«…Ступени с первого этажа на второй были покрыты истертым до самой основы ковром, прижатым старомодными никелированными

прутьями, по краям его лохматилась красная бахрома… Мисс Мундорф учила их в первом классе, мисс Уиллард — во втором, мисс Хупер — в пятом… Помнить *все!*»

Чарльз осмотрелся вокруг — все утопало в серебряном свете, стены не напоминали ни металл, ни ткань — нечто среднее между ними, и было тепло… Он продолжал вспоминать, лежа с открытыми глазами.

…На лестнице со второго этажа на третий еще оставались прутья, но уже не было ковра, и все ступени слегка прогнулись со временем; поднимаясь, можно было думать о чем угодно, а ступени скрипели «крак-крак», в то время как между первым и вторым этажом они пели «флип-флип» — и вы всегда знали, где находитесь…

Чарли Джонс вскрикнул:

— Боже, где я?!

Он разогнулся, перекатился на живот, подогнул колени и на мгновение застыл — силы его иссякли. Рот был сухой и горячий, как складки белья под утюгом матери, мышцы ног и спины мягки и немощны, словно вязанье матери, которое у нее за неимением времени никогда не кончалось.

…Любовь с Лорой, весна, цифры «6» и «1» на матовом фоне, нажатие плечом на табличку,

«крак-крак» и «флип-флип» лестницы — конечно же, он может вспомнить и все остальное, потому что он входил в дом, ложился спать, вставал, уходил на работу… не так ли? Было ли все это?

Шатаясь, Чарльз выпрямился, все еще стоя на коленях. Не было сил держать голову, он нужно было отдышаться. Он смотрел вниз на свои коричневые брюки, как будто они могли рассказать ему о том, что с ним произошло. А произошло с ним явно что-то ужасное.

Так и оказалось.

— Коричневый костюм, — прошептал он.

На бедре брюки были разорваны (чуть ниже болела рана) — значит, он не одевался на работу утром. Вместо этого он оказался здесь.

Сил стоять не было, и Чарльз согнулся, опираясь на колени и сжатые кулаки и осматриваясь по сторонам. Он догадался прикоснуться к подбородку, проверяя, насколько отросли у него волосы. Щетина оказалась не длиннее, чем должна была быть у человека, который накануне побрился перед свиданием.

Он вновь повернулся и увидел вертикальный овал, аккуратно вписанный в плавный изгиб стены. Это было первое, что он смог различить в этом безликом месте. Он уставился на овал, но

ничего не смог уяснить.

Который час? Подняв руку, Чарльз приложил часы к уху. Слава Богу, они шли. Он посмотрел на них. Он долго смотрел на циферблат, не двигаясь. Невозможно было понять, который час. Наконец, Чарльз разобрался с цифрами — они располагались по окружности в обратном, зеркальном порядке: двойка стояла на месте десяти, а восьмерка — на месте четырех. Стрелки показывали без одиннадцати минут одиннадцать, но если часы действительно шли назад, то, возможно, это было одиннадцать минут второго. А они в самом деле шли назад! Секундная стрелка двигалась в обратном направлении.

Знаешь ли ты, Чарли, — откуда-то сквозь ужас и изумление пришло к нему, знаешь ли ты, что тебе нужно лишь вспомнить, всего лишь вспоминать. Помнишь эту двойку-лебедя, которую ты получил в институте за третий семестр алгебры? Ты прогулял первый семестр и должен был наверстывать, ты зубрил алгебру за второй семестр и геометрию за первый, потом опять пропустил геометрию за второй. Помнишь? Мисс Моран принимала алгебру за третий семестр — она вцепилась в тебя, как зубастый хищник. А потом тебе была непонятна какая-то мелочь, и ты спросил

ее. Она так ответила, что тебе пришлось спросить еще о чем-то… получилось, что преподавательница приоткрыла перед тобой дверь, которой ты и не видел, и сама она при этом стала иной. Вот тогда ты и стал присматриваться к ней и понял, для чего женщине нужен надменный вид, поддержание строгой дисциплины и жесткость. Она просто ждала, пока кто-нибудь подойдет и спросит ее о математике чуть больше программы, чуть шире, чем изложено в учебнике. Казалось, она давно уже перестала надеяться, что это произойдет. Почему математика так много значила для нее, что даже слово «любовь» не может этого описать? Ведь мисс Моран хорошо знала, что каждый задавший вопрос вопрос студент может оказаться последним в ее жизни, потому что она медленно умирала от рака. Никто не подозревал, что она больна, — просто однажды она больше не появилась на работе.

Чарли Джонс смотрел на слабо видневшийся в серебряной стене овал и хотел, чтобы мисс Моран была здесь. Он хотел видеть здесь и Лору. Он помнил их обеих отчетливо, хотя они были разделены многими годами («Сколькими годами, — подумал он, глядя на наручные часы, — сколькими годами они отделены от меня?»). Ему хотелось, чтобы

здесь с ним были и мать, и та рыженькая из Техаса. (Она, рыжая, была у него первой. Интересно, смогла бы она ладить с матерью? А как ладила бы Лора с мисс Моран?).

Чарльз не мог остановиться, не смел, не хотел прекратить вспоминать. Память давала ему уверенность в том, что он Чарли Джонс, и даже находясь в незнакомом месте и не зная, который час, он не потерялся. Никто не теряется, если знает, кто он.

Кряхтя, он поднялся на ноги. От слабости и головокружения он мог стоять лишь широко расставив ноги, а ходить не отрывая ноги от пола. Чарльз двигался к слабо видневшемуся очертанию овала на стене — другой цели в этом помещении все равно не было. Он старался идти прямо, но у него плохо получалось. Это напоминало комнату смеха в Кони-Айленде (однажды он побывал там), где людей закрывают в маленьком помещении и затем наклоняют его. Не имея никаких внешних точек отсчета, человек видит себя лишь в зеленых зеркалах. Он бывал там в свое время пять-шесть раз в день. И вот теперь Чарльз чувствовал то же самое. Но все-таки он знал, кто он, и понимал, что ему плохо. Он подобрался к тому месту, где пол переходил в стену, и

склонился там на колено, бормоча:

— Мне плохо, вот и все. — Чарльз ясно расслышал свои слова и вскочил на ноги. — Да, это я! — заорал он. — Я! Я!

Его понесло вперед, ухватиться было не за что, и он оперся рукой на овал, непроизвольно нажав на него.

Перед ним овальное отверстие.

Там его ждали — человек стоявший за овальной дверью, улыбался, но был очень странно одет. Чарльз удивленно выдохнул:

— О, извините… — и упал ничком.

Герб Рейл живет в Хоумвуде, где у него участок земли сто пятьдесят на двести тридцать футов, выходящий на Бегония Драйв. В тылу участок граничит с землей Смитти Смита (двести тридцать на сто пятьдесят футов фронтом на Кала Драйв). Дом Герба Рейла построен в разных уровнях, а у Смита дом одноэтажный с низкой крышей. Соседи Герба слева и справа тоже живут в домах, построенных в разных уровнях.

Герб въезжает в ворота своего дома, сигналит и высовывает голову. Ага, попалась!

Жанетт косит газон косилкой, из-за ее шума она не слышала, как подъехал Герб, и клаксон автомобиля пугает ее. Наступив на ножную педаль,

Жанетт выключает косилку и, смеясь, бежит к машине, крича детям:

— Папа, папа приехал!

— Па, па-а! — Дейву пять лет, а Карин три.

— О, милый, почему так рано?

— Закрыл счет Аркадии, ну, босс и говорит: поезжай-ка ты, Герб, к своим малышам. Ты классно выглядишь.

Жанетт одета в короткие шорты и свободную футболку.

— Я был хорошим мальчиком, я вел себя хорошо, — кричит Дейв, роясь в боковом кармане отца.

— Я тоже, я тоже хороший мальчик, — не отстает Карин.

Герб смеется и ерошит ей волосы.

— О, ты вырастешь настоящим мужчиной!

— Перестань, Герб, ты ее растрепал. Ты купил торт?

Герб ставит трехлетнюю малышку на землю и оборачивается к машине.

— Забыл. Но ты печешь торты лучше.

Жанетт не может сдержать стона, и Герб быстро продолжает:

— Я знаю рецепт и сам испеку еще лучше: нужны только масло и пачка туалетной бумаги.

— Это будет не торт, а сыр? — смеется Жанетт.

— Черт, я должен поговорить с Луи.

Герб берет пакет и идет переодеваться. Пока его нет, Дейв ставит босую ногу на все еще горячий цилиндр косилки. Когда Герб возвращается, Жанетт уже приговаривает:

— Ш-ш, ш-ш, будь мужчиной.

Герб уже в домашних шортах и футболке.

Чарли Джонс споткнулся вовсе не из-за того, что его легко выбить из колеи. Просто, когда вам светят фонариком в лицо, когда вдруг под ногами оказывается крутая лестница, то можно и не удержаться на ногах. В первый момент ему показалось, что он увидел очень странно одетую женщину. Сидя в своем серебристом мешке, он не мог думать ни о чем ином, кроме как о женщинах — Лоре, матери, мисс Моран, рыженькой техаске. И теперь он был уверен: на его месте любой бы решил, что увидел женщину. Фактически же Чарльз мало что видел вообще: он лежал на спине на чем-то упругом, однако не таком уж мягком, как раньше, скорее это напоминало поверхность каталок в больницах. И кто-то очень осторожно обрабатывал ссадину на его лбу, в то время как прохладная влажная ткань, слабо пахнувшая ореховым листом, прикрывала глаза и

лицо, создавая приятное ощущение. Врачеватель говорил с Чарльзом, хотя нельзя было понять ни одного слова, причем голос его, пожалуй, не походил на женский. Конечно, не бас профундо, но и не женский. Однако же, и наряд был у него! Представьте себе нечто вроде короткого купального халата ярко-алого цвета с поясом, распахнутого как сверху, так и снизу. На плечах стоял торчком очень высокий воротник, он был выше головы и напоминал спинку стула в чехле. Сзади халат имел нечто вроде длинной сходящей на нет фалды, перед же, ниже пояса, был украшен коротким шелковистым фартучком, напоминавшим шотландские фартуки, носимые на килте и известные как «спорран». Легкие чувяки с острыми носками того же цвета, что и платье, доходили почти до середины голени.

Неизвестно, чем его лечили, но Чарльз почувствовал, что ссадина на лбу перестала жечь. Он лежал спокойно, боясь, что боль вернется, но этого не произошло. Осторожно он протянул руку, снял ткань с глаз и увидел над собой улыбающееся лицо, произнесшее несколько мелодичных слов с вопросительной интонацией.

Чарли спросил:

— Где я?

Брови на лице удивленно поднялись, рот улыбнулся. Сильные прохладные пальцы прикоснулись к его губам, и незнакомец отрицательно покачал головой.

Чарли понял и ответил:

— Я вас тоже не понимаю.

Он приподнялся на локте и осмотрелся. Он чувствовал себя теперь гораздо лучше.

Он находился в большой Т-образной комнате, большая часть длины которой представляла собой ту камеру с мягким полом и стенами, где он находился раньше, дверь в нее была все еще открыта и оттуда лился холодный серебристо-серый свет.

Стены помещения, от пола до потолка, были прозрачными. Чарльз видел однажды такие в большом универсальном магазине, но уже не помнил, где и когда. Концы перекладины буквы «Т» были плотно задрапированы, наверное, там были еще двери.

Чарльз глянул наружу и у него захватило дух: такую зелень можно иногда увидеть на поле для гольфа, но только иногда. Здесь же перед ним простиралась на многие мили зеленая равнина с отдельными деревьями, на вид тропическими. Роскошь природы поражала — все было очень

красиво, пальмы капустные, масличные и кокосовые, — пальметты сабаль, древовидные циатеи, цветущие кактусы… На вершине каких-то каменных руин, которые были прямо-таки театрально красивы, стояло могучее баньяновое дерево высотой около ста футов, длинные узловатые ветви которого и многочисленные воздушные корни образовывали арки, прикрытые ниспадающей глянцевой листвой.

Единственное видневшееся сооружение высотой в двенадцать или четырнадцать этажей, и показалось Чарльзу совершенно нереальным.

Возьмите бумажный колпак вроде тех, что одевались в старину плохим ученикам как знак их туповатости, только раза в три длиннее, плавно изогните его в виде кривой фигуры примерно на четверть длины окружности. Затем установите этот колпак на кончик и отойдите, чтобы посмотреть, что получилось. Широкое и тяжелое основание колпака будет висеть в воздухе, ни на что, практически, не опираясь. Представьте такую конструкцию высотой футов в четыреста, с асимметричными окнами и закругленными балконами — вот таким был этот удивительный до невозможности дом.

Чарли Джонс, не в силах сдержать изумления,

переводил взгляд со здания на незнакомца и назад. Незнакомец, хотя и выглядел как человеческое существо, был все же кем-то иным. Глаза его были слишком широко расставлены и чересчур удлинены, они находились скорее по бокам лица, чем спереди. Сильный подбородок без признаков растительности, выступающие вперед ровные зубы, крупный нос с высоко вырезанными ноздрями, походившими на лошадиные, дополняли картину. Чарли уже знал, что пальцы незнакомца могут быть сильными и мягкими одновременно, об этом же говорило и лицо, общий облик и походка. Если бы Чали был художником и пытался изобразить человека, он бы нарисовал торс несколько короче, а ноги — длиннее. А эта одежда…

— Я на Марсе? — промямлил Чарли Джонс, желая выглядеть человеком с чувством юмора и не перепуганным одновременно. Он сделал слабый жест в сторону здания.

К его большому удивлению существо утвердительно кивнуло и снова улыбнулось. Улыбка была доброжелательной и успокаивающей. Он указал на Чарли, потом на себя, на здание и сделал шаг вперед, к огромному окну, зовя за собой Чарли.

— Ну, что же, почему бы и нет, — Чарли бросил прощальный взгляд назад, на дверь серебристой камеры, которую он покинул. Хотя и не было повода сожалеть о ней, но это был единственный знакомый ему объект.

Незнакомец, словно почувствовав состояние Чарльза, сделал в его сторону ободряющий жест, приглашая его за собой, к стоявшему вдалеке зданию.

Скрепя сердце, с принужденной улыбкой, Чарли согласился последовать за ним.

Тот крепко взял его за руку и повел, но не к задрапированным выходам из залы, а прямо к окну, как будто хотел выйти через него. Впрочем он это и сделал, в то время как Чарли резко отпрянул назад, к столу-каталке.

Незнакомец уже стоял снаружи, стоял прямо в воздухе, делая плавные жесты и с улыбкой приглашая Чарли последовать его примеру. Звука его голоса теперь слышно не было, тем не менее, Чарли чувствовал и знал, что его зовут, но не мог понять, каким образом это странное существо покинуло помещение и как ему удается висеть в воздухе.

«Вот и пришло время проверить себя, — подумал Чарли, — хватит ли духа?» Он подполз к окну,

стал на четвереньки и нерешительно потянулся к стеклу. Он почувствовал какую-то невидимую преграду, но ее можно было преодолеть. Буквально дюйм за дюймом Чарли выдвигался наружу.

Смеясь, но не над ним, а как бы вместе с ним — Чарли был в этом уверен — висевшее в воздухе существо приблизилось к нему и протянуло руку, желая помочь Чарли, но тот отшатнулся. Незнакомец снова рассмеялся, наклонился и похлопал рукой по чему-то твердому у себя под ногами. Затем он выпрямился и потопал ногой по тому же месту.

Разумеется, он на чем-то стоял. Чарли вспомнил (опять вспомнил!), как однажды он видел в аэропорту Сан-Хуан старую индианку-караибку, прилетевшую на самолете и увидевшую впервые в жизни эскалатор. Она пятилась, трогала его рукой, прыгала возле него до тех пор, пока какой-то молодой здоровяк, сопровождавший ее, не схватил ее и насильно не поставил на ленту. Бедняжка ухватилась за поручень и вопила непрерывно, пока не поднялась наверх. Вокруг нее раздавались взрывы хохота.

Ну, что же, пусть он будет ползти, но воплей от него не дождутся! Бледный и дрожащий Чарли просунул руку сквозь место, где должна была

быть рама и потрогал место, по которому перед ним топал человек.

Он действительно почувствовал твердую поверхность!

Опираясь на одну руку и колени и нащупывая дорогу второй рукой, Чарли продвигался вперед, стараясь держать голову так, чтобы не видеть бездны под собой.

Теперь он уже вновь слышал голос незнакомца, смеявшегося и звавшего его дальше, но внезапно сила духа оставила Чарли, и он не мог двинуться ни на сантиметр. К его ужасу незнакомец неожиданно накинулся на него, схватил в охапку и буквально бросил его на нечто невидимое, положив при этом его правую руку на такой же невидимый поручень, находившийся на уровне талии.

Чарли смотрел на свою правую руку, которая судорожно охватывала пустоту, от напряжения у него побелели костяшки пальцев. Он ухватился за поручни и другой рукой. Теперь он чувствовал ветер. Незнакомец что-то говорил на своем музыкальном языке и показывал вниз. Чарли невольно бросил взгляд по направлению его жеста, и из груди его вышел весь воздух: под ним простиралось не менее двухсот футов пустоты.

Он сглотнул слюну и кивнул, так как ему показалось, что его спутник сказал что-то вроде: «Не слабо падать, а?»

Слишком поздно Чарли понял, что тот скорее предложил: «Ну, полетим, старина?»

Они падали вниз. Чарли заорал, и это уже было не смешно.

Бон Тон Эллиз — район отдыха с непременным кегельбаном и примыкавшим к нему когда-то барам, с течением времени район разросся, здесь теперь торгуют, например, товарами для женщин, косметикой. Бар превратился в небольшое кафе с кружевными занавесками. Вместо восседавшей за стойкой барменши там появилась официантка. Никто не заметил происшедшей эволюции от пива в бочках до розовых салфеток и вермута с содовой. На месте бильярдов под навесом построили магазин подарков.

Здесь над заслуженным ими мятным мороженым со взбитыми сливками сидят Жанетт Рейл и ее соседка Тилли Смит (Тилли, между прочим, собирается стать первоклассным игроком в боулинг). Они беседуют о предмете, который кажется им самым важным сегодня вечером.

— Учет есть учет, — говорит Жанетт, — а размножение есть размножение. Почему же Пивное

Брюхо так рвется в этот отдел?

Тилли деликатно лижет мороженое.

— Руководство, — поясняет она. Для нее это слово значит очень многое. Ее муж работает в отделе связей с общественностью концерна «Кавалье индастриз».

Жанетт хмурит лобик. Ее муж трудится в агентстве, имеющем дела с «Кавалье».

— Он не имеет права затыкать нами все дыры.

— Ох, — вздыхает Тилли, чей муж несколько старше и, несомненно, в некоторых отношениях значительно практичнее Герба. — С этими бухгалтерами легко управиться, потому что они видят лишь то, что лежит у них на столах.

— А чего же они не видят?

— Помнишь старого Трайзера, который работал у «Кавалье»? Одному из парней, ну, не важно кому, взбрело в голову получить повышение, и он поговорил с хозяином. Понимаешь, вроде бы между прочим, кивнул, что старикан со своими счетоводами уже отстал, не видит дальше своего носа, можно, мол, поспорить, что старина Трайзер не замечает неточностей, спит на ходу и все такое.

Тилли ест мороженое и посмеивается.

— Ну, и что? — Жанетт даже наклоняется над

столиком.

— Ну, а Трайзер хорошо знал моего, э-э, ну, этого парня, чуял что тот под него копает. Когда отчеты с ошибками начали поступать, он их тихонечко стал собирать, чтобы потом при случае прихлопнуть коллегу. А парень подсовывал их ему понемногу, чтобы все это произошло не сразу. Хозяину, конечно, эта возня быстро надоела, он ведь все время получал копии отчетов с ошибками. Он не стал дожидаться, пока Трайзер решится заложить парня. Старикана выперли из главных директоров туда, где он уже никем командовать не будет. Вот тебе и руководство!

— По заслугам, — удовлетворенно откинулась на спинку стула Жанетт.

Тилли заливисто смеется.

— Орден за заслуги!

— Бывает, — размышляет Жанетт, — Герб тоже сейчас затеял чистку счетов, хочет поймать этих булочников. Ради бога, пока не говори никому.

Про себя Жанетт думает: «Надо вечером рассказать эту историю Гербу пусть сделает выводы!»

Они приземлились на мягкий травяной газон — Чарли с подогнутыми коленями и его спутник, поддерживавший его рукой. Собравшись с силами, Чарли выпрямился и посмотрел вверх.

Тут его начала бить нервная дрожь, которой он не смог сдержать, и рука, обнимавшая его, вновь ободряюще напряглась. Чарли сделал над собой гигантское усилие, вымученно улыбнулся и отвел от себя эту руку. Спутник обратился к Чарли с небольшой речью, указывая при этом то вверх, то вниз, затем быстро провел рукой в воздухе, показал на шишку на голове Чарли, что, должно быть, означало извинение за неудобства и унижение, которое перенес Чарли. Чарли опять улыбнулся и слегка похлопал человека по спине. Бросив еще один беспокойный взгляд вверх, Чарли отошел от здания. Оно было слишком большим и высоким буквально нависало над ним, как чей-то огромный кулак. Это было самым диким архитектурным сооружением, которое Чарли доводилось когда-либо видеть: снизу оно походило даже не на сужающийся конус, на иглу шприца, и казалось, что оно готово упасть в любую минуту.

Они прошли прямо по газону — видно, здесь ни дорог, ни тропинок не знали. Если Чарли думал, что странный наряд его спутника привлечет всеобщее внимание, то он очень ошибался. Скорее внимание привлекал он сам. Разумеется, на него не глазели явно и не толпились вокруг, но было вполне очевидно, что он вызвал всеобщее вни-

мание: оживленные жесты, быстро отводимые взгляды говорили о вызываемом любопытстве и о том, что такое проявление чувств здесь не принято.

Обогнув здание, они увидели бассейн, где плескались не меньше пятидесяти человек. Купальными костюмами им служили небольшие шелковистые лоскутки ткани — нечто вроде передников, которые в воде прилипали к телу, — но Чарли готов был уже с этим примириться. Все они без исключения были серьезны и очень вежливы, приветствуя новоприбывших жестом руки, улыбкой, словом — особенно они были рады видеть спутника Чарли.

Очевидно, местные жители привыкли носить самые разнообразные одежды понятие моды было очень широким. Можно было увидеть светящиеся оранжевые ленты, обвитые вокруг предплечий, в комбинации с теми же фартуками «спорран», или же встречались свободные панталоны, огромные крыловидные воротники, пирамидальные шляпы, сандалии на платформе — разнообразию не было конца. Исключение составляли лишь те, кто ходили парами одинаково одетые, — остальные же были одеты совершенно по-разному, но надо сказать, что все одежды от-

личались красотой цветов и богатством тканей. Как показалось Чарли, здесь не существовало каких-то общепринятых норм: некоторые части тела у одних были прикрыты, у других открыты.

Между тем, Чарли не увидел ни одной женщины.

Странное это было место. Воздух был необычно бодрящим, а небо — хотя и ясное — имело серебристый оттенок, тот самый, которым отличались в стены его камеры. Цветы росли в изобилии, некоторые пахли дурманяще и были Чарли совершенно незнакомы — цвета их поражали неожиданностью сочетаний красок. Не менее удивительными, чем здания, были газоны — пружинящая поверхность их не имела ни одной лысинки даже под самыми стенами домов, нигде не виднелось ни одного сорняка.

Чарли провели вокруг дома, затем через арку, неожиданно нависавшую над пешеходами. В этом месте спутник заблаговременно поддержал его под руку. Прежде, чем он смог сообразить, в чем дело, они уже упали вниз футов на шестьдесят и оказались в месте, отдаленно напомнившем станцию метро. Поездов, однако, здесь не было — спутник Чарли ступил на невидимую платформу и потянул его за собой. Описав плавную кривую

они спустились еще ниже.

Наконец, остановившись, незнакомец вновь вопросительно посмотрел на Чарли, которому ничего не оставалось, как кивнуть в ответ. Сделав приглашающий жест в сторону, спутник увлек Чарли в туннель. Через мгновение они уже летели, продолжая стоять на чем-то невидимом. Не прошло и нескольких минут, как Чарли оказался на другой платформе, доставившей их, наконец, к основанию конусообразного здания. Выйдя из «метро», Чарли с облегчением вздохнул и дал себе слово больше ничему не удивляться и ничего не бояться.

Они пересекли нечто вроде внутреннего двора, где на разных уровнях вдоль стен здания сновали яркие фигурки людей, перемещавшихся на невидимых эскалаторах. Вся картина была очень живописной — яркие, развевающиеся одежды, свободно летающие в воздухе фигуры, сам воздух, наполненный какими-то звуками. Сначала Чарли показалось, что это нечто вроде селекторной системы, но затем он разобрал, что это поют снующие вверх и вниз люди. Звуки сливались в приятный музыкальный фон.

Приблизившись к стене, Чарли был опять настолько поражен, что и не заметил, как они

вознеслись на несколько сот футов вверх. Он увидел двух беременных мужчин! Чарли не мог ошибиться — это были именно мужчины, и они были беременны.

Вопросительно взглянув на своего улыбавшегося спутника, Чарли увидел выразительно очерченное мужественное лицо, руки с хорошо заметными на них мускулами, сильные ноги… хотя подбородок был гладким и, грудные мышцы казались несколько, как бы это сказать, великоватыми. Соски имели значительно большие размеры, чем у мужчин, однако с другой стороны, чего не бывает. Глаза тоже несколько отличались от мужских. Ладно, если он женщина, то и все его окружавшие — тоже женщины. Где же тогда мужчины?

Чарли вспомнил, как он (или она?) вышвырнул его из окна здания, после чего и началось их небольшое путешествие. Тогда он летел как тюфяк. Если это сделала с ним женщина, то чего же ожидать от тамошних мужчин?

Наверное, они гиганты, Чарли представились в воображении силачи ростом в двенадцать-пятнадцать футов.

Тут он различил слабый жужжащий звук, исходивший откуда-то из основания здания…

— Куда вы ведете меня? — забеспокоился Чарли.

Его спутник опять кивнул, улыбнулся и взял его за руку. Ничего не оставалось, как следовать за ним.

Они вошли в комнату.

Двери открылись… вернее, когда они подошли к ним, две половинки овальных дверей разошлись со щелчком, а затем вновь сомкнулись за их спинами.

Чарли остановился и оглянулся. Двери не имели ручек и могли выдержать натиск десяти таких мужчин, как Чарли.

Все находившиеся в комнате смотрели на Чарли.

Герб Рейл отправляется в гости к Смитти. Дети уже сопят в подушки. У Герба есть электронная нянька размером не больше переносного приемничка, и он ее берет с собой. Герб стучит, и Смитти впускает его.

— Привет!

— Привет!

Герб усаживается на диван в гостиной и включает няньку.

— Что нового?

Смитти вновь берет на руки ребенка — он от-

влекся, чтобы отпереть Гербу дверь.

— Откуда? Сижу в лавке, пока босс не вернется.

— К черту босса! — бросает Герб.

— А ты сам себе босс в доме?

— Оставь, — морщится Герб. — Я могу прямо ответить на прямой вопрос.

— Вот и ответь прямо.

— Мужчины теперь в доме не хозяева.

— Да-а, дела выходят из-под контроля.

— Я не это имел в виду, дубина.

— Сам дубина! А что ты имел в виду?

— Они действуют организованно, вот что я имел в виду. Сейчас много болтают о том, что бабы берут верх. Они не берут верх. Они действуют изнутри.

— Интересная мысль. Ты парень, не глуп. — Смитти улыбается малышу и что-то ему напевает.

— Что ты говоришь?

— Малышка, не видишь что ли, — она срыгнула.

— А ну-ка, дай ее. Давно уже не брал я детей на руки, — горит папаша трехлетней Карин. Он берет ребенка у Смитти и держит ее, можно сказать, на вытянутых руках. — А-а-а, А-а-а. — При этом Герб высовывает язык. — Ну, ну!

Глаза у ребенка округляются. Герб держит ее подмышками, головка ее ушла в плечи, слюнявчик сбился наверх.

— А-а-а, А-а-а!

Глазки у девочки вдруг растягиваются, на лице появляется широкая улыбка, на левой щечке видна ямочка. Девочка начинает гугукать.

— А-а-а, А-а-а, вот и хорошо, какие мы молодцы, — продолжает нянчить ребенка Герб.

Смитти заходит Гербу за спину, чтобы видеть малышку. Он поражен.

— Черт побери! — удивляется отец ребенка. Он приближает свое лицо к лицу Герба и тоже говорит:

— А-а-а, А-а-а!

— Надо высовывать язык подальше, чтобы ребенок видел, как он движется, — поучает Герб. — А-а-а, А-а-а!

— А-а-а, А-а-а!

— А-а-а, А-а-а!

Ребенок уже не улыбается и быстро переводит глаза с одного лица на другое.

— Ты сбиваешь его.

— Ну и закрой рот, — раздраженно бросает Смит и продолжает: — А-а-а!

Ребенок приходит в экстаз, смеется и начинает

икать.

— Так твою, — ругается Смит. — Пойдем в кухню, я дам ей воды.

Они отправляются в кухню. Герб держит ребенка, а Смит достает из холодильника четырехунцевую бутылочку и ставит ее в электрогрелку. Он забирает малышку у Герба и берет ее на плечо. Девочка непрерывно икает. Смит похлопывает ее по спинке.

— Черт возьми, — спохватился он. — Я же обещал Тилли убрать здесь!

— Сегодня я буду дежурным. У тебя и так хватает хлопот.

Герб собирает посуду со стола и тумб, счищает остатки еды в мусорное ведро и ставит посуду в мойку. Он включает горячую воду. Вся эта процедура ему очень знакома, потому что и эта мойка, и его мойка, и все мойки в домах направо и налево, сзади и спереди — все одинаковы. Он берет бутылку с жидкостью для мытья посуды и смотрит на нее, оттопырив нижнюю губу.

— Теперь такого уже не выпускают.

— Чего?

— Руки разъедает начисто. Теперь везде «ЛаноЛав». Стоит немного дороже, но… — На этом Герб и умолкает.

— «Ваши руки берегите — пару центов заплатите», — цитирует Смит известную телерекламу.

— Реклама есть реклама.

Герб включает кран горячей воды, слегка откручивает кран холодной воды и начинает мыть тарелки одну за другой.

Их было четверо, не считая того, кто привел Чарли. Двое были одеты совершенно одинаково — ярко-зеленая перевязь поперек туловища, а на бедрах что-то короткое, но не юбка. На самом высоком, находившемся прямо перед Чарли, была хламида огненно-рыжего цвета, напоминающая купальный халат. Четвертый же щеголял в купальном костюме цвета электрик образца конца прошлого века.

Чарли переводил удивленный взгляд с одного на другого, а они приветливо улыбались ему. Все сидели, развалившись, на низких диванчиках и пуфиках, которые как бы росли из пола. Самый высокий сидел вроде за столом, но казалось, что этот стол был построен вокруг него после того, как он (или она?) туда уселся.

Их дружеские улыбки и свободное обращение обнадеживали, и все же Чарли не мог избавиться от ощущения, что встреча смахивает на ритуальные действия современного бизнесмена, который

готов сделать все для посетителя перед тем, как облапошить его: «Усаживайтесь поудобней, снимите обувь, будьте как дома, мы все тут простые люди. Пожалуйста, сигару и прошу не называть меня «мистер»...

Один из зеленых сказал что-то на своем птичьем языке, указывая на Чарли, и рассмеялся. Смех звучал непривычно для Чарли. Оранжевый ответил, и это вызвало всеобщий хохот. Неожиданно спутник Чарли, в своем нелепом красном халате, присел и начал шлепать ладонями по полу, кося глазами. Он ползал на коленях, выставив одну руку вперед, как будто нащупывая путь. На лице его застыла маска комического ужаса.

Тут все буквально взвыли от восторга.

У Чарли начали гореть уши, что всегда служило либо признаком гнева, либо последствием алкоголя. В данный момент и сомнений быть не могло относительно причины.

— Что же, давайте посмеемся вместе, — прорычал он.

Все еще смеясь, они ошеломленно смотрели на него, в то время как красный халат продолжал имитировать, как существо двадцатого века впервые в жизни взошло на невидимый эскалатор.

Внутри Чарли что-то оборвалось — сегодня его

швыряли, тянули, пихали, роняли, над ним смеялись, издевались, не хватало лишь последнего перышка, которое, как известно, ломает спину верблюду. Уже не помня себя, Чарли так наподдал по мягкому месту, обтянутому красным халатом, что это сделало бы честь любому старшекурснику колледжа. Бедняга так и покатился по полу, чуть не ткнувшись головой в большой стол, за которым сидел рыжий.

Воцарилось гробовое молчание.

Существо в красном халате очень медленно поднялось с пола и повернулось к Чарли, растирая себе ушибленный бок.

Чарли спиной прижался к прочно закрытым дверям и ждал, переводя глаза с одного лица на другое. Никакого гнева он не увидел, да и удивления тоже — на него смотрели с сожалением, что было, пожалуй, еще хуже для него.

— Черт побери, — обратился Чарли к одетому в красный халат, — вы сами напросились!

Одно из существ прокурлыкало что-то, а другое ему ответило. Затем вперед вышел одетый в красный халат и изобразил посредством ряда стонов и жестов что-то вроде того, что он — свинья, он не хотел обидеть Чарли. Чарли понял его, но ему хотелось ответить: «Если ты чувствуешь, что

неправ, зачем ты тут кривлялся?»

Существо в рыжем халате медленно поднялось и непонятным образом вышло из-за стола. Дружелюбно и сочувственно оно произнесло слово из трех слогов и сделало жест в сторону стены, где появился проем. Послышался общее бормотание в знак согласия, все начали кивать Чарли и улыбаться, приглашая последовать за ними.

Чарли Джонс продвинулся вперед, но не более, чем было нужно для того, чтобы заглянуть в открывшийся проем. Он увидел примерно то, что и ожидал, незнакомые предметы, расставленные или висящие непонятно на чем, не могли скрыть основного назначения помещения, где в центре стоял плоский ярко освещенный стол, в одном конце которого было укреплено что-то вроде шлема, а по бокам скобы, предназначенные для фиксирования рук и ног. Это была операционная, и он вовсе не хотел там оказаться.

Чарли быстро отступил назад, но там были трое его спутников. Его кулак уже не мог ничего изменить. Поднятую руку схватили и крепко держали. Попытки отбрыкиваться привели к тому, что чья-то мускулистая нога так сжала его колени, что он не смог освободиться. Существо в оранжевом халате с извиняющейся улыбкой приложило

маленький белый шарик, не больше целлулоидного, что используются для игры в настольный теннис, к правому предплечью. Шарик щелкнул и лопнул. Чарли глубоко вздохнул, намереваясь погромче закричать — впоследствии он так и не смог вспомнить, удалось ли ему выдавить из себя хоть один звук.

— Видал это? — спрашивает Герб.

Они сидят у Смита в гостиной, Герб лениво листает газету, а Смитти поит водой дочку, удобно расположившуюся у него на руках.

— Что там?

— Короткие трусы — но для мужчин.

— Ты имеешь в виду белье?

— Да, как бикини, но еще меньше. Вязаные. Черт, они весят не больше десяти грамм.

— Меньше. Последний писк после вечерних мини.

— Ты купил?

— Черта с два! Сколько?

Герб заглядывает в рекламу.

— Полтора доллара.

— Зайди в «Мистер Доллар» на Пятой улице, купишь пару за два семьдесят три.

Герб разглядывает картинку.

— Белые, черные, бежевые, голубые и розовые.

— Точно, — Смитти осторожно вытаскивает соску.

Ребенок в последний раз икает и засыпает.

«Ну же, Чарли, проснись! — Мам еще пару минуток — я не опоздаю — я пришел только в два часа — ты не должна знать, как я набрался. Который час — мам?»

Чарли… — Прости, прости меня, Лаура… Я хотел, чтобы все было хорошо. Ни у кого не получается хорошо в первый раз. Ну, иди, иди. Мы это исправим — просто попробуем еще раз…

«Чарли? Тебя зовут Чарли? Называй меня просто Ред…»

…Когда ему было четырнадцать (он помнил, все помнил), была девушка по имени Руфь на той вечеринке с игрой в почту: «Кто пришел? — Почтальон. — Кому письмо?» К почтальону вызывали в коридорчик между двумя занавешенными двойными дверями в старом доме на Сэнсом Стрит. Весь вечер Чарли смотрел на Руфь. У нее была смуглая, нежная кожа и иссиня-черные гладкие волосы, нежный воркующий голос, маленький аккуратный рот и застенчивые глаза. Она не смотрела ни на кого более секунды, и под оливковой кожей нельзя было рассмотреть румянца, но вы знали, что он там есть, и что кожа

теплая. И когда все захихикали, бормоча всякую чушь, и стали указывать на Чарли и Руфь, они должны были пойти в темный коридор и закрыть за собой дверь, тогда он сказал себе: «Вперед!». Он пропустил Руфь в дверь, и она, опустив глаза так, что ее длинные темные ресницы лежали на смуглых щеках, вошла в темноту. Плечи ее были напряженно округлены, руки крепко сжаты, маленькие ноги переступали маленькими шажками. Сзади замяукали и зачмокали. Чарли судорожно сглотнул и плотно закрыл дверь… Руфь молча ждала его внутри, а он всегда вел себя как нахальный маленький заводила, и крепко взял ее за плечи. Только теперь она широко раскрыла свои умные застенчивые глаза, и он на долгие, показавшиеся годами секунды, утонул в их темной глубине. Чарли сказал себе: «Вот, что я хочу от тебя, Руфь» — и нежно, осторожно поцеловал ее в самую середину гладкого теплого лба, а потом откинул голову, чтобы вновь заглянуть в эти глаза. «Руфь, прошептал он, мне нужно только это». — «Ты понимаешь меня, Чарли, выдохнула она, — да, да, Чарли, ты понимаешь меня».

— Ты понимаешь меня, Чарли. Ты действительно меня понимаешь. Он открыл глаза, и туман исчез. Кто-то склонился над ним, но это была не

мама, не Лора, не рыженькая из Техаса и не Руфь — это было существо в красном халате, которое вновь повторило:

— Ты понимаешь меня теперь, Чарли.

Слова были не английскими, но он все понимал и даже чувствовал, в чем состоит отличие — в полноте смысла каждого слова. Например, «Ты» обозначало, однако, не близкие отношения и не формальное обращение, а дружбу и уважение говорящего, как, например, обращение к любимому дяде; «понимаешь» было употреблено скорее в его простом глагольном значении, а не в эмоциональном или психическом; «меня» — в смысле дружелюбного помощника, советчика или наставника, а не юридического лица или вышестоящей персоны. Он полностью ощущал всю полноту именно вложенного в слова смысла, хотя и впервые столкнулся с такой системой языковой культуры. Если бы Чарли хотел ответить по-английски, он мог бы сделать это. Что-то было добавлено к смыслу, но ничего не было утеряно.

Он чувствовал себя… хорошо, вот только вроде как не доспал. Кроме того, ему было несколько неудобно за свое прежнее негодование, казавшееся ему теперь столь же бессмысленным, сколь необоснованным его страх. Эти люди не имели

намерения высмеять его и не хотели причинить ему вред.

— Я Сиес, — сказал человек в красном халате. — Ты понимаешь меня?

— Разумеется!

— Пожалуйста, говори по-лидомски.

Чарли узнал это слово — так называли язык, страну и народ. Используя новый язык, он удивленно произнес:

— Я могу говорить по-лидомски!

Он отметил свой странный акцент, возможно, это объяснялось отсутствием привычки. Лидомский язык отличался специфическим звучанием и напоминал галльский — своими взрывными звуками, французский — носовыми согласными и немецкий — гортанным говором. При этом язык был приятен для слуха — Чарли вспомнилось его детское удивление и восторг при знакомстве с пишущей машинкой. Как чудесно выглядели завитушки, как красиво соединялись буковки! Точно такое же впечатление было от соединения звуков лидомского языка в единое фонетическое целое. Оно было более благозвучно, чем в современном английском, скорее вспоминался английский язык времен Елизаветы с его сонорностью, напоминавшей звучание музыкального

инструмента. По-лидомски невозможно было говорить со сжатыми челюстями и раздвинутыми губами, как это делали современники Чарли.

— Я могу говорить на нем! — вскричал Чарли Джонс, и все присутствующие закивали и высказали свою радость по этому поводу.

Чарли впервые с семи лет чувствовал в себе такую внутреннюю радость тогда его поздравляли в летнем лагере все ребята, потому что он выиграл в соревновании по плаванию.

Сиес взял его за руку и помог сесть. Его одели почти так же, как и в любой больнице, — в халат. Чарли посмотрел на Сиеса (сейчас он вспомнил, что фразу «Я Сиес» он уже слышал несколько раз с тех пор, как прибыл сюда, но ранее его ухо не могло отличить одну фонему от другой), и он улыбнулся, действительно искренне улыбнулся впервые с тех пор, как оказался здесь, в этом странном мире. Это вызвало еще одно проявление одобрения.

Сиес указал на человека в оранжевой одежде и представил его:

— Милвис.

Милвис вышел вперед и произнес:

— Очень рад, что ты с нами.

— А это Филос.

Одетый в ужасные голубые штаны человек приветливо кивнул Чарли и улыбнулся. У него были смешные черты лица и быстрый взгляд умных черных глаз.

— Вот Назив и Гросид, — Сиес завершил процедуру знакомства.

Одетый в зеленое Назив приветливо улыбнулся, а Гросид сказал:

— Ты среди друзей. Мы хотим, чтобы ты это знал всегда.

Самый высокий из всех — Милвис — был окружен, как показалось Чарли всеобщим уважением. Он добавил:

— Да, пожалуйста, верь нам. И, если ты хочешь чего-нибудь, скажи.

Все одновременно поклонились в подтверждение сказанному.

Чарли провел языком по сухим губам и неуверенно усмехнулся.

— Думаю, что мне больше всего нужна… информация. — Все, что хочешь, — согласился Сиес. — Все, что ты хочешь знать.

— Ну, тогда прежде всего — где я нахожусь?

Милвис выждал, пока все не обратят взгляд на него, и объяснил:

— В Первом Медицинском блоке.

— Это здание называется Первым Медицинским блоком, — пояснил Сиес. Другое здание, откуда мы пришли — Первый Научный блок.

Гросид с уважением добавил:

— Милвис возглавляет (это слово означало «организатор», «руководитель» и даже нечто вроде «вдохновитель») Первый Медицинский блок.

Милвис улыбнулся этому замечанию, прозвучавшему как комплимент, и в свою очередь объяснил:

— Сиес возглавляет Первый Научный блок.

Сиес поджал губы, что тоже выглядело как реакция на комплимент и заявил, что Гросид и Назив руководят Первым Детским блоком, который Чарли, наверное, захочет посмотреть.

Оба руководителя с поклоном приняли эту заявление, а Гросид вежливо пригласил:

— Надеюсь, что ты скоро посетишь нас.

Чарли ошеломленно переводил взгляд с одного на другого.

— Теперь ты видишь, — сказал Сиес, (и «видишь» прозвучало как «понимаешь, осознаешь», «теперь ты знаешь все»), — что мы все здесь вместе с тобой.

Точное значение этих слов ускользнуло от Чарли, хотя у него и создалось впечатление, что

они были сказаны, как будто Чарли познакомили одновременно с королевой, президентом и папой римским. Поэтому он и произнес единственное, что ему пришло в голову:

— Что же, спасибо…

Ему хотелось сказать что-либо приятное, и он посмотрел на единственного из присутствовавших, о ком пока ничего не сказали. Это был Филос, одетый в широкие штаны. К удивлению Чарли, Филос подмигнул ему, а Милвис вскользь произнес:

— Филос здесь, чтобы обучать тебя.

Фактически, эта фраза была неточна. Человек говорит, к примеру: «Лук меня не любит», а имеет в виду при этом «Я не люблю лук»… Во всяком случае, Филос, очевидно, не выслужил высоких должностей и наград, в отличие от руководителей Первого Медицинского блока, Первого Научного блока и Первого Детского блока. Может быть, он просто работал там.

Чарли отложил размышления на эту тему до лучших времен и вновь посмотрел на лица всех присутствующих, которые ответили ему столь же внимательными взглядами.

Тогда Чарли вновь спросил:

— Да, но все же, где я нахожусь?

Его новые друзья переглянулись, и затем их взгляды снова устремились на Чарли. Сиес сказал:

— Что ты имеешь в виду, когда спрашиваешь, где ты?

Обращаясь к остальным, Сиес пояснил:

— Он хочет знать, где он находится.

— На Лидоме, — ответил Назив.

— Ну, а где находится Лидом?

Опять все переглянулись, а затем лицо Сиеса озарилось догадкой:

— Он хочет знать, где находится Лидом!

— Послушай, — Чарли заговорил терпеливо, как человек, желающий во всем разобраться, — давай начнем с самого начала. Какая это планета?

— Земля!

— Хорошо. Значит мы на Земле?

— Да, на Земле.

Чарли покачал головой.

— О такой Земле я никогда не слыхал.

Все посмотрели на Филоса, который пожал плечами и ответил:

— Может быть и так.

— Это какая-то языковая путаница, — рассудил Чарли. — Если это Земля, то я… — Он не мог

представить себя оказавшимся на Земле в таком месте и с такими спутниками. — Знаю, я знаю! — вдруг снизошло на Чарли. — На той планете, где я живу, есть слова «земля» обозначает и планету и землю под ногами. Такое слово есть и в любом языке! На Марсе слово «Марс» означает «Земля». Для венерианцев «Венера» означает «Земля».

— Замечательно! — воскликнул Филос.

— Тем не менее, — заявил Милвис, — это Земля.

— Третья планета от Солнца?

Все утвердительно закивали.

— Мы с вами говорим об одном и том же солнце?

— Все дело во времени, — пробормотал Филос, — ничто не бывает одинаковым.

— Не сбивай его, — с нажимом произнес Милвис. — Да, это то же солнце.

— Почему вы мне не объясните всего? — закричал Чарли. Сила переживания прозвучавшая в голосе, удивила его самого.

— Мы объяснили. Мы и сейчас объясняем, — дружески ответил Сиес. — Как еще можно объяснить? Это Земля. Твоя планета и — наша. Мы все родились здесь. Хотя и в различное время, — добавил он.

— Различное время? Ты имеешь в виду… путешествие во времени? Ты именно это хочешь объяснить мне?

— Во времени? — повторил Милвис.

— Мы все путешествуем во времени, — снова проговорил как бы для себя Филос.

— Когда я был ребенком, — пояснил Чарли, — я читал много книг, которые мы называем научной фантастикой. У вас здесь есть что-то подобное?

Они покачали головами.

— Ну, рассказы, главным образом, о будущем, но не обязательно. Многие написаны о машинах времени — таких устройствах, которые могут перенести вас в прошлое или будущее.

Все пристально смотрели на Чарли, и никто ничего не ответил. У него появилось чувство, что никто так ничего и не скажет.

— Ну, хотя бы, — неуверенно попросил Чарли, — скажите: это не прошлое? — Он вдруг очень испугался. — Не так ли? Я… я в будущем?

— Поразительно! — пробормотал Филос.

Милвис мягко ответил:

— Мы не надеялись, что ты так быстро придешь к такому выводу.

— Я же говорил вам, — ответил Чарли. — Я много читал и… — тут, к своему ужасу, Чарли

всхлипнул.

Ребенок спит, и из электронной няньки, датчик которой установлен на кронштейне в простенке между комнатами Карин и Дейви в соседнем доме, доносится лишь слабое приятное гудение с частотой 60 герц. Жены еще не вернулись из кегельбана. Здесь царит покой и мир. Мужчины пьют по-маленькой. Смитти развалился на диване, Герб смотрит на телевизор, который, правда, выключен, но покойное кресло, где Герб расположился, стоит так, что отсюда физически невозможно смотреть на что-либо другое. Вот он уставился на темный экран наедине со своими мыслями. Наконец он начинает разговор:

— Смитти?

— Угу.

— Ты замечал: если начинаешь говорить с женщиной на определенную тему, она отключается?

— Например?

— О дифференциале, — поясняет Герб.

Смитти поворачивается так, чтобы спустить обе ноги на пол и почти садится.

— Трансмиссия, — бормочет Герб, — потенциал.

— В смысле «коробка передач», Герб?

— Еще один пример — «частота». Что я имею

в виду: берешь в полном смысле слова нормальную женщину — здравомыслящую и все такое. В бридж играет — глазом не моргнет. Все делает точно по формуле, выдерживает паузы до секунды. Вроде у нее таймер в голове — варит яйцо ровно четыре минуты без часов. Что я имею в виду: обладает интуицией, развита, куча интеллекта.

— Ну, дальше.

— О'кей. Теперь ты начинаешь что-то объяснять ей, упоминая одно из таких отключающих слов. Например, ты можешь купить машину с таким устройством, которое блокирует оба задних колеса так, что они вращаются вместе. Ты можешь развернуться на месте, даже если одно колесо попало на лед. Может быть, она читала об этом в рекламе или еще где-то и спрашивает тебя, как это получается. Ты говоришь: «при этом используется эффект дифференциала». Все! Как только произнесено это слово — она отключается. Ты объясняешь ей, что это совсем несложно — просто шестерни на задней части приводного вала обеспечивают вращение заднего колеса по наружной кривой быстрее, чем вращается колесо по внутренней кривой. Но все время, пока ты говоришь, ты видишь, что она тебя не слышит,

и так будет до тех пор, пока ты не заговоришь о другом. То же самое и с «частотой».

— «Частота»?

— Да, вчера я упомянул «частоту», а Жанетт прямо выпала в осадок. Я остановился и говорю: эй, с тобой все в порядке? Что такое «частота? Ты знаешь, что она ответила?

— Нет, а что?

— Она сказала, что это относится к радиоприемнику.

— Ну, черт возьми, и женщины.

— Ты не уловил, к чему я веду, Смитти. Послать к черту — это ничего не объясняет!

— Мне понятно. Но так легче.

— Меня это беспокоит, вот и все. Ведь «частота» — нормальное английское слово. Оно это и значит. «Часто» значит — нередко, «частота» показывает, как часто происходит действие. Еще одно отключающее слово «цикл» — означает «уйти из верхней точки и снова придти в нее». А, может, «уйти отсюда, придти туда, и снова вернуться сюда». Это одно и то же. Но, когда ты говоришь женщине о частоте восемь тысяч циклов в секунду, она моментально отключается.

— Просто у них нет технического мышления.

— Нет мышления? Слышал ли ты когда-нибудь,

как они обсуждают одежду, клинья и складки, двойные французские швы и косые вырезы? Видел ли, как они управляются с этими… швейными машинами? Или с бухгалтерскими счетными машинами двойного учета в офисах?

— Все равно, я не вижу ничего плохого в том, что они не задумываются о сути дифференциала.

— Вот сейчас ты уже начинаешь понимать! Они просто не дают себе труда задумываться! Они не хотят думать об этом. Ведь они могут, да, могут работать с гораздо более сложными вещами — но просто не хотят. Возникает вопрос — почему?

— Наверное, думают, что это не женское дело.

— Почему же не женское? Они имеют право голоса, водят машины и вообще могут делать тот же миллион вещей, что и мужчины.

— Умом ты до этого не дойдешь, — ворчит Смитти, слезая с дивана. С пустым стаканом он идет к Гербу. — Я знаю лишь одно: если им так нравится, пусть так и будет. Знаешь, что Тилли купила вчера? Пару высоких сапог. Да, точно, как у меня. Вот я и говорю: пусть себе имеют свои слова, от которых мы впадаем в отключку. Может быть, когда мой сын вырастет, он сможет поэтому различить, где отец, а где мать, так что — да здравствуют различия!

Они отвели его из операционной в выделенную ему, как они говорили, комнату, и пожелали спокойного отдыха таким старомодным образом, что это напоминало «Пусть Бог будет с тобой», откуда, собственно, и произошло английское «Гуд бай». Чарли впервые встретилось их слово «бог», и то, как они применили это слово, произвело на него впечатление.

Он лежал один в довольно маленькой комнате, красиво украшенной в синих тонах. Всю переднюю стену занимало окно, выходившее на какой-то парк и опасно наклонившееся здание Первого Научного блока. Пол комнаты был несколько неровным, как и везде здесь, слегка упругим и, очевидно, водонепроницаемым, так что его можно было смывать. В углу и еще в трех местах комнаты пол вспучивался в виде гриба или валуна, контуры которых напоминали сиденья. Нажимая на маленький пульт в углу каждого сиденья, можно было изменить его размеры и форму, сделать ниже, выше, увеличить число выступов или сделать себе скамеечку под ноги, валик под плечи и подпорку под колени. Три вертикальных золотистых рейки у «кровати» регулировали освещение: проведя рукой между первыми двумя можно было усилить или

уменьшить свет, а между вторыми двумя — получить цветное освещение. Такое же устройство располагалось около дверей — или точнее, у того места в стене, где находился выход. Достаточно было опять же провести рукой у выделенного орнаментом сегмента, чтобы стена со специфическим звуком разошлась. Стена, у которой стояла кровать, была наклонена внутрь, а противоположная стена — наружу. Прямых углов вообще в комнате не было.

Чарли оценил предупредительность хозяев, предоставивших ему возможность остаться наедине с собой и упорядочить свои мысли и чувства. Он испытывал благодарность и страх, ощущал комфорт и страдал от одиночества, был заинтригован и негодовал одновременно — ему необходимо было привыкнуть к своему новому положению.

Можно было отнестись ко всему легко: он расстался со своим миром и хорошим положением в нем; что касается и того, и другого, Чарли они достаточно надоели.

Что же осталось от этого мира? Случилась ли война? Кто теперь живет в Тадж Махале — термиты или там летают альфа-частицы? Выиграл ли в конце концов этот клоун выборы?

— Мама, ты умерла?

Отец Чарли так гордился, когда родился сын, — он посадил тогда семечко красного дерева. Вообразить только — красное дерево в Вестфилде в Нью-Джерси! Посреди суеты и тесноты строящихся домов, умышленно планируемых к сносу за десять лет до окончания срока выплаты ссуды. Отец представлял, как это дерево будет возвышаться на три сотни футов над развалинами. Но, совершенно неожиданно, он умер, оставив свои дела в неупорядоченном состоянии, к тому же страховка, не была полностью оплачена. Мать Чарли вынуждена была продать все то небольшое количество акций, которое отец успел приобрести, и они уехали из этого города. В семнадцать лет Чарли вернулся, влекомый неизвестно каким чувством — ему захотелось как бы совершить паломничество к прежнему очагу. Хотя он никогда не знал своего отца по-настоящему, а на месте дома он обнаружил развалины, как и предсказывал отец, у него екнуло сердце, при виде живого растущего дерева. Чарли прикоснулся к дереву и сказал: «Все правильно, папа». Потому что пока он был жив, мама не знала нужды и забот, а если бы он был жив она, скорее всего, так бы и не узнала их. Матери казалось, что отец, там

где он находится, каким-то образом знает о всех ее горестях, нужде и унижениях, и она испытывала все недобрые чувства, которые испытывает женщина, подвергшаяся по вине мужа нужде и лишениям. Может быть, поэтому Чарли и хотел побывать здесь и рассказать все это дереву, как если бы отец был жив в нем, как эти чертовы дриады. Чарли было стыдно вспоминать все это, но тем не менее, он всегда, всегда помнил свое посещение.

Ведь сейчас дерево, наверное, большое. А, может быть, прошло слишком много времени, и оно погибло… Если рыженькая из Техаса превратилась в старую бабу с бородавкой на носу, живущую в каком-нибудь провонявшем нефтью порту, то и дерево выросло, а если Руфь (что же могло статься с Руфь?) умерла, то дерево вообще могло стать самым большим деревом во всем районе.

Хорошо, теперь он знал, что он должен выяснить в первую очередь. На сколько он перенесен в будущее? (Впрочем, это не имеет особого значения. Будет ли это двадцать лет, и мир изменится и станет чужим и враждебным ему, но все-таки более или менее знакомым, как это произошло с Рип ван Винклем? Или же прошло сто или тысяча

лет? Какая ему разница?) И все же: раньше всего он должен узнать — на сколько?

Второй вопрос касается непосредственно его, Чарли Джонса. Как ему удалось выяснить, здесь нет никого похожего на него, одни эти лидомцы, кто бы они ни были. А кто же они?

Чарли вспомнил, что читал где-то, кажется у Руфь Бенедикт, что человек не несет в своих генах памяти о языке, о религии, социальном устройстве. Другими словами, если ребенок любой расы и страны окажется сразу после рождения в другом окружении, он вырастет таким же, как и дети своей новой родины. А еще он читал эту статью, прослеживающую ту же идею в масштабах всей истории человечества. Если взять ребенка в Древнем Египте, жившего, скажем, во времена Хеопса, и поместить его в современный Осло, то из него вырастет норвежец, способный овладеть азбукой Морзе и имеющий, скорее всего устойчивую неприязнь к шведам. Все эти рассуждения сводились к тому, что даже самое осторожное исследование, проделанное самыми незаинтересованными учеными, не смогло раскопать ни одного примера эволюции человека. Тот факт, что человек вышел из пещеры и в конце концов создал целый ряд цивилизаций к делу не

относится, все-таки ему потребовалось не менее тридцати тысяч лет, чтобы создать их. Можно предположить, что если сообщество современных детей, достаточно взрослых для того, чтобы самостоятельно находить пищу, поместить в первобытные условия, то потребуется такой же срок, чтобы они воссоздали современную цивилизацию за те же тридцать тысяч лет.

Однако все эти рассуждения не исключают некоего скачка эволюции, такого же огромный, как и тот, что произвел на свет человека разумного. Сейчас Чарли еще ничего не знал о Лидоме — во всяком случае, почти ничего. И все же было очевидно: а) что лидомцы в основном человекоподобны и б) что они совершенно не похожи на людей того периода, когда жил Чарли. Различие заключалось не только в социальных или культурных аспектах — оно было значительно больше различий между, скажем, австралийским аборигеном и служащим современного агентства. Лидомец во многих отношениях и физически отличался от людей, причем некоторые отличия были существенными, а некоторые — нет. Если предположить, что они эволюционировали из человечества — даст ли это ответ на первый вопрос? На сколько он перенесен в будущее? Как

много времени заняла эта мутация?

Чарли не знал этого, но мог выглянуть в окно (находясь на безопасном расстоянии в три шага от последнего) и увидеть несколько десятков ярких точек, передвигавшихся в парке внизу. Они были взрослыми особями или казались такими. Если принять во внимание, что смена поколений у людей происходит примерно раз в тридцать лет и если они не откладывают икру как лососи, причем со стопроцентной выживаемостью, то, совершенно очевидно, что мутация происходила очень долго. Даже, если не принимать в расчет их технологию: какой период необходим, чтобы устранить все недостатки такой конструкции, как Первый Научный блок?… На этот вопрос было гораздо труднее ответить. Вспомнилась реклама в журнале, где перечислялись десять вполне обыденных предметов из списка покупок в магазине: алюминиевая фольга, мазь на основе антибиотика, фасованное молоко и тому подобное. Реклама утверждала, что еще двадцать лет назад этих товаров не существовало. В середине двадцатого века транзистор заменил электронную лампу, затем вместо транзистора появился туннельный диод, за десять лет искусственный спутник Земли из области фантастики превратился в привычное

устройство, передающее сигналы с обратной стороны Солнца. Может, и он, Чарли, так же смешон, как и та дама из Вест-Индии на эскалаторе? Вместе с тем, не следует забывать, что и первый эскалатор в ее жизни, каким бы странным он ей не казался, был создан в ее бытность.

Надо остановиться на этом, сказал себе Чарли. Не надо слишком удивляться. В мое время жило множество людей, которые даже не предполагали, что технический прогресс — это не восходящая прямая линия, а геометрическая кривая, напоминающая трамплин для прыжков с лыжами. Эти запутавшиеся мыслители всегда страдали приступами консерватизма, судорожно хватаясь то за одну уходящую в прошлое вещь, то за другую в надежде все же сохранить ее или вернуть назад. Конечно, это не был консерватизм в чистом виде — просто неосознанное желание сохранить старое доброе время, когда можно было предвидеть, что произойдет завтра, а может, и на следующей неделе. Не в силах получить полную картину происходящего, они старались концентрировались на мелочах, замыкаясь в микромире, а затем оказывались в тупике, когда совокупность изменений в мелочах меняла окружающий мир. Что ж, он, Чарли Джонс, не

притворялся высоколобым мудрецом, но всегда понимал, что прогресс — динамический процесс, и нужно бежать в ногу с ним, слегка наклонившись вперед, как будто стоишь на доске для серфинга, а если будешь ставить ноги на полную ступню, то упадешь и утонешь.

Чарли снова выглянул в окно, где маячил Первый Научный, невероятный изгиб которого словно иллюстрировал его мысли. Уж слишком необычно надо изгибаться, чтобы поспеть за таким развитием, сказал он себе… и Чарли вернулся ко второму вопросу.

Нельзя терять времени, размышляя о том, как это произошло: каким именно образом он, Чарли Джонс, на двадцать седьмом году жизни, был выхвачен из мира истоптанных деревянных ступенек между вторым и третьим этажами дома номер шестьдесят один по Тридцать Четвертой Норт Стрит. Как это вопрос их технологии, и он не сможет этого понять. Он может лишь надеяться узнать, как это было проделано, но не в состоянии придти к этому путем умозаключений. А вот, что он должен понять — почему?

При этом возникают некоторые затруднения. Он имеет основания предположить, что транспортирование его в этот мир являлось крупным

и важным мероприятием — это, несомненно, так. Манипулирование с пространством и временем едва ли можно назвать безделицей. Таким образом, необходимо обдумать: почему был совершен этот крупный и важный шаг? Иначе говоря, что этот шаг дает Лидому?... Может, это просто испытания нового оборудования — разработка перешла в стадию натурных испытаний? Или же, им необходим был образец, любой представитель старого мира как раз того исторического периода и пространства, где находился Чарли? Вот они и закинули сеть и вытащили его, Чарли Джонса. А, может, они хотели получить именно Чарли Джонса и никого иного, вот его и выдернули. И вот именно этой последней версии, логически менее всего вероятной, Чарли и был склонен поверить скорее всего. Итак, вопрос номер два свелся к вопросу: почему именно меня?

Затем логически следует третий вопрос: Как они хотят его использовать? О, Чарли Джонс имел свои недостатки, но он был способен и трезво оценить свои положительные стороны. Его выбрали не за красоту, силу, интеллект — в этом он был уверен, зная, что лидомцы могли найти лучших кандидатов по всем статьям, не выходя из квартала, где жил Чарли. Вряд ли его

выбрали за какой-нибудь специальный навык. Чарли, бывало, говорил о себе, что он не бродяга только потому, что все время работает, а, может, он все-таки и есть бродяга. Школу он бросил в десятом классе, когда мать заболела, и так и не вернулся туда. Ему пришлось заниматься продажей женского белья, холодильников, пылесосов и энциклопедий, разнося их по домам, он работал в ресторане на кухне, лифтером, пудлинговщиком на сталелитейном заводе, был моряком, зазывалой на аттракционе, водил бульдозер, работал корректором в типографии и репортером на радиостанции. В промежутках между периодами постоянной работы он мыл грузовые тягачи, продавал газеты, разносил по домам рекламные листки, красил автомобили, а однажды на Всемирной торговой ярмарке зарабатывал себе на жизнь, размазывая яичницу-глазунью по тарелкам и доказывая через минуту, что посудомоечная машина легко смывает ее. Чарли всегда читал все подряд, без разбора, ему было легко говорить с людьми, он мог поддержать любую тему. Эрудиция у него была широкая, но в ней было и много зияющих пробелов, что иногда было очевидно даже по его речи — он использовал слова, которые вычитал в книгах, но никогда не

слышал, как они произносятся, и потому говорил с ошибками.

Итак, Чарли был типичным средним американцем, поэтому его и выбрали для транспортировки в Лидом. Но и этот вопрос содержал в себе ряд проблем.

Собирались ли они использовать Чарли здесь, в мире Лидома, или же просто хотели убрать его из его мира?

Чарли задумался. Что он делал или что собирался сделать такого, что могло бы быть нежелательным для будущего?

— Лора! — произнес он вслух.

Это чувство только возникало, но оно было истинным, настоящим, оно было навсегда. Не в этом ли дело? Если так, то он был готов найти способ, любой способ, чтобы разрушить этот мир, даже если придется надуть его как воздушный шарик, а затем хлопнуть по нему изо всех сил.

В самом деле: если он перенесен в будущее, чтобы предотвратить что-то, что он собирался сделать в прошлом, и если это было связано с Лорой, то тогда, очевидно, они имели в виду не саму Лору, а того ребенка или детей, которых они могли бы с Лорой иметь. Из этого следует (Чарли достаточно начитался научной фантастики, что-

бы сделать такое предположение), что в какой-то момент в будущем, он фактически женился на Лоре и имел от нее детей, и именно в это они решили вмешаться.

— О, боже, Лора! — закричал он…

У нее были волосы цвета меди или, скорее, спелого абрикоса, ее карие глаза имели настолько светлый оттенок, что напоминали ту коричневую краску, которую используют для передачи золотого цвета, если под рукой нет золотой. Она честно защищалась от домогательств Чарли, не впадая в чрезмерную застенчивость, а когда наконец отдалась, то сделала это от всего сердца. Чарли желал многих женщин с тех пор, как понял, что женщины — это не только хихиканье, болтовня и визжанье. Чарли нравились лишь некоторые из них, хотя он имел близость со многими — иногда ему казалось, что он спал с большим числом женщин, чем ему хотелось. Но он никогда (до Лоры) не обладал женщиной, которую любил. Это было как в четырнадцать лет с Руфью. Всегда что-то мешало. В то время Чарли знал многих девочек, ту, которая ему нравилась, он хотел больше всего на свете, если бы не… одна вещь: он не хотел испортить свое чувство. Часто он пытался вообразить как эту «странность» обсуждают

четыре-пять девочек, с которыми он не смог… как они шепчутся, склонив головы. Ведь каждая из них знала, чувствовала, что Чарли любит ее. Почему же он отступил? И они никогда, никогда не смогут узнать правду. Что же, девочки, ответ прост: я не хотел портить собственное чувство.

Пока это чувство не пришло.

— Пока! — вскричал он, поднявшись. Черт возьми, что означает «пока»?

…Пока не появилась Лора, пока она не отдалась ему телом и душой, искренне, от всего сердца. Нельзя сказать, что Лора сдалась — сдался и он, оба сдались, отдались потоку чувств вместе, одновременно. Вот так, а затем, по дороге домой, на ступеньках…

Вопрос номер два был: почему я?

«У вас должна быть очень веская причина», — пробормотал Чарли, глядя на отдаленную громаду Первого Научного блока. Отсюда и третий вопрос: к они хотят о пользовать? Чарли понял, что он должен пойти туда, в это здание, он почувствовал, что там он найдет ответ — или же отыщет способ вернуться обратно. Он должен это выяснить.

Надо приняться за дело сразу, сейчас же. Чарли провел рукой поперек всех трех стержней, регу-

лировавших освещение, и дверь открылась.

— Чувствуешь себя лучше? — спросил Филос.

За экраном установлены колонки и хор ритмично повторяет рефрен «гузл-гузл», после чего со звуком, напоминающим грохот падающей крышки от мусорного бака, раздается «ям-ям». На экране — гладко выбритое мужское лицо с полными губами, широкими изогнутыми, как арки, бровями и бакенбардами до толстой мускулистой шеи, выступающей из открытого воротника черной кожаной куртки.

Гузл-гузл — ям-ям.

Гузл-гузл — ям-ям.

Гузл-гузл — ям…

И вместо последнего «ям», которого все уже с напряжением ожидают (телевизор Смитти оснащен современной системой звучания и «ям» сопровождается такими низкими тонами, что становится почти страшно), мужчина поднимает свои роскошные ресницы, показывая выцветшие глаза, и начинает петь не то мужским, не то женским голосом. Поет он что-то вроде: *«Йоо-о я держу тебя. Йооо, я целую тебя. Йоо-о, я люблю тебя, Йоо-о, Йоо-о».* Камера отъезжает назад, и теперь певца видно во весь рост и в движении, всю сложность которого можно передать лишь

представив, что певец с невероятной настойчивостью пытает захватить ягодицами невидимую маленькую шарообразную ручку, прикрепленную к метроному. Взрыв истерических криков вынуждает камеру показать передние ряды, где, качаясь из стороны в сторону и размахивая поднятыми руками беснуются, побуждаемые зовом плоти, девушки-подростки. Затем камера возвращается к певцу, который (так положено) уже покидает сцену как бы на невидимом велосипеде-тренажере, ручки которого ходят вверх и вниз, педали крутятся, а седло — седло тоже подпрыгивает.

Смит протягивает свою длинную руку, берет пульт и выключает телевизор.

— Боже, боже!

Герб Рейл откидывается в своем большом кресле, закрывает глаза, и говорит:

— Эмоциональное выступление.

— Что?

— Этот парень имеет, что сказать всем.

— Тебе это понравилось? — на втором слове Смит делает ударение.

— Этого я не говорил, — отвечает Герб. Он открывает глаза и с деланной свирепостью глядит на Смита. — И не вздумай где-нибудь утверждать,

что я так говорил, слышишь?

— Но ты же что-то сказал?

— Я сказал, что этот парень эмоционален, и ты, наверное, не станешь возражать.

— Не стану.

— Еще я сказал, что парень имеет, что сказать каждому. Искушает…

— Своим визгом.

Герб смеется.

— О, это уже по моей специальности… Провизжи мне о любви. Это можно использовать… все, кого сжирает явная или скрытая гомосексуальность всегда найдут себе объект. Молодым жеребцам нравятся его манеры, и его чувства, они копируют прическу и куртку. А женщины, особенно постарше, любят его больше всего. Нужно иметь лишь детское лицо и фиалковые глаза. Смит пожимает плечами: — На каждый товар — свой покупатель.

— Ты забыл своего старого приятеля Смита, — говорит Смит.

— Каждый должен кого-нибудь ненавидеть.

— Ты вроде не шутишь, Герб?

— Не-а.

— Ты беспокоишь меня, приятель, — хмурится Смит. — Когда ты в таком настроении, это меня

беспокоит.

— В каком настроении?

— Когда принимаешь все всерьез.

— А это плохо?

— Мужчина должен серьезно относиться к своей работе, но не должен принимать всерьез себя, свои настроения и все такое.

— Ну, а что с ним тогда будет?

— Он потеряет вкус к жизни.

Смит пристально смотрит на Герба мудрыми глазами. — Рекламный агент получает заказ, готовит серьезное исследование, тратит свое личное время. Выписывает, скажем, «Журнал Потребителя». Он думает, взвешивает, относится к делу серьезно. Получил положенное — и забыл.

— Закопай свой большой томагавк, Смитти, — говорит, несколько побледнев, Герб. — Мужчина начинает заниматься новым делом — это самое важное для него.

— А все остальное — мура.

— А все остальное — мура.

Смит кивает на телевизор.

— Мне это не нравится, и никому это не понравится.

Тут до Герба Рейла доходит, кто спонсор этого шоу с рок-н-роллом. Ведь это конкурент Смита.

Конкурент номер один. «Черт бы побрал меня и мой длинный язык!» Жаль, что здесь нет Жанетт. Она бы уж сообразила. Герб говорит:

— Это грязное шоу, мне оно не понравилось.

— Если бы ты сказал это вначале, Герби, то я бы тебя понял.

Смит берет стакан Герба и уходит, чтобы наполнить его. Герб сидит и соображает, как это должен делать рекламный агент: во-первых, клиент всегда прав. Во-вторых, если бы мне дали товар, вмещающий в себя все мужские и женские грехи, то я перевернул бы мир. А вот это — тут он глядит на большой потухший глаз телевизора — это был, черт возьми, почти тот товар.

— Мне плохо, по-настоящему плохо, — ответил Чарли Джонс.

Он понимал, что, хотя он и говорил по-лидомски, все же звучит это по-иностранному, как если бы англичанин сказал по-французски: «Мне плохо, не так ли?»

— Понимаю, — протянул Филос.

Он прошел в середину комнаты и остановился около одного из грибообразных пуфиков. Теперь Филос был одет в оранжевое платье с белыми полосами, у плеч это платье расходилось, поддерживаемое невидимыми спицами — казалось, что

у него крылья. Не считая платья, его хорошо сложенное тело было облачено только в оранжевые же туфли и неизменный шелковый спорран.

— Можно присесть?

— Конечно, пожалуйста, садитесь… Вам этого не понять.

Филос в недоумении поднял брови. Брови были густые и ровные, но когда он ими двигал, что происходило довольно часто, они слегка изгибались, причем каждая по-своему, напоминая два меховых гребня.

— Вы — дома, — пояснил Чарли.

На какой-то миг ему показалось, что сейчас Филос возьмет его за руку в знак сочувствия, и он невольно сделал движение навстречу. Филос же вместо этого ответил с глубокой симпатией:

— Ты тоже будешь дома. Не беспокойся.

Чарли поднял голову и внимательно посмотрел на Филоса. Ему показалось, что тот действительно имел в виду его возвращение.

— Ты думаешь, что я смогу вернуться?

— Это я не могу утверждать. Сиес…

— Я спрашиваю не Сиеса, а тебя. Могут меня отправить назад?

— Когда Сиес… — Я еще доберусь до Сиеса в свое время! Сейчас ты честно ответь: могут меня

отослать назад или нет?

— Могут. Но…

— Что за черт!

— Но ты можешь этого не захотеть.

— Почему же?

— Пожалуйста, — начал Филос, и его крылья задрожали, настолько он старался быть искренним. — Не сердись, прошу тебя! У тебя много срочных вопросов — я знаю. Они срочны для тебя потому, что ты уже знаешь ответы, которые хочешь услышать. Ты будешь нервничать все больше и больше, если не получишь ответов, но на некоторые из них невозможно ответить, потому, что ты не сможешь их понять, другие же… их не следует и задавать.

— Кто это говорит?

— Ты! Ты сам! Ты еще согласишься, что их не следует задавать, когда лучше узнаешь нас.

— Черта с два! Но давай я попробую спросить что-нибудь, давай начнем, наконец. Будешь отвечать мне?

— Если смогу, конечно. (И здесь снова Чарли почувствовал смысловую полноту выражения. «Если смогу» Филоса означало почти то же, что и «Если буду в состоянии», но при этом имелся и оттенок «Если мне дадут возможность». С дру-

гой стороны, не имел ли Филос в виду, что он ответит, если будет располагать информацией? Ведь только тогда он получит возможность ответить.) Чарли отложил эти размышления до более удобного момента и задал свой самый важный первый вопрос.

— На сколько тебя перенесли?… Что ты имеешь в виду?

— То, что я спросил. Вы взяли меня из прошлого. Как давно я жил?

Филос явно находился в затруднении.

— Я не знаю.

— Ты не знаешь? Или — никто не знает?

— Как говорит Сиес…

— Ладно, — Чарли заговорил уже возбужденно, — ты прав: некоторые вопросы должны подождать, по крайней мере, пока я не встречусь с Сиесом.

— Вот ты снова сердишься.

— Нет, не снова. Я сердит по-прежнему.

— Послушай, — Филос наклонился к Чарли, — мы все, ну, новые для тебя люди — лидомцы. Ты все это еще узнаешь. Мы не можем считать время, как привык ты, продолжать счет всем этим месяцам и годам под номерами — это нам не нужно… Какое это может иметь значение — сейчас? Как

тебя может волновать, как давно ты жил, когда твоего мира нет, и существует только наш мир?

Чарли побледнел, как полотно.

— Ты сказал… — нет?

Филос печально развел руками.

— Конечно, ты понял…

— Что я мог понять! — взорвался Чарли, выдержка совсем покинула его, — но, но… я думал, может быть кто-нибудь… пусть даже очень старый… Воспоминания нахлынули на него сплошным потоком — перед ним мелькали лица матери, Лоры, Руфи, мелькали и пропадали в поглощавшей их темноте.

Сиес мягко произнес:

— Ведь я говорил тебе, что ты сможешь вернуться назад и снова быть тем, кем ты родился.

Чарли сидел в оцепенении, затем медленно повернулся к лидомцу.

— Это правда? — тихо, спросил он, как ребенок, которому обещали невозможное, но который все же надеется.

— Да, но ты будешь жить там, зная… — Филос сделал жест рукой, включавший в себя все окружающее, — все, что ты узнаешь.

— Ради бога! — вскричал Чарли, — я буду дома — это главное.

И все же что-то внутри него уже не могло расстаться с новым приобретенным ужасным знанием, оно не отпускало его, пульсировало в его венах, разгоралось все ярче и ярче, как горящий уголь. Знать о конце когда он придет, как это случится, знать то, что не знает ни один человек, знать, что конец мира реален… Он будет лежать рядом с теплым телом Лоры и знать это. Покупать матери ее любимую дешевую газетку, каждому слову которой она верит, зная это. Ходить в церковь, может быть, регулярно, и знать это, наблюдать за проезжающим мимо свадебным кортежем, видеть невесту в белом кружевном платье, прижавшуюся к нарядному жениху среди моря счастливо ревущих автомобильных гудков, и знать это. И вот сейчас, в этом странном, безумно непривычном мире они хотят рассказать ему, когда и как наступил конец его мира.

— Я вот что скажу, — хрипло произнес Чарли, — вы просто отошлите меня назад и не говорите, когда или как. О'кей?

— Ты торгуешься? Тогда сделаешь ли ты что-нибудь для нас?

— Я, — Чарли похлопал по бокам своего больничного халата, но в нем даже не было карманов, чтобы их вывернуть, — у меня ничего нет.

— Ты можешь предложить свое обещание. Даешь ли ты его и сдержишь ли его в обмен на возвращение?

— Если это такое обещание, которое я могу выполнить.

— О, да, не сомневайся. Вот что: Узнай нас. Будь нашим гостем. Изучи Лидом — его историю (она не такая уж длинная), обычаи, религию и причины появления.

— Это может длиться вечно.

Филос покачал своей темноволосой головой, и в его глазах заблестели огоньки.

— Не слишком долго. А когда мы почувствуем, что ты действительно познал нас, мы скажем тебе об этом, и ты сможешь вернуться назад. Если захочешь.

Чарли рассмеялся:

— В самом деле?

Филос спокойно ответил ему:

— Я говорю серьезно.

Так же серьезно ответил ему и Чарли:

— Давай не будем забывать о мелочах, мой друг. Твоя оговорка «не слишком долго» беспокоит меня. Вы можете заявлять, что я еще не все знаю о Лидоме, так как не сосчитал все песчинки на сто миль вокруг.

Тут Чарли впервые увидел, как в глазах лидомца блеснуло возмущение. Однако, Филос ровным голосом продолжал:

— Мы не будем заявлять ничего подобного. Не будем и, я думаю, не сможем.

Гнев Чарли утих.

— Вы просите меня принять на веру слишком много.

— Когда ты узнаешь нас лучше…

— Ты хочешь получить мое обещание о того, как я узнаю вас лучше.

Филос непринужденно вздохнул и улыбнулся.

— Ты прав, прав со своей точки зрения. Хорошо — не будем сейчас заключать никаких сделок. Но обрати внимание: я делаю предложение, и Лидом выполнит свою часть; ты же можешь дать свое обещание только тогда, когда будешь удовлетворен тем, как Лидом дает тебе возможность ознакомиться с жителями и нашей культурой, и увидишь, что мы не скрываем от тебя ничего. Если в конце концов мы сочтем, что ты увидал уже достаточно, чтобы познать нас, тогда мы сделаем все, что ты захочешь касательно, отправки тебя назад.

— Трудно не пойти на такую сделку… А вот скажи, ради интереса, предположим, я никогда

не дам такого обещания?

Филос пожал плечами.

— Скорее всего тебя вернут туда, откуда ты прибыл, в любом случае. Для нас самое важное — чтобы ты узнал нас.

Чарли долго смотрел в черные глаза. Ответом ему служил лишь простодушный взгляд. Тогда он спросил:

— Смогу ли я ходить, где и куда хочу, задавать любые вопросы?

Филос утвердительно кивнул.

— И получать ответы?

— Любой ответ, какой мы сможем дать.

— И чем больше вопросов я буду задавать, чем больше мест я буду посещать, чем больше я увижу, тем скорее я смогу вернуться?

— Совершенно верно.

«Черт меня подери», — подумал про себя Чарли Джонс. Он поднялся и прошелся по комнате, а Филос наблюдал за ним. Чарли снова сел.

— Послушай, — опять начал он, — перед тем, как я позвал тебя, я обдумал свое положение. У меня есть три важных вопроса, которые я хочу задать. Понимаешь, когда я обдумывал их, я еще не знал того, что знаю сейчас, то есть того, что вы готовы идти мне навстречу.

— Задай свои вопросы и будь уверен в нас.

— Я это и хочу. С первым вопросом мы уже разобрались. Он был насчет того, насколько далеко я попал в будущее. — Тут Чарли быстро поднял руку: — Не отвечай. Хотя ты много и не говорил, но мне ясно, что только Сиес может разъяснить мне то, чего мне лучше всего не знать вообще.

— Это…

— Подожди минутку, пока я не объясню почему. Прежде всего, этот ответ может каким-либо образом подсказать мне, когда наступил конец моего мира, а я вообще не хочу этого знать. Во-вторых, сейчас, когда я думаю об этом, мне кажется, что это вообще не самое главное. Если я вернусь назад… да, а ты уверен, что я вернусь в то же место и время, откуда отбыл сюда?

— Очень близко к ним.

— О'кей. Если так, то мне безразлично, был ли я перенесен на год или на тысячу лет. Тем временем, я не буду думать, что мои друзья старики или уже умерли, а когда я вернусь, то просто буду с ними снова.

— Да, ты будешь снова со своими друзьями.

— Очень хорошо. С первым вопросом покончено. На третий вопрос я также получил ответ. Вопрос был: что будет со мной здесь?

— Я очень рад, что ты уже знаешь ответ.

— Хорошо. Тогда остается один вопрос, Филос: почему выбрали меня?

— Я прошу тебя…

— Почему меня? Именно меня. Почему не выхватить кого-нибудь другого? А если уж я, то почему? Вы что, испытывали новое оборудование и схватили, что пришлось? А может, я какой-то особенный, имею навык чего-то, что вам нужно? Или же, черт бы побрал вас, вы сделали это, чтобы помешать мне совершить определенный поступок?

Филос отшатнулся от Чарли, пораженный его страстностью. Он не боялся Чарли, но был неприятно удивлен, как будто наступил на что-то нехорошее.

— Я постараюсь ответить на все вопросы, — сухо проговорил он, дав Чарли остыть не менее полминуты и убедившись, что тот полностью высказался. — Прежде всего, мы взяли или могли взять тебя и только тебя. Во-вторых, — да, мы хотели получить именно тебя из-за специфического качества, которым ты обладаешь. Ты, очевидно, согласишься со мной, что твой гнев совершенно необоснован. Посмотри: учитывая, что ты имеешь все шансы вернуться почти в то же место и

время, откуда прибыл, каким же образом твое похищение может повлиять на твои последующие действия? Пройдет ведь очень мало времени.

Все еще негодуя, Чарли задумался.

— Ладно, — наконец согласился он, — может, ты и прав. Но ты же утверждал, что я буду другим?

— Потому, что узнаешь нас? — Филос мелодично рассмеялся. — Неужели ты искренне веришь, что знание нас может серьезно изменить тебя по сравнению с тем, кем ты был?

Чарли непроизвольно усмехнулся, что вызвало ответный смех Филоса.

— Думаю, что нет. Все будет хорошо. Значительно дружелюбнее он спросил: — Тогда не скажешь ли ты мне, что есть во мне такого ценного для вас?

— Пожалуйста: объективность.

— Я в полном недоумении и теряюсь в догадках, Что же это за такая объективность?

Филос улыбнулся.

— О, не беспокойся: ты удовлетворяешь нашим требованиям. Смотри: случалось ли тебе сталкиваться с посторонним человеком — не обязательно специалистом — который бы сказал о тебе что-то такое, чего ты сам бы иначе и не узнал?

— Думаю, что да.

— Чарли вспомнил, как однажды он случайно подслушал разговор о себе. Две подружки болтали в раздевалке на пляже в Саут-Бич. Одна сказала: «Он тебе сразу начнет заливать, что никогда не ходил в колледж, что он давно уже обогнал в развитии всех выпускников колледжа и что он вообще на них плюет.» В общем-то, это был пустой разговор, и Чарли даже не смутился, но дело в том, что он никогда более не заикался о колледже в своих разговорах. Он просто не знал, что так часто болтает на эту тему и что это выглядит очень глупо.

— Ладно, я уже говорил тебе, мы — новая раса, и мы стремимся узнать максимально много о себе. Для этого у нас есть средства, которые я даже не могу тебе описать. Но, одно качество нам, как видно, не дано объективность.

— Все это очень хорошо, но я не специалист по расам, видам, культурам или чему-нибудь подобному, на что ты намекаешь.

— Нет, специалист. Потому что ты — не такой, как мы. Именно это и делает тебя специалистом.

— Предположим, мне не нравится то, что я вижу?

— Разве ты не видишь, — озабоченно заговорил

Филос, — что это не имеет значения? Любишь ты нас или не любишь — это к делу не относится. Мы хотим знать, как преобразуется то, что ты видишь, в твоем мозгу.

— И когда вы будете знать это…

— Мы лучше узнаем самих себя.

С гримасой на лице Чарли протянул:

— Вы узнаете всего лишь то, что я думаю.

Филос ему ответил с таким же выражением лица:

— Что ж, мы всегда сможем подкорректировать тебя.

В конце концов оба рассмеялись.

— О'кей, — Чарли Джонс махнул рукой. — Договорились.

Чарли подавил зевоту и извинился.

— Когда мы начнем? Сразу с утра?

— Я думал, что мы…

— Послушай, — взмолился Чарли, — у меня был длинный день или уж не знаю, как назвать, и я полностью вымотался.

— Устал? Ну, я подожду, пока ты отдохнешь еще немного. — Филос уселся поудобнее в своем кресле.

Ошеломленный Чарли смог отреагировать не сразу:

— Я имею в виду, что я должен поспать.

При этих словах Филос вскочил на ноги.

— Поспать! Он приложил руку к голове: — Конечно! Извини, я совсем забыл… как вы это делаете?

— Что?

— Мы ведь не спим.

— Не спите?

— Как ты это делаешь? Птицы кладут голову под крыло.

— Я ложусь, закрываю глаза, а потом просто лежу — и все.

— А, хорошо. Я подожду. А сколько ждать?

Чарли вопросительно посмотрел на Филоса: может, тот шутит?

— Обычно около восьми часов. — Восемь часов! О! Произнес Филос, как будто ему было стыдно за свое невежество или любопытство, направился к дверям. — Я лучше оставлю тебя одного, чтобы ты сделал это. Так будет лучше?

— Отлично.

— Если тебе понадобится что-нибудь из еды…

— Спасибо, вы мне объяснили насчет еды, когда показывали, как обращаться со светом, помнишь?

— Очень хорошо. Одежда вот здесь в шкафу. —

Филос слегка дотронулся до завитушки на стене напротив. Дверной проем возник и вновь исчез. Чарли бросил взгляд на поразительно яркие ткани. — Выбирай, что нравится. А-а, Филос заколебался, — ты найдешь их все достаточно закрытыми, но при этом мы пытались сделать костюмы максимально удобными. Но дело в том… что никто из здешних людей никогда не видел мужчину.

— Вы что — женщины?!

— О, нет! — воскликнул Филос, махнул рукой и исчез.

Смит пользуется «Старым пиратом» — заключает Герб Рейл, осматривая ванную комнату Смита на первом этаже, в частности, настенный аптечный шкафчик. Он висит над унитазом, а над полочкой для туалетных принадлежностей, рядом с раковиной, висит еще один шкафчик. В каждом доме в околотке есть два шкафчика. В рекламке они называются «Он и Она». Жанетт называет их «Его и Наш», вероятно Тилли Смит пользуется и этим шкафчиком, так как полторы полки из четырех завалены женскими принадлежностями. Остальное место занимают «Щетина старого пирата» — жидкость, для протирки лица перед бритьем, от которой волосы встают торч-

ком — и «Приказ старого пирата» — жидкость для укладки волос после причесывания. Здесь и шампунь для ванны с витамином «С» — «Услада Старого пирата» (Однажды Герб вычитал в словаре определение слова «пират» — морской разбойник — и заявил, что не удивляется, почему все бутылочки и баночки не полны, однако, Смитти эта шутка не понравилась). Лично Гербу даже немного жаль Смитти, увлекающегося всеми атрибутами «Старого пирата», так как в продаже есть и лучшие средства. Например, «Атласная щека». Мнение Герба основывается, главным образом, на своем опыте работы в агентстве, где они изобразили «Атласную щеку» в виде койота (для распространения в Европе нужно рисовать европейского волка!), разевающего пасть над восторженной дамой с вываливающейся из декольте грудью, а под всем этим сделали надпись: «Хочешь погладить атласную щеку?»

— Да! — произносит Герб почти во весь голос.

Тюбик мази от геморроя… Здесь же, конечно, транквилизаторы, аспирин в листиках и бутылочка огромных наполовину синих, наполовину желтых капсул. По одной три раза в день. Можно спорить, что это акромицин. Осторожно, стараясь ничего не трогать, Герб наклоняется и читает яр-

лычок. Дата говорит о том, что средство куплено три месяца назад. Герб припоминает — в то время Смит временно бросал пить.

— Может, простата?

Бесцветная помада от обветривания губ. Бесцветный лак для ногтей. Карандаш тонировочный. Что, черт побери, может значить карандаш тонировочный коричневый номер двести три? Герб наклоняется еще ближе и читает написанное мелким шрифтом: Для временного ретуширования между применением теней «Туш-Тон». Время наступает, Смитти. Или лучше так, убрав запятую: Время наступает на Смитти.

Чарли помнит (помнит, помнит!) песенку, которую слышал в детском саду. Ее пели дети из старшей группы, а девочки крутили в это время скакалку:

Раз, два, три, четыре, пять,
Мама начала рожать
Не мальчишку, не девчонку,
А красивого ребенка.

Он повторял про себя эту песенку и незаметно уснул. Ему снилась Лора… они знали друг друга так мало, и вместе с тем, так хорошо; у них уже был свой любовный язык, коротенькие словечки

и фразы, имевшие смысл только для них и ничего не говорившие посторонним: «это топорики, Чарли», а он мог сказать: «это фантики, Лора», например, если она притворно пищала, когда желтый майский жук запутался в ее волосах, а Чарли его извлекал.

Просыпаясь, Чарли прошел через такую фазу сна, когда он трезво и четко осознал, что Лора отделена от него непреодолимыми барьерами пространства и времени, но при этом ему представлялось, что в ногах его постели сидит мать. По мере того, как он просыпался, он все яснее и яснее понимал, что он на Лидоме и что ничто этого уже не изменит. Все же ощущение, что его мать с ним, становилось все сильнее, так что когда он открыл глаза и ее не оказалось рядом, Чарли все же казалось, что он только что видел ее — не ее образ, а живую маму, которая исчезла с еле слышным звуком. Чарли проснулся расстроенный и несчастный, в уголках его глаз стояли слезы…

Подойдя не слишком близко к окну, Чарли выглянул наружу. Погода не изменилась, вроде бы он проспал ровно сутки, небо все еще было затянуто тучами. Чарли проголодался и вспомнил инструкции своих хозяев. Он подошел к кровати, на которой спал, и потянул за нижнюю из трех

золотистого цвета планок. Небольшая часть стены неопределенной формы (в этом мире не было ничего квадратного, плоского, вертикального или гладкого) отошла вверх и назад, как крышка откидного бюро, а из образовавшегося отверстия выдвинулась подставка, на которой стояли чаша и блюдо. В чаше было что-то вроде жидкой каши, а на блюде — гора экзотических, ярких и красиво уложенных фруктов самых разнообразных цветов. Здесь были один или два привычных банана и апельсина, нечто вроде винограда, зато остальные округлой формы фрукты были синими, пятнистыми, зелеными и ярко-красными, причем последние не менее семи оттенков. Больше всего на свете Чарли хотел сейчас чего-нибудь выпить холодного, но ничего такого не было. Он вздохнул и выбрал красный шар, понюхал его — он пах неопределенно, нечто вроде тоста с маслом — и осторожно откусил. Как велико было его удивление, когда сильная струя холодного сока облила ему шею и грудь. Хотя кожица фрукта была комнатной температуры, сок был ледяной.

Пришлось использовать свой белый халат, чтобы вытереться, после чего Чарли принялся за второй плод и был вознагражден. Чистый холодный сок без мякоти напоминал яблоки с

привкусом корицы.

Потом он исследовал кашу. Чарли никогда не любил крупы, но эта пахла аппетитно, хотя он не мог понять, что это такое. Рядом с чашей лежал некий предмет, который напоминал по очертаниям ложку, но состоял, фактически, из одной ручки с прикрепленной к ней блестящей синей проволочной петлей. В целом, это напоминало миниатюрную теннисную ракетку. Чарли осторожно взял предмет и погрузил петлю в кашу. К его удивлению каша набралась на петлю, как если бы это была сплошная ложка. Подняв эту «ложку», Чарли увидел, что и с нижней стороны ложки тоже набралась каша, причем содержимое не стекало вниз.

Осторожно он взял кашу в рот, и она оказалась настолько вкусной, что ему не мешала даже невидимая сетка внутри петли. Чарли испытующе осмотрел ложку и поставил эксперимент — всунул палец в петлю (при этом он ощутил лишь слабое сопротивление). Каша была очень вкусной, и у Чарли буквально слюнки текли. Запах был совершенно незнаком ему, но он выскреб петлей все, что было в чаше, надеясь, что ест такое блюдо не в последний раз.

Удовлетворенный, по крайней мере физически,

Чарли вздохнул и поднялся с постели, а подставка с остатками бесшумно скользнула в отверстие, которое немедленно стало вновь частью стены. «Обслуживание на дому», пробормотал Чарли, одобрительно кивая головой. Он подошел к указанному Филосом шкафу и коснулся орнамента на стене. Раскрылась дверца. Внутренность шкафа была освещена все тем же серебристым светом. Бросив осторожный взгляд на края овального проема неправильной формы — ведь эта штука могла закрыться совершенно неожиданно — Чарли заглянул внутрь, надеясь увидеть свои нормальные коричневые американские брюки. Их там не было.

Вместо брюк висели лишь несколько конструкций — другим словом их было трудно определить — из жестких и мягких тканей. Одни были накрахмалены, другие прозрачны, но все были окрашены в яркие цвета и их комбинации красный, синий, зеленый, желтый и их оттенки. Некоторые одежды просто состояли из кусков ткани разных цветов, простроченных разнообразными швами. Кроме того, здесь были и куски ткани неопределенного цвета, которые скрывали цвет любого куска ткани при наложении на него. Эта ткань лежала в виде прямоугольных лоску-

тов, драпировок, трубок, швов, фестонов, кусков с вышивкой на них, подрубленных кусков. Как только глаза и руки Чарли привыкли к этой пестроте, он уловил некую систему; всю эту одежду можно было рассортировать по видам. Некоторые платья имели крой простой ночной рубашки, хотя спящему в ней должно было сниться, что он заключен в дифракционную решетку. Была здесь и нижняя одежда в виде просторных панталон, обтягивающих трико, трусов, поясов и набедренных повязок разного рода, а также килтов и юбок — широких и узких, длинных и коротких, свободных и с кринолином. А что это — блестящее шириной в два дюйма в виде ленты длиной восемь футов, отороченное вдоль верхнего края подвешенным орнаментом в виде многих букв U? Где должно носить шарообразный предмет из эластичного черного материала — на голове?

Он поставил шар на голову и попытался удержать его там. Это оказалось легко. Тогда Чарли наклонил голову, чтобы шар скатился вниз, но этого не произошло. Шар остался на голове. Это было невозможно. Шар прилип к нему. Никакого давления на волосы Чарли не испытывал — шар стал частью его головы.

Чарли подошел к трем золотистым планкам,

намереваясь положить на них руку и вызвать Филоса, но остановился. Нет, он раньше оденется, а потом будет звать помощь. Какими бы эти странные и разные люди не оказались, он все еще чувствовал нежелание, чтобы женщины помогали ему одеться. Он уже вышел из этого возраста.

Чарли вернулся к шкафу. Он быстро понял, как платье висит в нем. Плечиков в нашем понимании не было, но если платье расправить так, как вы хотели бы, чтобы оно висело, и прикоснуться к стенке шкафа справа, то оно и оставалось в таком положении. После этого можно было его сдвигать вправо или влево, и оно двигалось, как вдоль натянутой струны. Если платье извлекалось из шкафа, то оно теряло свою форму и становилось просто куском ткани.

Чарли выбрал длинную одежду, имевшую вид песочных часов, к которой была прикреплена длинная узкая лента. Ткань была синей, а лента ярко-красной. Чарли решил сделать с ее помощью нечто вроде трусов. Он стянул с себя белый халат. Черный шар, качался на голове при каждом его движении. Поместив часть платья без ленты на животе, протянув остальное между ногами и сзади, Чарли завершил одеяние, готовясь завязать ленту на животе. Однако, прежде, чем ему

это удалось, концы ленты сами приросли один к другому без какого-либо следа шва. Он потянул за ленту — она растянулась, а затем медленно заняла прежнее положение плотно и удобно охватывая талию. Все еще удивляясь, Чарли натянул материал одежды спереди так, чтобы она плотно охватывала его сзади и между ногами, а затем отпустил ткань так, чтобы свободный материал спадал в виде фартука спереди. Он повернулся и изогнулся, восхищенно глядя на себя. Одежда совершенно подходила ему по размеру и, хотя ноги оставались с боков голыми до самой талии, где имелась лишь красная лента, Чарли все же чувствовал себя достаточно одетым.

Что касается других одеяний, то Чарли счел их излишними, поскольку климат был здесь, как ему показалось, тропическим. С другой стороны, большинство здешних жителей носило одежду на верхней части тела, хотя бы это была лишь нарукавная лента или что-то подобное. Чарли задумался над огромным количеством пышных нарядов в шкафу, ему на глаза попался кусок ткани темно-синего цвета, как и тот, что он уже одел. Он вытащил его. Это было нечто вроде пальто или плаща, казавшегося тяжелым, а бывшим на самом деле легче пуха. Ему понравилось, что не

только цвет тканей совпадал, но и отделка на плаще была красного цвета, как и поясная лента на его штанах. Однако, одеть плащ оказалось не так-то просто, пока Чарли не понял, что это одежда такого же кроя, что и та, которую носил Сиес, — ее нужно было носить не на плечах, а завязывать подмышками. У плаща был сзади такой же высокий стоячий воротник, который сходился спереди у горла. Пуговиц или тесьмы не было — одежда удобно улеглась вокруг тела и как будто приросла. Талия подходила совершенно, и хотя спереди ткань и не сходилась, все одеяние держалось на фигуре и не спадало. Юбка была не такая, как у Сиеса — сзади длиннее, чем спереди — а везде одинаковой, не длиннее ладони.

Внизу шкафа хранилась обувь; здесь на полочке стоял обязательный минимум — выгнутые по форме стопы туфли, причем в некоторых из них пятка не соединялась с носком, или же соединялась чем-либо видимым. Были здесь и разнообразные сандалии — плетеные с пряжками, сандалии с завязками и самоскрепляющимися лентами, мягкие и гибкие сапожки до колен, туфли с загнутыми носками, наподобие турецких, туфли на платформе, и многие другие, исключая обувь, которая могла бы стянуть или

стеснить ноги. Чарли решил выбрать обувь по принципу цвета и довольно скоро нашел пару почти невесомых сапожек вроде как из замши, которая идеально гармонировала с его туалетом — синим с красной отделкой. Чарли надеялся, что сапожки подойдут ему по размеру… и они оказались совершенно подходящими. Тогда он понял, что вся обувь в шкафу должна подходить ему или вообще всем, кто бы ее ни носил.

Довольный собой, Чарли еще раз, уже без всякой надежды, потянул за нелепый черный шар, болтавшийся на голове, подошел к планкам и провел по ним рукой. С легким щелчком дверь растворилась, и вошел Филос. (Что может, он стоял все восемь часов за дверью?). На этот раз Филос был одет в широкий килт ярко-желтого цвета, такие же туфли и черное болеро, одетое как бы на спину. Но все это выглядело на нем не так уж плохо. Его выразительное смуглое лицо озарилось при виде Чарли.

— Уже одет? Отлично! — он почему-то смутился.

— Вроде все в порядке? — спросил Чарли. — Неплохо бы посмотреть в зеркало.

— Да, да, ответил Филос. — С твоего разрешения… — тут он застыл в ожидании, как будто

сейчас что-то должно было произойти.

— Конечно, — ничего не оставалось ответить Чарли, и тут же у него буквально дух перехватило.

Филос сложил руки ладонями друг к другу и — исчез. Вместо него теперь стоял другой человек, одетый в синюю одежду с высоким воротником, красиво обрамлявшим его несколько вытянутое лицо, штаны плотно обтягивали его стройные ноги, небольшой фартук висел спереди, голые плечи выступали из жакета, а на ногах были красивые туфли. В довершение картины на голове раскачивался нелепый черный шар, но при этом вся фигура не была лишена элегантности, если не считать лица, которое Чарли ничего не говорило.

— В порядке? — Фигура исчезла и вновь появился Филос.

Чарли разинул рот от удивления.

— Как ты это сделал?

— О, я забыл — ты еще не видел этого. — Филос протянул руку с кольцом ярко-синего металла на пальце. Цвет кольца был такой же, что и петля на ложке, которой Чарли ел свой завтрак. — Когда я касаюсь кольца другой рукой, появляется очень хорошее зеркало. Тут Филос вновь коснулся коль-

ца, и перед Чарли опять появилась и исчезла фигура в синем с нелепым шаром на голове.

— Ну и чудеса! — воскликнул Чарли, любивший всякие технические новинки. — Но зачем постоянно таскать с собой зеркало? Можешь ты увидеть в нем себя?

— О, нет, — Филос, все еще с гримасой на лице, ухитрился одновременно улыбнуться. — Это исключительно защитное устройство. Мы, на Лидоме, редко ссоримся, в частности, по этой причине. Представь, что ты разгорячен, взбудоражен и пристрастен (Филос попросту имел в виду «глупое и недостойное поведение»), и тут ты вдруг видишь самого себя со стороны!

— Да, это охлаждает страсти, — согласился Чарли. — Вот почему мы всегда спрашиваем разрешения перед тем, как сделать это в обществе. Это чистая вежливость. Обычай этот очень древен, и у вас, наверное, есть что-либо в этом роде. Человека не заставляют раскрывать себя без его собственного желания.

— У вас тут действительно чудеса, — восхитился Чарли. — Ну, что… прошел я испытание?

Филос осмотрел его сверху донизу, и его его смущение, видимо, усилилось.

— Нормально, — произнес он несколько на-

пряженно, — все в порядке. Ты выбрал очень хороший костюм. Пойдем?

— Послушай, — остановил его Чарли, — ты что-то не договариваешь. Если я выгляжу как-нибудь не так, то пора сказать мне об этом.

— Ну, что ж, поскольку ты просишь меня… — Чарли видел, что Филос напрягается, тщательно выбирая слова, — тебе очень нравится эта… э-э, шляпа?

— Просто она такая легкая, что я почти забыл о ней. — Черт побери, я приложил ее к голове, а теперь не могу снять.

— Это пустяки, — Филос коснулся орнамента на стене, нырнул в шкаф и достал оттуда нечто вроде рожка для обуви. — Вот, прикоснись этим.

Чарли так и сделал, и черный шар покатился, подпрыгивая, по полу. Чарли загнал его ногой внутрь и положил рожок на место. — Что это такое?

— Разрядник? Он отбирает биостатический потенциал у материала.

— А что, именно биостатическая сила заставляет одежду прилипать к телу?

— Да, поскольку одежда не биологический материал. Спроси об этом Сиеса: я сам это не совсем представляю.

Чарли уставился на Филоса. — Ты все же чего-то не договариваешь. Выкладывай лучше все, как есть, Филос.

Смущение Филоса еще более усилилось, и Чарли стало даже жаль его.

— Лучше не надо. Когда над тобой в прошлый раз посмеялся Сиес, ты дал ему такого пинка, что он летел через весь кабинет Милвиса.

— Я сожалею об этом. Я был слишком расстроен тогда… Давай, забудем этот случай.

— Знаешь ли ты, что ты надел себе на голову?

— Нет.

— Турнюр.

— Хохоча, они вместе вышли из комнаты и отправились к Милвису.

— Хорошее дело — игра в шары, — говорит Смит.

— Популярная.

— Стадное чувство, — Смит не хочет уколоть Герба, хотя про себя он смеется.

Воцаряется молчание. Они выговорились и теперь оба соображали, что бы еще сказать. Герб считает, что людям, которые находятся вместе, не обязательно все время извергать слова, но он держит свое мнение при себе, так как Смит может подумать, что он начинает рассуждать о

серьезных вещах.

— Манжеты опять выходят из моды, — помолчав, изрекает Смит.

— Угу. Миллионы парней сейчас перешивают брюки. Как по-твоему, куда девают портные все манжеты? Куда идет весь этот материал?

— Коврики делают.

— Стоят одинаково, — Смит имеет в виду брюки без манжет.

— Точно.

Опять молчание.

Вступает Герб:

— У тебя много костюмов из немнущейся ткани?

— Есть несколько. Все их носят.

— Кто их стирает? — Никто, — с негодованием бросает Смит. — В химчистках их чистят специальным способом, неплохо зарабатывают.

— Не очень здорово.

Смит пожимает плечами.

— Что делать?

— Да, — Герб чувствует, что и эта тема исчерпана.

— О! Гляди, Фаррел.

Герб видит ухмылку Смитти, который глядит через окно на окно в доме напротив.

— Что он там делает?

— Телевизор смотрит. Гляди, какой стул.

Герб поднимается и подходит к окну. В руках у него пепельница, которую он ставит на стол, после чего Герб возвращается к дивану. С расстояния в сто тридцать футов не должно быть замет его любопытного взгляда.

— Да, это гнутый стул.

— Гнутый то гнутый, но он красный. Откуда у него красный стул?

— Не спеши, Смитти. Он будет менять мебель.

— ?

— Помнишь, года два назад вошла в моду грубая мебель, стиль ранчо. Тогда он приобрел это большое зеленое кресло. Увидишь, что будет через неделю. Раннеамериканский стиль.

— О, да.

— Запомни, через неделю.

— Да-а.

— Это я тебе говорю.

— Как это у него получается менять мебель дважды за три года?

— Может, родственники подкидывают?

— Ты его знаешь?

— Я? Что ты. Никогда даже не был у него. Мы почти не здороваемся.

— Я думал, ему едва хватает.

— Чего так?

— Машина.

— Так он тратит все на мебель.

— Странные люди.

— Почему странные?

— Тилли видела, как его жена покупала черную патоку в супермаркете.

— Черт, — морщится Герб, — все помешались на ней. Неудивительно, что у него такая машина. Его даже не волнует, что все видят, как он ездит на ней уже восемнадцать месяцев.

Опять молчание.

Смит замечает:

— Время мне уже браться за покраску.

— И мне пора, — кивает головой Герб.

По газону скользят лучи фар — на дорожку въезжает фургон Смита, делает круг и скрывается под навесом. Двигатель смолкает. Дверцы хлопают, словно бросают два коротких слова. Приближаются женские голоса, они говорят одновременно, но не теряют нить разговора. Открывается дверь и входит Тилли, а за ней Жанетт.

Они шли по извилистым коридорам и дважды без труда возносились вверх по бездонным вертикальным шахтам. На этот раз туалет Милвиса

был особенно впечатляющим и состоял из двух лент: белой, обвернутой вокруг тела и правой ноги, и желто-пурпурной, обвивавшей туловище и левую ногу. Милвис был один, он торжественно приветствовал Чарли и недвусмысленно одобрил его синий наряд.

— Я оставлю вас, — сказал Филос, на которого Милвис вообще не обратил никакого внимания (что, впрочем, по мнению Чарли, могло означать только одобрение) до тех пор, пока тот не произнес этих слов, после чего Милвис кивнул Филосу и на прощание улыбнулся.

Чарли со своей стороны махнул ему рукой, и Филос покинул их.

— Очень тактично, — одобрил Милвис. — Филос всегда знает, как надо поступить.

— Он заботится обо мне, — сказал Чарли, думая продолжить эту тему, однако Милвис прервал его:

— Хорошо, — произнес он, — наш Филос рассказал мне, что ты чувствуешь себя намного лучше.

— Скорее скажем, что я начинаю сознавать, как я себя чувствую, отпарировал Чарли, — чего нельзя сказать о моменте, когда я здесь очутился.

— Не самое приятное переживание.

Чарли внимательно следил за Милвисом и

его поведением. У него не было никакого представления о приблизительном возрасте этих людей, и если Милвис казался старше других, то, очевидно, это впечатление создавало то явное уважение, которое ему оказывали окружающие, его сравнительно большой рост, полное лицо и совершенно необычное, даже для здешних обитателей расстояние между глазами. Вообще же ничто в этих людях не указывало на возраст в том смысле, в каком Чарли привык к этому.

— Итак, ты хотел бы узнать все о нас.

— Конечно.

— Зачем?

— Ведь это мой обратный билет.

Эта фраза была настолько идиоматичной, что ее трудно было передать на незнакомом языке, и Чарли понял это, как только произнес ее.

У них, скорее всего, не было в языке слов «плата» или «билет»; слово «билет» вышло в переводе в значении «ярлык» или «карточка».

— Я имею в виду, — пояснил Чарли, — что, как мне сказали, я смогу вернуться, когда ознакомлюсь со всем…

— …Всем, о чем ты будешь спрашивать…

— …И отреагирую на это, и тогда вы будете готовы отправить меня туда, откуда я появился.

— Я рад сообщить, что одобряю твои намерения, — у Чарли создалось впечатление, что Милвис, без хвастовства, подчеркивает свою значимость. Давай начнем.

Почему-то последние слова прозвучали как шутка, и Чарли в недоумении рассмеялся, признавшись:

— Я даже не представляю с чего.

Когда-то ему очень нравилась мысль, которую он вычитал, кажется, у Чарли Форта, да, у него: «Начинай мерить окружность из любой точки.»

— Хорошо, тогда я хочу узнать о… о чем-нибудь чисто личном, касающемся лидомца.

Милвис протянул к Чарли руку.

— Спрашивай, что хочешь.

Неожиданно смутившись, Чарли не смог задать вопрос прямо. Вместо этого он спросил:

— Прошлой ночью Филос что-то сказал, как раз перед тем, как я заснул… Филос сказал, что на Лидоме никогда не было мужчин. И я сразу же подумал, что он имеет в виду, что все вы — женщины. Когда я спросил его об этом, он ответил отрицательно. Но, либо вы мужчины, либо женщины, ведь так?

Милвис не ответил, хотя продолжал неподвижно глядеть на Чарли своими добрыми широко

расставленными глазами, сохраняя одобрительную полу-улыбку на губах. Несмотря на свое смущение, которое все усиливалось, Чарли не мог не оценить методику Милвиса и восхитился ею. Если бы у него были такие учителя! Милвис вроде бы намекал: Разберись самостоятельно. — Однако, такой метод не следует применят к человеку, не располагающему фактами.

Чарли собрался с мыслями, упорядочивая все неясные впечатления, касающиеся этого вопроса: развитость (но не чрезмерная) груди и размер сосков; отсутствие широкоплечих и узкобедрых людей. Что касается других косметических характеристик, например, волос, то количество причесок было столь же велико, что и разнообразие одежд, хотя в целом волосы стригли коротко. Туалеты же лидомцев отличались совершенно неповторимым характером, и для Чарли это было одним из явных указаний на принадлежность к женскому полу.

Затем он задумался о том, как донести до Милвиса все, что он хотел высказать. Чарли уже мог бегло говорить по-лидомски, но все же на каждом шагу он встречал языковые трудности. Чарли посмотрел на насупившегося и терпеливо ждущего Милвиса и сказал сам себе по-лидомски: «Я гляжу

на него». — Здесь Чарли впервые столкнулся с местоимением «его», которое в английским языке указывало на мужской род, а в лидомском — вроде как бы было бесполым, то есть не имело рода. В английском языке «оно» — безличное местоимение, примерно, такое же местоимение — причем только одно! — было в лидомском языке. Оно не имело рода! То есть, когда Чарли думал, что говорит «он», это было его ошибкой, и теперь он понял это.

Значило ли отсутствие рода у местоимений отсутствие полового деления на Лидоме? Ведь только этим можно было бы объяснить неожиданный ответ Филоса: здесь никогда не видели мужчину, но при этом обитатели не были женщинами.

В языке существовали понятия «мужчина» и «женщина»… а в реальности — двуполость. Лидомцы — все без исключения — были двуполыми.

Он посмотрел прямо в терпеливые глаза Милвиса и медленно произнес:

— Вы — двуполые?

Милвис не сделал никакого движения и долго хранил молчание. Затем улыбка на его лице стала шире, как будто ему было приятно увидеть

реакцию на обращенном к нему лице Чарли. Медленно и мягко Милвис ответил:

— А что, это так ужасно?

— Я вовсе не думал, ужасно это или нет, — честно признался Чарли, — я просто пытаюсь догадаться, как такое возможно.

— Я покажу тебе, — Милвис поднялся за столом во весь свой рост и направился к ошеломленному Чарли.

— Привет, ковбои! — бросает, входя, Тилли Смит. — Как живете?

— У нас мужской разговор, — отвечает Смит.

Герб не остается в долгу:

— Привет, шаровики! Научились кегли выбивать?

Жанетт хвастается:

— За три удара кончаю игру.

— А как насчет выпить? — осведомился Тилли.

— Без нас, — быстро отказывается Герб, звеня остатками льда в бокале. — Я уже выпил, да и поздно.

— Мне тоже пора, — присоединяется Жанетт, понимая намек мужа.

— Спасибо за выпивку и грязные шутки, — подмигивает на прощание Герб Смиту.

— Не будем рассказывать им о девочках из

варьете, — подхватывает Смит.

Жанетт делает широкий мах рукой, имитируя бросок шара:

— Спокойной ночи, Тилли. Не сбивай руку. Тилли также машет руками так, что Смит откидывается подальше на своем диване, впрочем он вообще любит сидеть развалившись. Рейлы собирают сумку со снаряжением для игры в шары, и Герб преувеличенно кряхтит, вскидывая ее на плечо. Жанетт вынимает из розетки электронную няньку и сует ее Гербу под левую руку, свою сумочку она сует ему под правую руку и ждет, пока он откроет ей коленом дверь ведь она леди.

— Следуй за мной, — и Чарли пошел за Милвисом в меньшую комнату.

Весь торец комнаты — от пола до потолка — имел множество прорезей с табличками возле них, Чарли показалось, что это картотека. Здесь, как и везде, заметно было нежелание располагать предметы упорядоченно. Прорези были устроены в виде арки… они напоминали арки, которые как-то рисовал лектор на лекции по эргономике — максимальная досягаемость правой руки, оптимальная досягаемость левой руки и так далее. У одной из стен стояла мягкая скамья — она напоминала экзаменационный стол. Про-

ходя мимо скамьи, Милвис нежно похлопал по ней, и она начала двигаться за ним, постепенно становясь ниже. Скамья прекратила движение за десять футов от стены, когда ее высота была равна высоте нормального стула.

— Присядь, — бросил Милвис через плечо.

Чарли осторожно сел, следя за тем, как высокий лидомец осматривал таблички, что-то выбирая. Наконец он, с уверенностью он произнес:

— Вот!

Своими тонкими пальцами Милвис провел по одной из прорезей и отвел руку вниз. Из щели полезла лента шириной не менее трех футов и длиной около семи футов. По мере выхода ленты освещение в комнате становилось все темнее, а изображение на ленте все ярче. Милвис еще раз повел рукой, и из другой щели начала выходить лента. Сам он подсел к Чарли.

В комнате стало совсем темно, светились лишь изображения на лентах. На них были представлены в цвете виды лидомца спереди и сбоку, одетого лишь в шелковый спорран, шириной вверху не более ладони, начинавшийся, примерно, на дюйм над пупком и ниспадавший до середины бедра. Внизу спорран расширялся и закрывал переднюю часть ног. Чарли уже видел

такие спорраны, которые были и больше, и меньше, чем этот, ярко окрашены в красный, зеленый, синий, пурпурный и снежно-белый цвет. Но он еще не видел ни одного лидомца, который бы ходил без споррана. Очевидно, это запрещалось или существовало табу. Чарли не стал пока ничего спрашивать.

— Расчленим тело, — непонятным для Чарли Джонса способом Милвис изменил вид изображения на ленте: Спорран и кожа под ним исчезли, открыв брюшную полость. Неизвестно откуда появившейся черной указкой Милвис указывал на различные органы и рассказывал об их функциях. Конец указки принимал при этом вид то иглы, то маленькой окружности, стрелки или полумесяца, в зависимости от желания Милвиса. Язык объяснений был краток и соответствовал вопросам Чарли.

Как много вопросов задал Чарли! Куда исчезло его смущение! Он дал волю своему любопытству — вот когда сказались как его страсть к беспорядочному, всеядному, бесконечному чтению, так и огромные пробелы в его знаниях. И то, и другое оказались значительно большими, чем Чарли предполагал. Он знал существенно больше, чем сам думал, но при этом проявил невежество во

многих вопросах.

Анатомические подробности показались ему захватывающими, как это обычно и бывает, потому что ученика охватывает невольное восхищение чудом природы и той искусностью, с которой решаются сложнейшие проблемы живого организма.

Прежде всего, оба пола были представлены в лидомце активно. Внутренний орган, находившийся далеко внутри, представлял собой то, что у человека может быть названо вагинальной впадиной. С каждой стороны основания органа находились матки с шейками — лидомцы имели две матки и всегда рожали двух близнецов. Во время эрекции член опускался и выдвигался, в спокойном же состоянии он был вял и полностью скрыт. В нем же имелась уретра. Совокупление происходило при общем участии всех органов — да иначе и быть не могло. Яички находились не внутри туловища, но и не снаружи, а в паху под слоем кожи. Во всех этих органах было множество нервных окончаний, а функции таких органов, как бартолиниевы и куперовы железы, были перераспределены.

Когда Милвис также завершил свои объяснения, сбросил с колен диаграммы, которые

скатились и исчезли в щелях в стене, а свет зажегся.

Какое-то мгновение Чарли сидел молча. Он думал о мужчинах и женщинах. В биологии — вспомнил он — для их обозначения используют астрономические символы Марса и Венеры. Интересно, каким образом можно было бы обозначить этих?.. Венера плюс икс? Марс плюс игрек?.. Наконец он поднял глаза и, мигая, посмотрел на Милвиса.

— Объясни, ради всего святого, как люди умудрились так все перемешать?

Милвис добродушно рассмеялся и снова повернулся к стене. Он (даже после демонстрации изображений Чарли все еще воспринимал его как мужчину, что и было удобным переводом местоимения среднего рода лидомского языка) начал выискивать что-то на стене, обращаясь то вверх, то вниз, то вбок. Чарли терпеливо ждал новых откровений, однако Милвис недовольно проворчал что-то и отошел в угол, где опустил руку на вычурный орнамент на стене. Тонкий голос вежливо произнес:

— Да, Милвис?

— Тагин, где ты хранишь сечения хомо сапиенс?

Тонкий голос вновь ответил:

— В архиве, в разделе *«Вымершие приматы»*.

Поблагодарив Тагина, Милвис подошел ко второй секции щелей, которая располагалась сбоку. Здесь он нашел то, что искал. В ответ на его жест Чарли поднялся и приблизился, скамья послушно последовала за ним. Милвис вытянул еще несколько рулонов схем, и они уселись на скамью.

Освещение плавно уменьшилось и угасло, а изображения на схемах осветились.

— Вот схемы мужских и женских половых органов хомо сапиенс, — вновь начал Милвис. — Ты сказал, что у лидомцев все перемешано. Я хочу доказать тебе, что фактически произошли лишь очень небольшие изменения.

Сначала Милвис продемонстрировал красиво исполненные рисунки репродуктивных органов эмбрионов человека, указав на схожесть половых органов в начальной стадии, а затем проследил их изменения, не меняющие общего сходства.

— Каждый орган мужского организма имеет соответственный орган в женском организме. И если ты не принадлежишь к людям, которые концентрируются исключительно на отличиях, не являющихся коренными, то ты сможешь уви-

деть, насколько эти отличия невелики.

Здесь Чарли впервые услышал, как лидомец научно рассуждает о человеке разумном. Милвис показал несколько рисунков патологий. Было видно, как, с помощью исключительно биохимических средств, один орган можно вынудить атрофироваться, а второй, рудиментарный, будет выполнять его функции. Мужчина может вырабатывать молоко, а женщина вырастить бороду. Милвис продемонстрировал, что прогестерон вырабатывается и в мужском организме, а тестостерон — в женском, хотя и в ограниченных количествах. Далее он показал картинки других видов, чтобы Чарли мог уяснить, насколько широк диапазон вариаций в природе применительно к воспроизводящим органам: пчелиная матка совокупляется высоко в воздухе, неся в себе вещество, способное оплодотворить буквально сотни тысяч яиц, в которых заключена жизнь многих поколений; стрекозы исполняют любовный танец, изогнув свое гибкое тельце дугой, описывают почти окружность, кружа и ныряя над болотами; некоторые виды женских особей лягушек откладывают яйца в большие поры на спинах самцов; мужские особи морских коньков рожают живых мальков; осьминоги в присут-

ствии своих избранниц машут щупальцем, конец которого отрывается и плывет самостоятельно к женской особи, которая, если она того хочет, обхватывает его или, если не хочет, — съедает. Когда Милвис завершил свои пояснения, Чарли был вполне готов согласиться с тем, что отличия между лидомцем и хомо сапиенс не носят кардинальный характер, а являются лишь одной из многих вариаций природы.

— Но что произошло? — стал допытываться он, когда ему удалось переварить всю информацию. — Как случилось такое изменение?

На это Милвис ответил вопросом:

— А как обитатели водоемов выбрались из ила и вдохнули воздух, а не воду? Как обезьяна слезла с дерева и подобрала палку, чтобы она служила орудием? Как первобытный человек впервые выкопал ямку в земле, чтобы посадить зерно? Так произошло, вот и все. Эти вещи происходят…

— Вы знаете больше, чем говорите, — обвинил его Чарли. — Вы знаете больше и о хомо сапиенс. Слегка уязвленный, Милвис ответил:

— С этими вопросами — к Филосу, это его специальность. Во всяком случае, что касается лидомцев. Применительно же к человеку разумному, я понимаю так, что ты умышленно не

хочешь знать ни времени, ни характера происшедших изменений. Никто не пытается отказать тебе в получении информации, Чарли Джонс, но не ты ведь понимаешь, что зарождение Лидома и конец хомо сапиенс взаимосвязаны? Конечно… ты можешь настаивать.

Чарли опустил глаза.

— Спасибо, Милвис.

— Поговори об этом с Филосом. Он может объяснить тебе все это лучше, чем кто-либо другой. И я полагаю, — тут он благосклонно улыбнулся, — что он знает лучше, чем я, где остановиться. Не в моих правилах скрывать информацию. Иди к нему.

— Спасибо, — повторил Чарли. — Я — я пойду.

В заключение Милвис сказал еще, что природа, какой бы расточительной она не была и сколько бы ошибок ни совершала, придерживается одного принципа — непрерывности развития.

— И она проводит этот принцип в жизнь, — подчеркнул он, — даже, когда для этого нужно сотворить чудо.

— Знаешь, все-таки отлично, — заявляет Жанетт мужу, приготовляя пару бокалов виски, — иметь таких соседей, как Смиты.

Герб только что вернулся в кухню из детской,

где он проверял, как спят дети.

— Отлично, — соглашается Герб.

— Я имею в виду общие интересы.

— Чем занималась сегодня вечером?

Жанетт подает Гербу бокал и присаживается на край раковины.

— Ты уже семь недель готовишь презентацию своих булочников, которые хотят продавать мороженое и кексы.

— Да?

— Сеть магазинов называется «На десерт»?

— Ты смотри, всезнайка!

— Тилли сегодня выболтала эту новость, — признается Жанетт. Но она не знает, что ты работал над этой презентацией семь недель, я ей не сказала.

— Умненько поступила. С меня хватит. Смитти сегодня прошелся по мне.

— Надеюсь, ты отплатил ему?

— А как же. Он среднее колесико в большом бизнесе. Сейчас ему повезло.

— Да ты что!

Герб рассказывает о телешоу о том, как он высказал свое мнение и понял, что Смит имеет отношение к шоу.

— О, — задумалась Жанетт, — ты дурак, Герб, но

он все равно гадина. На их семейном жаргоне «гадина» означает любого, кто устраивает гадости.

— Я не дал себя в обиду.

— Все равно, будь всегда наготове, на всякий случай.

Герб выглядывает в окно в сторону дома Смита.

— Слишком близко, чтобы бросать гранату.

— Главное, чтоб они не узнали, кто бросил.

— Ладно, — успокаивается Герб, — мы не будем в них бросать.

— Конечно, мы просто хотим иметь про запас гранату. Да, есть еще новости.

— Жанетт рассказывает о старике Трайзере, которого повысили и теперь он будет счастлив поквитаться со Смитти.

— Оставь его, Жанетт, у него простатит.

— Откуда ты знаешь? Он сказал?

— Нет, сам узнал. — Герб добавляет: — Еще и геморрой.

— Боже, я подразню Тилли.

— Ты самая злобная женщина, которую я знаю. — Они обидели моего маленького мальчика, а я буду им молчать?

— Она будет думать, что это я разболтал.

— Она не будет знать, откуда это пошло. Я

устрою все так, что не подкопаешься. Мы ведь с тобой два сапога пара. Вот.

Герб крутит бокал и смотрит, как перемешивается виски.

— Смитти упоминал сегодня о сапогах.

Он рассказывает о покупке Тилли и о том, что по словам Смитти скоро дети не будут знать своих отцов.

— Тебя это волнует? — Жанетт вскидывает головку.

— Немного.

— Забудь об этом. Ты мыслишь по-старинке. Кто мы? Мы, папочка, новые люди. Да, Карин и Дейв растут без отца, такого, знаешь, большого толстого патриарха и без ласковой матери и без всего этого сюсюканья, которое описывают в книгах.

— Представь только: «История моей жизни», автор Карин Рейл. Когда я была вот такой маленькой, у меня не было мамочки и папочки, как у всех деток. Вместо них у меня был Комитет.

— По крайней мере у них есть дом, еда, одежда, их любят, что — этого мало?

— Да, но мне жаль образа отца-патриарха.

Жанетт треплет Герба по щеке:

— Я могла бы в это поверить, если бы ты в душе

чувствовал действительно таким. А ты ведь уже уверен, что будешь и в этом Комитете, не так ли? Идем спать.

— Что ты имеешь в виду?

— Спать идем!

Чарли Джонс столкнулся с Филосом у кабинета Милвиса. Видно, Филос сюда и направлялся.

— Ну как?

— Потрясающе, — ответил Чарли, — просто фантастика. — Тут он искоса взглянул на Филоса и добавил: — Думаю, что у тебя иное мнение.

— Ты хочешь узнать больше? Или на первый раз довольно? Тебе надо опять поспать?

— О, нет, теперь можно не спать до ночи. — Слово «ночь» здесь тоже имело не больший смысл, чем слова «мужчина» и «женщина». Чарли пояснил: Ночь — это когда темно.

— А когда становится темно?

— Ты знаешь. Солнце садится, появляются луна, звезды.

— Темно не становится.

— Как нет, о чем ты говоришь? Земля ведь все еще вращается, не так ли?

— О, теперь я понимаю. Да, наверное, там становится темно, но на Лидоме светло.

— Так что, Лидом находится под землей?

Филос склонил голову на сторону.

— На этот вопрос нельзя ответить ни да, ни нет.

Чарли посмотрел вдоль коридора на одно из окон, за которым сияло ясное серебристое небо.

— Почему?

— Лучше спроси об этом Сиеса. Он объяснит тебе лучше, чем я. Чарли не смог удержаться от смеха, и в ответ на недоумевающий взгляд Филоса пояснил:

— Когда я с тобой, объяснить может Милвис. Когда я с Милвисом, он отсылает за ответом к тебе. А ты направляешь меня к Сиесу.

— А по каким вопросам Милвис представил меня как специалиста?

— Он не уточнял, просто подразумевалось, что ты знаешь все об истории Лидома. Еще он говорил… дай вспомнить. Да, что ты знаешь, когда остановиться при рассказе. Да, именно так; он говорил, что ты знаешь, когда остановиться, так как не в его правилах утаивать информацию.

Тут Чарли во второй раз увидел, как по смуглому загадочному лицу Филоса пробегает тень.

— Но зато это в моих правилах.

— О, послушай, — взволновался Чарли, — может, я неправильно его понял. Я мог что-нибудь

пропустить. Ради бога, я не хочу стать источником конфликта между…

— Пожалуйста, — ровным голосом ответил Филос, — я знаю, что он имел в виду, ты ничего плохого не сделал. Это единственный вопрос на Лидоме, который не имеет к тебе ни малейшего отношения.

— Имеет, имеет! Милвис заявил, что начало жизни на Лидоме как-то связано с исчезновением хомо сапиенс, а именно это я и хочу выяснить до конца. Конечно же, это имеет прямое отношение ко мне.

Они уже двинулись вперед, но теперь Филос остановился и положил руки на плечи Чарли.

— Чарли Джонс, я искренне прошу извинить меня. Мы оба — мы все неправы. Но все в порядке. Ты не имеешь никакого отношения к этим разногласиям. Давай, оставим это, я вел себя неправильно. Забудем о моих чувствах и проблемах.

Чарли ничего не оставалось, как схитрить.

— Что, так мне и не узнать все о Лидоме? — После чего рассмеялся и успокоил Филоса, сказав, что все в порядке и что он забудет инцидент.

Но он не собирался его забывать.

В постели Герб неожиданно продолжил раз-

говор:

— Но Маргарет не любит нас.

Уже успокоившаяся, Жанетт отвечает:

— Бросим в нее гранату. Давай спать. Какая Маргарет?

— Мид. Маргарет Мид — антрополог, у которой та статья, что я рассказывал.

— Почему она не любит нас?

— Она говорит, что мальчик растет, желая быть похожим на своего отца. Если его отец все обеспечивает, уделяет ему внимание, да еще может сделать все в доме — мыть посуду, выносить мусор, вести хозяйство не хуже жены то ребенок вырастает напичканным витаминами, добрыми чувствами, сам становится добытчиком, любит детей, и все такое.

— Что же в этом плохого?

— Она утверждает, что из таких районов, как Бегония Драйв, не могут выйти авантюристы, путешественники и артисты.

Помолчав, Жанетт не выдерживает:

— Пусть твоя Маргарет карабкается сама на Аннапурну и там нарисует себе картину. Я уже говорила тебе: теперь новое время и мы новые люди. Мы создаем сейчас новый вид людей, которые не зацикливаются на том, что отец вечно

навеселе, а мать прыгает в постель с сантехником. Мы воспитываем новое поколение, которое будет любить то, что имеет, и не станет терять время, сводя счеты с остальными. Перестань умничать, моя радость, тебе это вредно.

— Знаешь, — изумился Герб, — точно то же сказал мне Смитти. Герб смеется. — Ты говоришь мне это, чтобы успокоить меня, а он хотел обидеть.

— Тут все дело в том, как ты смотришь на вещи.

Он некоторое время лежит молча, пытаясь представить себе будущее. Комитет в роли родителей, а мужчина ловко управляется со скатертями и салфетками... — в голове у него все начинает медленно кружиться. Черт с ним... Герб шепчет:

— Спокойной ночи, моя сладенькая.

— Спокойной ночи, мой сладенький, — мурлычет Жанетт.

— Спокойной ночи, моя радость.

— Да, моя радость.

— Черт побери! — взрывается Герб, — прекрати называть меня так, как я тебя зову!

Жанетт не напугана, но обеспокоена, она чувствует, что мужа обуревают тревожные мысли. Жанетт молчит.

Через пару минут Герб просит:

— Извини, детка.

Она отвечает:

— Все в порядке — Джордж.

Ему ничего не остается, как рассмеяться.

Чарли и Филос добрались в Первый Научный блок за несколько минут, воспользовавшись «метро» — для обозначения метро имелось специальное лидомское слово, которое не переводилось на английский язык. Выйдя из метро на поверхность, они обошли вокруг бассейна, где, видимо, постоянно купались тридцать-сорок лидомцев, и на минуту задержались здесь. По дороге они обменялись лишь несколькими фразами, так как каждому было о чем подумать. Глядя на ныряющие, борющиеся и бегающие фигуры, Чарли пробормотал в ответ на свои мысли:

— Интересно, как, держатся эти маленькие фартучки?

На что, Филос осторожно протянул руку к волосам Чарли и слегка потянул их со словами:

— А как они держатся?

Они обошли вокруг здания под колоссальной нависающей конструкцией, и Филос остановился.

— Я буду ждать тебя здесь, пока ты не освобо-

дишься, — сказал он.

— Лучше бы ты пошел со мной, — попросил Чарли. — Если мне опять скажут, чтобы я поговорил с Филосом, то мне хотелось бы, чтобы ты был рядом.

— О, он точно скажет. Но я еще заговорю тебя в свое время. Думаю, что тебе надо узнать побольше о Лидоме до разговора со мной.

— Чем же ты занимаешься, Филос?

— Я историк. — Филос подозвал Чарли к основанию стены и положил его руку на невидимый поручень. — Готов?

— Готов.

Филос отступил назад, и Чарли вознесся вверх. К этому времени он уже немного привык к новым ощущениям, и ему не казалось, что при этом наступает конец света. Чарли смог даже наблюдать за Филосом, идущим назад к бассейну. «Странное существо, — подумал Чарли. — Кажется, никто его не любит».

Чарли остановился напротив большого окна, смело приблизился к нему и прошел сквозь него. Он вновь ощутил странное чувство, когда проходил сквозь окно, на какое-то мгновение он становился частью иной среды невидимой преграды.

Чарли осмотрелся. Прежде всего он увидел камеру с мягкой обивкой на стенах и машину времени, выглядевшую, как огромная серебристая тыква. Дверь машины была открыта, как будто он только что покинул ее. Задрапированные стены комнаты, немногочисленное и странно выглядевшее оборудование на небольшом стенде в центре, несколько стульев и стол для письма стоя, заваленный бумагами.

— Сиес?

Ответа не было. Чарли робко обошел комнату и присел на один из стульев или пуфиков. Он вновь позвал Сиеса, уже громче, но никто по-прежнему не появился. Чарли скрестил ноги и стал ждать. Когда ему надоело ожидание, он поднялся, подошел к серебристой машине и заглянул внутрь.

Чарли никак не ожидал, что его может ударить так сильно, он вообще не предполагал, что будет удар. Ведь именно на этом серебристом полу он лежал распростертый, почти мертвый, отделенный годами и неизвестным количеством миль от всего, что имело для него значение в этой жизни, а пот медленно высыхал на его теле. На глаза навернулись слезы. Лора! Лора! Ты уже мертва? Может быть, мертвая ты ближе ко мне? Постарела ли ты, Лора, покрылось ли морщи-

нами, поблекло ли твое желанное тело? Как ты перенесла старость? Знаешь, Лора, я отдал бы все на свете, даже саму жизнь, чтобы хоть один раз прикоснуться к тебе — но тебя нет. Лора, знаешь ли ты, что я готов сделать это, готов умереть, но перед смертью увидеть тебя хоть раз, погладить твои волосы, пусть ты даже уже стара, а я молод.

Или… может, конец, ужасный конец пришел, когда ты была еще молода? Разнесло ли неведомой силой твой дом, растворилась ли ты мгновенно в яркой вспышке? А может, ты медленно умирала от ядовитого дождя, у тебя были внутренние кровотечения, рвота и ты снимала пряди отмерших волос со своей подушки по утрам?

Как ты любила меня? Неожиданно Чарли овладело веселое настроение. Как тебе понравился бы Чарли в голубых пеленках и в комбинезончике с капюшоном? А этот воротник?

Чарли опустился на колени в дверном проеме машины и закрыл лицо руками.

Прошло время, он встал и начал искать, чем вытереть нос.

— Я хочу быть с тобой, Лора, когда это случится. Или лучше до того, как случится… Лора, может, мы оба умрем старыми, ожидая конца…

Ослепленный своими чувствами, Чарли об-

наружил, что он теребит в руках драпировку в одном из концов комнаты, не соображая, что делает, и как он здесь оказался. За драпировкой не было ничего — только стена с орнаментом на ней. Он дотронулся до него, и открылось небольшое отверстие, похожее на то, откуда подавался завтрак, только не хватало подноса. Чарли нагнулся и заглянул в освещенное отверстие, где он увидел кучу прозрачных квадратных коробок и книгу.

Сначала Чарли вытащил коробки, повинуясь исключительно любопытству, а затем его охватило все возрастающее возбуждение. Он извлек их по одной и так же осторожно вернул все на место, предварительно заглянув в каждую.

В одной коробке лежал гвоздь, ржавый гвоздь, лишь на изломе его блестел металл.

В другой коробке находился выцветший коробок спичек, от красных фосфорных головок на картоне остались слабые следы. Он узнал его, узнал! Он узнал бы его из тысяч подобных. Это были спички из бара старика Дули на Арч Стрит. Только вот… немногие сохранившиеся буквы были в зеркальном изображении…

В третьей коробке лежала выцветшая маргаритка. Не яркое лидомское натурально выглядевшее чудо-растение, а скромный маленький

цветок.

Еще в коробке был комок земли. Чьей земли? Ходил ли он по этой земле? Был ли этот комок взят на истоптанной дороге под большим белым фонарем у дома номер 61? Захвачен ли он был тупым носом машины, когда она охотилась за ним?

Наконец, в последней коробке он обнаружил книгу. Как и все предметы на Лидоме, книга не была прямоугольной, а напоминала по форме овальное овсяное печенье, а строчки внутри были изогнуты в виде не совсем правильных арок. (С другой стороны, если, скажем, писать, не сдвигая локтя, то разве не удобнее выводить искривленные строчки, чем прямые?). Тем не менее книга открывалась привычным способом, и Чарли мог ее читать, несмотря на то, что она была написана по-лидомски. Этот факт поразил Чарли не больше, чем его неожиданно открывшаяся способность говорить на лидомском языке; впрочем, он и так пребывал в состоянии перманентного удивления.

Книга содержала некое сложное описание какого-то технического процесса, за которым следовали многочисленные колонки записей, похоже было, что здесь фиксировались результаты

испытаний. На очень многих страницах были изображены четыре циферблата, как у часов или приборов только стрелок не было. Ближе к концу книги циферблаты были пусты, зато первые страницы с циферблатами были испещрены вдоль и поперек стрелками и малопонятными надписями типа: *«Послали жука, не вернулся».* Записей с примечаниями не вернулся было очень много. В конце концов Чарли добрался до страницы, на которой был нарисован большой, триумфально выглядевший лидомский восклицательный знак. Эта страница была озаглавлена *«Эксперимент 18»,* а внизу была приписка *«послан орех, вернулся цветок!»* Чарли вновь извлек коробку с цветком и, осмотрев ее со всех сторон, нашел цифру «18».

Циферблаты, циферблаты… он быстро повернулся и поспешил к незнакомому оборудованию, стоявшему в центре комнаты. Конечно же, здесь были те самые четыре циферблата, вокруг каждого из которых было укреплено поворачивающееся кольцо с ручкой. Что если установить все четыре ручки в соответствии с рисунком в книге, а затем… Тумблер он у лидомцев выглядел как тумблер с надписями «Вкл.» и «Выкл.»

Чарли снова вернулся в угол и стал лихорадочно перелистывать страницы. Эксперимент

68… предпоследний перед незаполненными страницами.

«Послали камни. Возврат: Чарли Джонс».

Он схватил книгу в руки и начал лихорадочно читать и запоминать установки.

— Чарли? Ты здесь, Чарли Джонс?

Сиес!

Пока Сиес входил через растворившуюся невидимую дверь позади машины времени и огибал ее, Чарли успел вернуть книгу на место. Но он не успел найти орнамент на стене и нажать на него — и был застигнут: отсек в стене был открыт, а перед Чарли стояла коробка с засохшей маргариткой.

— Что ты делаешь?

Герб открывает глаза и видит стоящую перед ним жену. Он говорит:

— Лежу в гамаке субботним днем и беседую со своей ягодкой.

— Я следила за тобой. Ты плохо выглядишь.

— Как сказал Адам, когда его жена свалилась с дерева, — «Ева снова подглядывает».

— Ты, нехороший гадкий мальчик… я пожалуюсь маме.

— Ты, как и Смитти, не любишь, когда я говорю серьезные вещи.

— Неправда.

— Хорошо. Я размышлял о книге, которую когда-то читал и сейчас думаю, перечесть. Это «Исчезновение».

— О, ее автор Филипп Уайли. Он любит рыбу и ненавидит женщин.

— Знаю, что ты имеешь в виду, но ты неправа. Он действительно любит рыбу, но ненавидит не женщин, а то, как обращаются с женщинами.

— Вот почему ты лежишь в гамаке с таким несчастным видом?

— Я вовсе не несчастный. Просто пытаюсь припомнить слова автора.

— В «Исчезновении»? Я помню. Это о том, как все женщины Земли однажды исчезли, просто взяли и пропали. Чушь какая-то.

— Ты в самом деле читала? Хорошо. Там была глава, где автор рассуждает о теме книги. Именно это я и вспоминаю.

— О-о-о… да-а. Я помню. Я начала читать ее, а потом бросила потому что без действия неинтересно.

— Это очень содержательная глава, хотя она и трудна для чтения.

— Ты считаешь, что мне эта глава нужна? — защищается Жанетт, — что же там есть такого, что

мне не хватает?

— Ничего, — вздыхает Герб, откидываясь назад в гамаке и прикрыв глаза.

— О, дорогой, я не хотела…

— Перестань, я еще не сошел с ума. Просто я думаю, что его мысли созвучны с твоими с тобой. Он знает, почему ему это удается, а тебе — нет.

— Согласен в чем, объясни, ради бога.

Герб размыкает веки и устремляет взгляд мимо Жанетт на небо.

— Он утверждает, что первую свою большую ошибку люди сделали, когда начали забывать о сходстве между мужчинами и женщинами и стали концентрировать внимание на различиях. Это и стало источником первородного греха. Именно поэтому мужчины и женщины начали ненавидеть друг друга. Именно поэтому происходят все войны, беспорядки и преследования. Уайли уверен, что из-за этого мы и потеряли все, остался лишь маленький ручеек любви.

Жена фыркает.

— Я никогда ничего подобного не говорила.

— Ошибаешься. Ты тоже считаешь неправильным придавать слишком большое значение различиям между мужскими и женскими делами. Ты говоришь, что мы новые люди и что мы не

должны зацикливаться на давно сложившихся представлениях о роли мужчины и женщины в семье.

— А-а, это… — протягивает Жанетт.

— Уайли тут даже доходит до смешного. Он утверждает, что мужчины методом отбора сформировали породу женщин, отличающуюся от мужской.

— А ты тоже применяешь с женщинами метод отбора?

Он наконец улыбается, именно этого она и добивалась. Жанетт терпеть не может, когда Герб выглядит озабоченным.

— Каждый раз, — смеется Герб и тянет ее в гамак.

Сиес, наклонив голову по своей привычке набок, быстро подошел к Чарли.

— Ну, мой молодой исследователь, что это ты собрался делать?

— Простите меня, — промямлил Чарли, — я сам не знал, что делаю.

— Ты достал цветок, да?

— Я просто вошел, а вас не было, то есть…

К удивлению Чарли, Сиес похлопал его по плечу:

— Хорошо, хорошо, я как раз собирался пока-

зать его тебе. Ты знаешь, что это за цветок?

— Да, — выдавил из себя Чарли. — Это м-маргаритка.

Сиес порылся в нише и извлек книгу, в которой записал название цветка.

— На Лидоме такого цветка нет, — известил он Чарли. Кивнув в сторону машины, Сиес продолжил: — Никогда нельзя угадать, что она принесет. Конечно, ты — это редкая удача. Можно сказать, один из ста сорока трех квадриллионов, если это повторится. Понятно?

— Вы… вы имеете в виду, что таков мой шанс вернуться назад?

Сиес рассмеялся.

— Не теряй надежду! Миллиграмм за миллиграммом, атом за атомом — что вкладываешь, то и получаешь. Это вопрос массы. Мы можем вложить в машину что угодно. А вот, что выходит из нее? — тут он выразительно пожал плечами.

— На это потребуется много времени?

— Вот это я надеюсь узнать от тебя. Как тебе показалось, ты долго пробыл внутри машины?

— Мне показалось, как будто годы прошли.

— Годы не могли пройти: ты бы умер от голода. Но при отправке назад все происходит мгновенно: закрыл дверь, переключил тумблер, открыл

дверь и — выходи.

Сиес осторожно вынул маргаритку и книгу из рук Чарли, уложил их в отсек и движением руки закрыл его.

— Ладно, что ты хочешь знать? Мне сказали, что я не должен давать информацию только о том, когда и как хомо сапиенс прервал свое глупое коллективное существование. Прости. Не принимай этого на свой счет. Когда мы начнем?

— Так много всего…

— Ты кое-что уже знаешь? Это так мало. Разреши объяснить тебе на примере. Можешь представить здание, город, может быть всю цивилизацию, существующую благодаря одной технической идее — электрическому генератору или двигателю, что, в общем-то, одно и то же?

— Я… — ну, в общем, могу.

— Все это представляется чудом тому, кто раньше не знал ничего подобного. Посредством электричества и двигателей ты можешь тянуть, толкать, нагревать, охлаждать, открывать, закрывать, освещать — словом, делать все, что угодно. Правильно?

Чарли утвердительно кивнул.

— Пойдем дальше. Все эти действия требовали движения, понимаешь, что я имею в виду? Да-

же тепло — тоже движение, если внимательно изучить его. Таким образом, у нас есть единый источник, энергии, которая делает все, что может делать электродвигатель, плюс предоставляет те разнообразные возможности, которые электричество дает в статическом виде. Эта энергия была открыта здесь, на Лидоме, и является фундаментом нашего существования. Мы назвали ее А-полем, где А — означает «Аналог». В общем, это очень простая вещь. Ее теоретическое обоснование… — тут Сиес помотал головой. — Слышал ли ты когда-нибудь о транзисторе?

Чарли опять кивнул.

— Транзистор — одно из самых простых устройств — небольшой кусочек вещества с тремя подводящими проводками. По одному проводу подается сигнал, а на выходе получаешь тот же сигнал, только усиленный в сто раз. Не требуется ни времени на прогрев, ни тонких нагревательных нитей, нет необходимости вакуумирования, и расход энергии минимален.

Известен также туннельный диод, который в сравнении с обычным транзистором легче, меньше по размерам и более эффективен. Я всегда утверждал, что когда-нибудь мы уменьшим размеры и этих устройств до такой степени, что

сможем делать все, что угодно, не потребляя при этом почти никакой энергии — только никто не сможет понять, как это происходит.

Чарли вежливо улыбнулся — он уже слышал эту профессорскую шутку раньше.

— Отлично: значит, мы имеем А-поле. Я попытаюсь объяснить его суть. Помнишь ложку, которой ты воспользовался сегодня утром? Да? Да. В ручке ее содержится миниатюрный генератор поля. Форма образуемого поля определяется направляющими излучателями, изготовленными из специального сплава. Поле настолько мало, что его нельзя было бы увидеть, если бы это было физически возможно, даже с помощью последовательного увеличения девятью электронными микроскопами. Синий провод по краю ложки изготовлен таким образом, что каждый атом его представляет собой точный аналог субатомных частиц, образующих направляющие излучатели. Вследствие пространственных напряжений, объяснение которых я опущу в целях экономии времени, внутри ложки появляется аналог поля. Верно? Верно. Это и есть сердце устройства. Все остальное — это дополнительные аксессуары, не меняющие суть дела. Окно в здании — это аналоговая петля. Две таких петли держат все

здание — ты, надеюсь, не думал, что оно стоит лишь благодаря молитвам, не так ли?

— Здание? Но — ложка — это петля, окно — наверное, тоже, а вот петель вокруг здания я не вижу. Ведь они должны располагаться снаружи?

— Несомненно. Ты правильно соображаешь, но их просто не видно. Конечно, сооружение должно опираться на две петли, располагающиеся снаружи. И эти петли имеются, но они сделаны не из сплава, а представляют собой стоячие волны. Если ты не знаешь, что такое стоячая волна, я не стану утомлять тебя этим объяснением. Видишь вот это?

Чарли проследил за указательным пальцем Сиеса и увидел за окнами какие-то руины и огромное фиговое дерево.

— Вот это, — пояснил Сиес, — является одной из опор или внешним концом петли. Постарайся представить это здание, опирающееся на два треугольника из прозрачного пластика, и ты сможешь оценить форму и размеры полей.

— Что будет, если кто-нибудь войдет в поле?

— Никто там не ходит. Иногда пролетит птица, бедняжка, но, в основном, они избегают таких мест. Поле прозрачно и абсолютно невидимо, поскольку, фактически, это не поверхность, а

вибрирующая матрица сил, и пыль не садится на нее.

— Но… разве оно не податливо? Когда я ел ложкой, то поле продавливалось под тяжестью пищи — я видел это. А окна…

— Ты действительно наблюдателен! — похвалил его Сиес. — Дело в том, что дерево, кирпич, сталь — все это вещества. Какое между ними различие? Только по сути и способу соединения в целое. А-поле может иметь любой вид — быть тонким, толстым, непроницаемым, каким хочешь. А также твердым твердым, как ничто другое.

Чарли подумал, что все это замечательно до тех пор, пока не придется оплатить счет за электричество, но сдержался, так как в лидомском языке не было таких слов как «счет» и даже «платить».

Он посмотрел на фиговое дерево, прищурив глаза, и попытался увидеть поле, поддерживающее грандиозное здание.

— Спорю, его можно увидеть во время дождя, — предположил Чарли наконец.

— Невозможно, — быстро возразил Сиес, — дождей не бывает.

Чарли задрал голову, глядя на ясное небо.

— Почему?

Сиес также посмотрел вверх.

— Ты видишь нижнюю поверхность сферы, образованной А-полем.

— Ты хочешь сказать…

— Конечно, весь Лидом находится под крышей. Температура и влажность регулируются, ветры дуют по заказу.

— И ночи не бывает…

— Мы не спим, зачем же создавать ночь?

Чарли знал мнение о том, что сон, скорее всего, приобретенная привычка, выработанная пещерными людьми, которые по необходимости пережидали темное время суток в пещерах, чтобы избежать встреч с ночными хищниками; согласно этой теории способность гасить сознание и расслабляться в такие периоды стала одним из определяющих факторов выживания.

Он вновь посмотрел на небо.

— А что снаружи, Сиес?

— Лучше спроси у Филоса.

Губы Чарли начали непроизвольно растягиваться в улыбке, однако улыбка сразу исчезла. Это отфутболивание его от одного специалиста к другому всегда происходило, когда вопросы Чарли касались конца той человеческой расы, которую он знал.

— Просто объясни мне одну вещь с точки зре-

ния, э-э, теории, Сиес. Если А-поле прозрачно для света, то оно прозрачно и для любого излучения, верно?

— Нет, я уже объяснял, мы можем придать полю любые свойства, например, сделать его светонепроницаемым.

— О, — протянул Чарли, отвел глаза от неба и вздохнул.

— Полагаю, о статических эффектах достаточно, — сухо резюмировал Сиес, и Чарли оценил его понимание ситуации. — Теперь перейдем к динамике. Я уже говорил, что эта энергия может делать все, что способно делать электричество и электродвигатель. Хочешь передвинуть гору земли? Создай аналоговое поле, направь его туда, пусть оно будет очень тонким, скажем, таким, чтобы пройти между молекулами вещества грунта. Расширь поле до нескольких миллиметров и отведи его назад. Гора передвинется. Очевидно, что перемещаемое тело может быть и горстью земли и горой, его можно передвинуть чуть-чуть и перенести на большое расстояние. Подобным образом можно перемещать любые объекты. Всего один человек может создавать и передвигать любые фундаменты и стены. При этом форма заполняется не обязательно только песком и

грунтом: А-поле может быть образовано любыми веществами.

При этих словах Сиес ударил ногой по изогнутой подпорке у окна, отлитой на вид из бетона.

Чарли мысленно поздравил себя с принятым решением не удивляться увиденным техническим достижениям. Когда-то ему пришлось работать на бульдозере на строительстве сухого дока. Однажды он возвращался в гараж. По дороге его остановил бригадир дорожных рабочих и попросил помочь вырыть траншею. Пока парни собирали свои кирки и лопаты, он успел прорыть сто футов траншеи и отвалить грунт в сторону. Работа, которая потребовала бы труда десятков человек в течение недели, заняла у него полторы минуты. Конечно, располагая такой техникой, как лидомцы, один квалифицированный рабочий мог заменить сотни, тысячи и даже десятки тысяч тех, кто работает вручную. Было достаточно трудно, но не невозможно представить, чтобы здание, подобно Первому Медицинскому блоку, было построено тремя рабочими за неделю.

— Мало того, — продолжал Сиес. — Правильно подобранное А-поле может быть использовано для лечения рака и последствий генетических нарушений без каких либо побочных эффектов

типа ожогов. И вот еще, думаю, ты обратил внимание на все эти новые деревья.

«На новых людей тоже», — подумал про себя Чарли.

— Видишь эту траву? Ее никто не стрижет, она просто лежит. С помощью А-поля мы транспортируем все, что угодно, перерабатываем пищу, изготовляем ткани — в общем, все.

— Какова же эта энергия?

Сиес потянул себя за свой нос, похожий на лошадиную морду.

— Слышал ли ты когда-нибудь об отрицательной материи?

— Это то же самое, что антивещество. Например, электрон заряжен положительно, а ядро атома отрицательно…

— Ты удивляешь меня! Не знал, что ваши люди проникли так далеко.

— Некоторые, особенно авторы научно-фантастических романов, пошли гораздо дальше.

— Хорошо! Что происходит, если отрицательную материю привести в соприкосновение с обычным веществом?

— Ба-бах! Очень сильный взрыв.

— Правильно — вся масса переходит в энергию, которой содержится огромное количество даже в

самой маленькой крупинке. Теперь: если А-поле может создать все, что угодно, то можно создать и маленькое количество отрицательной материи. Достаточно лишь преобразовать обычное вещество в антивещество с выделением энергии. Итак — ты создаешь аналоговое поле с помощью электрического возбуждения. Когда материя начинает поддаваться, очень простое устройство приостанавливает процесс, и при этом остается достаточно энергии, чтобы выполнить любую работу.

— Не буду притворяться, что все понял, — улыбнулся Чарли, — я просто верю на слово.

В ответ Сиес рассмеялся и, с притворной свирепостью, сказал:

— Ты пришел, чтобы познать науку, а не религию.

Тут же он продолжил:

— Ладно, оставим А-поле. Хорошо? Хорошо. Я хотел лишь донести до тебя, что его создание само по себе очень просто, и что с его помощью можно совершить почти все, что угодно. Ранее я упоминал — а если нет, то подразумевал — что вся лидомская цивилизация покоится на двух простых вещах — и это одна из них. Вторая… Вторая носит название «церебростиль».

— Позволь, я подумаю. — Чарли перевел термин на английский язык и собирался сказать: «Новый тип мозгов», но по-лидомски это не звучало. Очевидно, здесь имелось в виду скорее «стилус» в значении «перо». — Что-то вроде записи в мозг?

— Ты уловил суть, кивнул Сиес.

— Ладно… давай объясним так: церебростиль — это способность воспринимать излучения мозга. И она может использоваться и используется для внесения данных в мозг.

Чарли улыбнулся в замешательстве:

— Лучше объясни вначале как это выглядит.

— Просто немного коллоидального вещества в коробке. Разумеется, я упрощаю, хоть это и методологически неверно. При взаимодействии вещества с мозгом получается запись любой конкретной последовательности. Ты, наверное, достаточно знаком с процессом обучения, чтобы знать, что простое декларирование факта недостаточно для обучения. Нетренированный мозг может принять на веру мое утверждение, что спирт и вода взаимно проникают друг в друга на молекулярном уровне и никоим иным образом. Но если я продемонстрирую этот факт путем отмеривания определенного количества

каждого вещества и смешения их, в результате чего мы получим количество вещества, меньшее суммы двух его составивших частей, это убедит ученика. А еще перед этим я должен быть уверен, что обучающийся имеет представление о том, что такое «спирт», «вода», «мера» и «смешение», и что он способен преодолеть обычное представление, именуемое здравым смыслом, о том, что смешение двух равных количеств жидкости должно дать количество, равное их сумме. Другими словами, каждому выводу должна предшествовать соответствующая логическая последовательность, основанная на предшествующих наблюдениях и доказательствах.

— Так вот, церебростиль фиксирует определенные последовательности, скажем, из моего мозга и затем передает их, к примеру, в твой мозг; при этом в мозг вносится не только вывод, но и вся логическая последовательность, которая приводит к нему. Все это происходит почти мгновенно, и от воспринимающего мозга требуется лишь соотнести новую информацию с уже имевшейся в нем ранее. Этот момент, к слову, также требует больших усилий.

— Я не уверен, что я… — заколебался Чарли.

Нетерпеливо отмахнувшись Сиес продолжил:

— Я имею в виду, что мозг может, в числе прочих апробированных фактов содержать некоторые умозаключения, к которым он пришел логическим путем помни при этом, что логика и истина два совершенно разных понятия например: спирт и вода несмешиваемы. Последнее утверждение неминуемо придет в противоречие с прочими положениями, которые доказывают обратное. Какое умозаключение возобладает, зависит от того, насколько верно и наглядно будут представлены данные, обосновывающие оба умозаключения. И, наконец (я объясняю крайне сжато), мозг определит, что одно из утверждений неверно. Такая ситуация не будет разрешима до тех пор, пока мозг не установит, почему это неверно. Другими словами, мозг должен поэлементно сопоставить каждый логический шаг взаимно исключающих утверждений.

— Очень разумное обучающее устройство.

— Это единственно известный способ заменить практический опыт, удовлетворенно улыбнулся Сиес, — обучение идет очень быстро. Хочу подчеркнуть, что этот метод не просто доктринерство. С помощью церебростиля невозможно внести в мозг неверное утверждение, каким бы логическим оно ни было, так как рано или поздно

оно придет в противоречие с наблюдаемыми фактами, и вся система логических построений разрушится. Равным образом, церебростиль не является детектором, способным выведать секреты индивидуума. Мы имеем возможность дифференцирования между динамическими процессами в мозгу и статическими, то есть процессами хранения информации. Если преподаватель записывает в мозг последовательность, относящуюся к спирту и воде, доводя ее до окончательного вывода, то студент не получит, наряду с информацией по физике, информацию о биографии преподавателя и его вкусах.

Хочется, чтобы ты понял это, поскольку ты вскоре начнешь встречаться с разными лидомцами и будешь удивляться, спрашивая, где они получили образование. Ответ будет: с помощью курсов церебростиля продолжительностью полчаса один раз в двадцать восемь дней. Можешь поверить мне на слово: в промежутках между курсами все обучаемые полностью заняты обработкой полученных знаний, сопоставлением и установкой соответствий, независимо от всех своих иных занятий.

— Хотелось бы посмотреть на это устройство.

— Здесь у меня его нет, но ты уже знаком с

этим устройством. Как ты иначе мог бы выучить лидомский язык за — думаю не более, чем двенадцать минут.

— Вот эта штуковина в операционной в кабинете Милвиса?

— Правильно.

Чарли на мгновение задумался, а потом сказал:

— Сиес, ответь, если можешь, почему я должен сам узнать все о Лидоме перед тем, как вы отправите меня назад? Почему бы не потратить еще двенадцать минут и нашпиговать меня всеми необходимыми сведениями?

Сиес покачал головой с мрачным видом.

— Мы хотим знать твое мнение. Твое мнение, Чарли Джонс. Церебростиль доносит до тебя истину, и после того, как ты усвоил ее, ты знаешь, что это истина. Мы же хотим, чтобы ты получил информацию через посредство Чарли Джонса, и тогда мы будем знать выводы, которые сделал сам Чарли Джонс.

— Вы имеете в виду, что я не смогу поверить всему, что увижу?

— Я знаю, что не всему. Видишь ли, церебростиль укажет нам реакцию Чарли Джонса на истину. Твои же собственные наблюдения дадут

нам реакцию Чарли Джонса на то, что он полагает истиной.

— Почему это так важно для вас?

Сиес только развел своими худощавыми руками.

— Мы наметили определенные исследования. Проверяем себя.

И, прежде чем Чарли успел ответить или задать дополнительные вопросы, Сиес подвел итоги беседы:

— Итак, ты видишь, что мы не волшебники. Пожалуйста, не удивляйся, обнаружив что наша цивилизация основана не только на достижениях техники. Мы можем многое, это правда. Но правда и то, что мы добиваемся этого с помощью только двух явлений, которые, как мне сказал Филос, тебе абсолютно незнакомы: А-поле и церебростиль. Используя их, мы решаем энергетические проблемы как человека, так и механизмов. Образование, как ты понимаешь его, не требует значительных затрат энергии, оборудования, персонала или времени. Подобным же образом, у нас нет недостатка пищи, домов или одежды. Люди высвобождены для иных занятий.

— Каких же еще? — удивился Чарли.

Сиес загадочно улыбнулся:

— Увидишь…

— Ма! — произносит трехлетняя Карин, когда Жанетт купает ее.

— Что, моя радость?

— Я правда вышла из твоего животика?

— Да, дорогая.

— Нет, мама.

— Кто сказал тебе, что нет?

— Дейв говорит, что это он вышел из твоего животика.

— И он вышел. А ну-ка крепко-крепко закрой глазки или в них попадет мыло.

— А если Дейв вышел из твоего животика, почему я не вышла из животика Дейва?

Жанетт прикусывает губу, чтобы сдержать смех, — она никогда не смеется над детьми, пока они первыми не начнут смеяться, — и разводит шампунь.

— Ну, ма, почему?

— Только матери носят детей в своих животиках, дорогая.

— А папы никогда не носят?

— Никогда.

Жанетт намыливает Карин и смывает, намыливает снова и смывает, затем ополаскивает, и, наконец, маленькое розовое личико может, не

рискуя, широко открыть свои голубые глаза.

— Я хочу пускать пузыри.

— Но, дорогая! У тебя мокрые волосы!

Мордашка дочери так умоляет, что мать, улыбаясь, смягчается.

— Хорошо, но только недолго, Карин. Смотри, чтобы пузыри не попали на волосы. Ладно?

— Хорошо.

— Карин с нетерпением следит, как Жанетт наливает немного жидкости для ванн в воду и открывает горячий кран. Жанетт стоит рядом и следит, чтобы пузыри не попали на волосы. Кроме того, она просто любит смотреть, как дочь играет.

— Ну, тогда, — неожиданно заявляет Карин, — нам папы не нужны.

— Что ты говоришь? А кто будет ходить на работу и приносить конфеты, кто купит газонокосилку и все остальное?

— Папы не могут делать детей!

— Но, дорогая, они помогают.

— Как помогают, ма?

— Хватит пузырей уже. Вода слишком горячая.

Жанетт закрывает воду.

— Как, ма?

— Послушай, детка, тебе пока это трудно по-

нять, но папа любит маму по-своему. Он очень хорошо к ней относится, и когда он очень сильно любит маму, у нее появляется ребенок.

Пока Жанетт говорит, Карин уже нашла плоский обмылок и пытается вставить его туда, куда это не положено. Жанетт выхватывает обмылок, шлепает Карин по руке:

— Карин! Не трогай себя там! Это нехорошо!

— Ну как, уяснил?

Чарли задумчиво посмотрел на Филоса, встретившего его у подножья невидимого лифта, как всегда, вроде бы случайно. Темные настороженные глаза Филоса блестели, как будто от какого-то тайного возбуждения… а, может, он просто знал что-то… может, ему знакомо горе. Чарли ответил:

— Сиес имеет ужасную привычку отвечать на каждый твой вопрос, но при этом остается впечатление, что он что-то недосказал.

Филос расхохотался. Чарли и раньше отмечал, что у Филоса приятный смех.

— Думаю, — ответил лидомец, — ты уже готов к посещению главного Первого Детского блока.

Глядя на громады Первого Медицинского и Первого Научного блоков, Чарли усомнился:

— Эти тоже выглядят, как главное.

— Нет, это не главное, — уверенно произнес Филос. — Эти блоки имеют большие размеры, внушительный внешний вид, механическую часть, но при этом они составляют только внешнюю оболочку, причем очень тонкую. Первый Детский блок — самый большой.

Чарли поглядел на возвышающуюся над ним громаду и восхитился:

— Должно быть Детский блок находится очень далеко.

— Почему ты так думаешь?

— Если он настолько больше этих зданий…

— …То его должно быть быть видно — ты это хотел сказать? Гляди, вот он.

И Филос указал на небольшой коттедж между двумя холмами, окруженный безупречным зеленым травяным покровом. Белые стены коттеджа были увиты ярко цветущими ползучими растениями, высокая крыша с коньком была коричневой с прозеленью. На окнах стояли ящики с цветами, а в одном из концов возвышалась дымовая труба, из которой вился сизый дымок.

— Не слишком далеко для тебя?

Чарли втянул теплый свежий воздух и ощутил под ногами приятно пружинящую поверхность газона.

— Ни в коем случае.

Они отправились к отдаленному коттеджу, двигаясь соответственно изгибам местности. По дороге Чарли заметил:

— Выглядит очень просто.

— Увидишь, — ответил Филос. Он, очевидно, предвкушал реакцию Чарли. У тебя были дети?

— Нет, — отозвался Чарли и немедленно вспомнил Лору.

— Если бы ты имел детей, ты любил бы их?

— Ну, думаю, что да.

— Почему? — воскликнул Филос. Он остановился, торжественно взял Чарли за руку и повернул лицом к себе. — Можешь не отвечать на этот вопрос, медленно произнес он, — просто подумай об этом.

Недоумевая, Чарли не знал, что сказать, и наконец согласился:

— Хорошо.

Филос принял такой ответ. Они пошли дальше. На лице у Филоса было написано ожидание и нетерпение… Как-то Чарли видел фильм о путешествии. Камера снимала с самолета, летевшего низко над полями, домами и равнинами. Земля быстро проносилась мимо, и музыка все ускоряла темп. Фильм не готовил зрителя к чему-то

необычному — плоские равнины, скорость самолета, отдельно стоящие фермы. Но музыка становилась все напряженнее, темп все ускорялся, пока самолет не вырвался на огромный открытый простор ярких красок, и перед зрителями открылась величественная панорама Большого Каньона в Колорадо.

— Посмотри туда, — указал Филос.

Чарли повернул голову и увидел молодого лидомца в желтой шелковой тунике, прислонившегося к каменистой стене крутого откоса впереди. Когда они подошли поближе, Чарли ожидал проявления какой-либо реакции, но никогда не смог бы предвидеть, что произойдет. Собственно, не произошло ровным счетом ничего, что и было самым удивительным. Лидомец в желтом остался стоять на одной ноге, охватив другую руками под коленом, спина его опиралась на скалу. Тонкое лицо было обращено несколько в сторону, а глаза — полузакрыты.

Чарли начал было:

— Что…

— Ш-ш-ш! — прошипел Филос.

Они неспешно проследовали мимо стоявшей фигуры, при этом Филос подошел к лидомцу поближе и, подав Чарли сигнал молчания, провел

рукой вправо и влево перед полузакрытыми глазами незнакомца. Никакой реакции не последовало.

Филос и Чарли пошли дальше, и Чарли несколько раз оборачивался. Фигура так и не двигалась, лишь ветер шевелили складки шелковой одежды. Когда они свернули за изгиб холма, и фигура лидомца, находившегося в состоянии транса, скрылась из вида, Чарли начал:

— Ты говорил, кажется, что лидомцы не спят.

— Это не сон.

— Но это очень похоже на сон. Может, он болен?

— О, нет!.. Я доволен, что ты увидел это. Тебе еще придется сталкиваться с таким — время от времени. Этот человек просто — отключился.

— Но что же это за состояние?

— Ничего страшного, уверяю тебя. Можно назвать это паузой. В твое время это также случалось. Ваши американские индейцы — жители прерий тоже умели впадать в такое состояние. То же можно сказать и о кочевниках Атласских гор. Это не сон. Это то, что ты, без сомнения, делаешь во сне. Изучал ли ты когда-нибудь явление сна?

— Это трудно было бы назвать изучением.

— А я занимался проблемами сна, — сообщил

Филос. — Особенно интересно то, что вы называете снами. Фактически, это галлюцинации. При регулярном сне, как у тебя, ты галлюцинируешь во сне, хотя сон при этом лишь удобная возможность для галлюцинаций; галлюцинировать можно и не во сне.

— Да, мы называем это дневными снами.

— Как бы ты не называл это явление, оно свойственно любому мозгу, притом, не только человеческому. Известно, что если галлюцинации систематически прерываются, например, если спящего будить каждый раз, когда он впадает в такое состояние, деятельность мозга будет нарушена.

— То есть мозг повредится?

— Точно.

— Ты имеешь в виду, что если бы мы разбудили того лидомца, он сошел бы с ума?

Тут Чарли довольно прямолинейно потребовал от Филоса ответа:

— Что, у вас всех настолько деликатная организация?

Филос рассмеялся, сгладив выпад Чарли.

— Вовсе нет! Ни в коем случае! Я описывал лабораторную ситуацию, имея в виду, что человека будят постоянно и безжалостно. Заверяю

тебя, он видел нас и знал, что мы рядом. Но его мозг сделал выбор и решил продолжить процесс, который происходил у него внутри. Если бы я настаивал или если прозвучало бы что-то неожиданное — например, твой голос — Филос сделал ударение на слове «твой», — то он бы мгновенно пришел в себя и нормально говорил бы с нами, простил бы нас за вторжение в его занятие и затем попрощался.

Тут Чарли впервые сообразил, что его баритон звучит на Лидоме, как рожок среди флейт.

— Но зачем все это? Зачем это вам нужно?

— Зачем?... Наверное, это способ абстрагироваться от реальности с целью сравнения и сопоставления данных, которые не могут быть проанализированы в условиях реальности. Ваша литература знала множество галлюцинаторных образов типа крылатых свиней, статуи свободы, огнедышащих драконов, аллегории мудрости, василиска, гомункулуса и равенства полов.

— Послушай, — рассердился Чарли, но постарался сдержать себя. На личностей склада Филоса гнев не действует, Чарли это почувствовал. Он просто заявил: — Ты со мной играешь, пусть это будет игрой. Но ты знаешь ее правила, а я нет.

С обезоруживающей улыбкой Филос прервал

его, пронзительные глаза смягчились, и он искренне извинился.

— Я забегаю вперед, — добавил он. — Моя очередь настанет, когда ты познакомишься со всем Лидомом.

— Твоя очередь?

— Да — очередь историка. То, что ты думаешь о Лидоме, — это одно, история Лидома — другое. То, что ты хочешь… пока оставим это.

— Лучше бы ты продолжил.

— Я собирался сказать, что ты обобщаешь Лидом с его историей плюс твоя история — все это совершенно иной вопрос. Но я не буду настаивать на своем мнении, потому что мне придется тогда снова извиняться.

Несмотря на серьезность ситуации, Чарли рассмеялся вместе с ним, и они продолжили свой путь.

За несколько сот ярдов до коттеджа Филос резко повернул направо, и они взобрались по довольно крутому откосу наверх и шли дальше по гребню, приведшему их к новому возвышению. Шедший впереди Филос остановился и подозвал Чарли к себе.

— Давай немного понаблюдаем за ними.

Чарли посмотрел вниз на коттедж. Небольшое

здание располагалось над широкой долиной, частично поросшей лесом (может, это был сад? Здесь ничто не устраивалось под прямыми углами!), вокруг виднелись обработанные поля. Местность между полями и лесом напоминала парк, так же, как и между большими зданиями. Вокруг, на довольно больших расстояниях друг от друга были разбросаны другие коттеджи, каждый из которых имел свое собственное лицо: одни были построены из дерева, другие из камня, некоторые были оштукатурены, а стены иных напоминали торф. Стоя высоко, Чарли видел не менее двадцати пяти коттеджей, а, возможно, их было и больше. Среди деревьев и в полях, на зеленых лужайках и берегах двух небольших ручьев, струившихся по долине, мелькали яркие одежды лидомцев, напоминавшие разбросанные лепестки цветов. Над всем ландшафтом возвышался, уходя за холмы, купол серебристого неба.

— Первый Детский блок, — просто сказал Филос.

Чарли, глядя вниз, увидел рядом с соломенной крышей коттеджа двор с прудом и услышал пение. Там были дети.

Мистер и миссис Герберт Рейл выбирают детям одежду в одном из закоулков огромного супер-

маркета, стоящего на шоссейной дороге. Дети остались снаружи и сидят в машине. В магазине жарко, и супруги спешат. Герб толкает тележку для покупок, а Жанетт быстро перебирает стопки одежды на прилавках.

— Посмотри! Маленькие футболки! То, что нужно.

Жанетт выбирает три футболки пятого размера для Дейва и три третьего размера для Карин. Все это сваливается в тележку.

— Теперь брюки.

Она быстро отходит в сторону, а Герб с тележкой следует за ней. При этом он бессознательно соблюдает международные правила расхождения судов: приближающееся справа судно имеет преимущество; судно, делающее поворот, теряет преимущество. Герб дважды уступает дорогу, руководствуясь этими принципами, и теперь вынужден перейти на бег, чтобы догнать Жанетт. Колесо скрипит. Когда Герб начинает бежать, колесо прямо взывает о пощаде. Жанетт целеустремленно следует направо, затем прямо, пересекает три поперечных прохода, впереди остается еще два, и тут она неожиданно останавливается, как вкопанная. Запыхавшийся Герб с тележкой вновь попадает в зону досягаемости.

Она озабоченно спрашивает:

— А где же брюки?

Он указывает:

— Вон там, где написано *«БРЮКИ»*.

Они пропустили один проход. Жанетт выразительно шевелит губами и поворачивает назад. Герб с неразлучной скрипящей тележкой следуют в арьергарде.

— Вельветовые слишком жарки. Все дети Грэхемов ходят сейчас в «хабе». Знаешь, Луи Грэхем не получил повышения, — вполголоса бубнит на ходу Жанетт, словно читает молитву, и приближается к хлопчатобумажной одежде. Хаки! Вот здесь! Пятый размер. — Жанетт берет две пары. — Третий размер. Она снова берет две пары, бросает их в тележку и спешит дальше. Герб со своей тележкой-инвалидом следует в кильватере. Еще два поворота налево, три прохода и остановка.

— Где сандалии?

—

Вон там, где написано *«ДЕТСКИЕ САНДАЛИИ»*.

Герб вспотел и высох уже не один раз, но он держится. Жанетт опять шевелит губами и несется к сандалиям. Герб догоняет ее, когда она уже выбрала две пары красных сандалий на желтобелой подошве.

— Остановись! — хрипит Герб, вымученно улыбаясь.

— Что еще? — отзывается Жанетт уже на ходу.

— Что ты хочешь на этот раз?

— Купальные костюмы.

— Ну так посмотри туда, где написано «*КУПАЛЬНЫЕ КОСТЮМЫ*».

— Не издевайся, дорогой, — отзывается она, держа курс на костюмы.

Герб катит тележку так, чтобы она катилась точно позади Жанетт, тогда он может расслышать, что она говорит, иначе мешает скрип. Жанетт замечает:

— Различие между мужчиной и женщиной в том… Доллар девяносто семь, — бросает она, проходя мимо кассы, — …что мужчины читают указатели, а женщины — нет. Я думаю, это связано с их желанием превосходства. Возьми самого простого упаковщика — он придумает тебе такую коробку, чтобы ты мог на ходу схватить ее, оторвать крышку по пунктирной линии, да еще проложит где-нибудь веревочку, чтобы дернуть и вскрыть внутреннюю упаковку… Гимнастические костюмы, — произносит Жанетт между делом, проходя прилавок, — …Девять инженеров сушат свои мозги над усовершенствованием

упаковочного оборудования. А когда ты приносишь покупку в дом, ты открываешь ее простым ножом… Купальные костюмы, — не теряет путеводной нити Жанетт. — Что ты сказал, дорогой?

— Ничего, дорогая.

Она быстро просматривает содержимое большой корзины с ярлыком «*Размер 5*».

— Вот здесь. — Жанетт держит в руках маленькие плавки — голубые с красными полосами.

— Выглядят как памперсы.

— Они растягиваются, — отвечает Жанетт Может это и так, но Герб не проверяет. Он роется в корзине «Размер 3» и находит пару таких же плавок размером не больше его ладони.

— Вот, смотри. Берем эти, пока дети не сварились в машине.

— О, Герб! Не глупи: это же не купальник!

— Мне кажется, они идеально подходят Карин.

— Но, Герб! Они же без верха! — кричит вне себя Жанетт.

Он поднимает маленькие плавки повыше и в раздумье рассматривает их.

— Зачем Карин верх? Трехлетней девочке!

— Вот, нашла. О, дорогой, у Долли Грэхем такой же.

— Может, кто-нибудь в околотке возбудится,

увидев грудь трехлетней девочки?

— Герб, не говори гадостей.

— Не согласен.

— Наконец, — она демонстрирует свою находку и хихикает. — О, чудесно, просто замечательно!

Жанетт бросает купальный костюм в корзинку, и супруги быстро движутся, сопровождаемые скрипом к кассирше: шесть футболок, четыре рубашки хаки, шорты, две пары красных сандалий с желто-белой резиновой подошвой, одни голубые плавки пятого размера и одни отличные миниатюрные бикини третьего размера.

Более десятка детей плескались в пруду, пели песни и играли.

Чарли еще никогда не слышал такого пения. При нем пели лучше или хуже, но вот так — никогда. Пение напоминало мягкий музыкальный аккорд на верхах органа, затем тональность понижалась, переходя в другие аккорды. Некоторые дети были постарше, другие еще с трудом ковыляли, но все они пели одинаковым образом; самым необычным было то, что из всех, примерно, пятнадцати поющих, одновременно пели не более четырех, иногда пяти. Музыкальные аккорды лились над группой, иногда пели лишь несколько смуглых малышей, затем вступали

другие — игравшие дальше вдоль пруда, после вступали дети, плескавшиеся на другой стороне пруда, иногда пели альты, которые находились слева, и сопрано, находившиеся справа. Можно было почти физически ощущать, как аккорды сгущались, разрежались, взмывали вверх, распространялись, их тональность то неожиданно повышалась, то меняла оттенок. Два голоса поддерживали аккорд в унисон, в то время как остальные выпевали различные ноты, стремясь создать доминанту. Один из голосов вел септ-аккорд, иногда снижаясь на полтона, тогда аккорд становился минорным. Затем следовал пятый, шестой и девятый диссонансы, после чего аккорд восстанавливался, переходя в звучание в другом ключе — все это происходило легко, мягко и приятно.

Большинство детей были обнажены — все были стройны, с крепким сложением и ясными глазами. Неопытному глазу Чарли представилось, что все они выглядели, как маленькие девочки. Казалось, музыка не занимала их; они играли, плескались, бегали вокруг пруда, строили замки из песка, палочек и разноцветных кирпичиков; трое играли в мяч. Друг с другом они говорили на своем языке, напоминавшем курлыканье

голубей, пищали, радовались, догнав и поймав убегавшего. Один из них плакал, как плачет упавший ребенок (трое ближайших детей быстро подхватили и успокоили его, поцеловав, сунув игрушку и начав тормошить его, пока он не засмеялся), но над всей этой сценой все время раздавались аккорды из трех, четырех или пяти нот. Одни вступали, другие прекращали петь, ныряя, разговаривая между собой. Чарли пришлось слышать такие звуки в центральном дворе Первого Медицинского блока, но не так четко, не так чисто. Эту музыку он слышал, где бы ни находился на Лидоме, где бы группами ни собирались лидомцы. Звучание музыки висело над Лидомом, как туман висит над стадами оленей на холодных лапландских равнинах.

— Почему они так поют?

— Они все делают вместе, — ответил Филос, его глаза блестели. — Когда они вместе что-то делают, они всегда поют. Когда дети сопереживают что-то, они поют, независимо от своих занятий. Это свойственно им, они не раздумывают над этим. Пение приносит им радость, тональности меняются в зависимости от ощущений: как будто человек искупавшись в холодной воде лег на горячие камни, ощутил тепло земли. Пение раз-

носится в воздухе, оно приходит из окружения людей и уходит в него. Вот, я покажу тебе. Мягко и чисто он спел три ноты: «до, соль, ми…»

Все три ноты были тут же подхвачены тремя детьми, как если бы они были переданы в их уста Филосом: каждый ребенок пел одну ноту, и ноты сплелись в арпеджио и составили аккорд; затем ноты вновь повторились и перешли в аккорд; теперь один ребенок — Чарли видел его, он стоял по пояс в воде — изменил одну ноту, и арпеджио стало «до, фа, ми…» и сразу же последовали «ре, фа, ми» и вдруг «фа, до, ля…» Так продолжались эти вариации. К ним добавлялись другие, периодически переходя в минор. Наконец, пение перешло в постоянно звучащий, лишь слегка изменяющийся аккорд.

— Это… просто красиво, — выдохнул Чарли, искренне желая выразить свое восхищение и сердясь на себя за неумение это сделать.

Филос был доволен:

— Вот и Гросид!

На пороге коттеджа появился Гросид, одетый в ярко-красный плащ, стянутый у горла лентой. Он повернулся, посмотрел вверх, взмахнул рукой, пропел три ноты, которые раньше пел Филос (и снова они были подхвачены и варьированы

детьми), и рассмеялся.

Филос обратился к Чарли:

— Он говорит, что сразу понял, кто пришел, когда услышал эти ноты.

— Гросид, — позвал Филос, — можно войти?

Тот с радостью пригласил их, и они спустились по крутому склону, где их уже встречал Гросид, подхватив на плечи одного из детей. Ребенок был счастлив, что сидит на плечах и держится за складки плаща.

— А, Филос. Ты привел Чарли Джонса. Заходите, заходите! Рад видеть вас.

К изумлению Чарли, Гросид и Филос расцеловались. Когда Гросид приблизился к нему, Чарли выставил заранее вперед руку, и Гросид, мгновенно поняв намек, подержал руку Чарли и отпустил ее.

— Это Анау, — представил ребенка Гросид, ласково потершись волосами о лицо ребенка.

Тот рассмеялся, зарывшись лицом в густую шапку волос и выставив оттуда один шаловливый глаз, смотревший на Чарли. Чарли тоже рассмеялся в ответ.

Вместе они вошли в дом. Опять растворяющиеся в воздухе перегородки? Скрытое освещение? Выдача пищи на антигравитационных подносах?

Самозамораживающиеся завтраки? Самодвижущиеся полы?

Ничего подобного!

Комната была почти прямоугольной, от чего глаза Чарли уже начали отвыкать. Он тут же понял, как соскучился по прямым линиям. Низкий потолок с балками, прохлада, но не антисептическое и безликое дыхание кондиционеров, а напоенный ароматом полевых растений воздух, сохранивший прохладу благодаря толстым стенам — естественное дыхание земли. Здесь оказались и стулья — один деревянный изящной работы, три более грубых, сделанных из стволов лиан и пеньков или чурок. Ровный пол был выложен плитами, промежутки между которыми были затерты глазурованным красным цементом, поверх пола лежали чудесные циновки ручной работы. На низеньком столе стояли огромная деревянная ваза, изготовленная из цельного куска твердого дерева, и набор глиняной посуды — кувшин и семь или восемь кружек. В вазе красовался салат из фруктов и овощей с орехами, красиво уложенными в форме звезды.

Стены были увешаны картинами, изображавшими, главным образом, дары земли — натюрморты с зелеными, коричневыми, оранжевыми

цветами и разноцветными фруктами. Некоторые из них отличались реалистической манерой письма, другие — абстрактной. Попадались и полотна импрессионистского толка. Внимание Чарли привлекла к себе одна из них — два лидомца в неожиданном ракурсе, словно художник смотрел через плечо одного из них на склоненную перед ним фигуру другого. Казалось, склонившийся находился в горе, был болен или страдал — общий вид был несколько размыт, как будто вся сцена виднелась сквозь слезы.

— Очень рад, что вы смогли придти, — с улыбкой приветствовал гостей второй глава Первого Детского блока Назив.

Чарли оторвался от разглядывания картины и увидел лидомца, одетого точно так же, как и Гросид. Назив протягивал ему руку. Чарли пожал ее и отпустил.

— Я тоже рад, мне здесь нравится.

— Мы так и предполагали, — отвечал Назив. — Готов спорить, что обстановка здесь не очень отличается от привычной вам.

Чарли мог бы согласиться с этим из вежливости, но не захотел кривить душой перед этими людьми.

— Слишком отличается от всего, что мне зна-

комо, — признался он, некоторые вещи такие же, как у нас, но их мало.

— Присаживайтесь. Сейчас мы перекусим — просто для поддержки сил. Имейте, правда, в виду, что вскоре мы попадем на настоящий пир.

Назив наполнил глиняные тарелки салатом и раздал их, в то время как Гросид разливал в кружки золотистый напиток. Чарли ощутил его медовую густоту с острым привкусом специй. Напиток был прохладным, но не слишком холодным. Салат ели деревянными вилками с двумя короткими острыми зубцами и одним длинным широким зубцом с острой кромкой. Вкус салата был просто замечательный, и Чарли пришлось сдерживаться, чтобы не есть с жадностью и не просить добавки.

За едой шел разговор; Чарли не принимал в нем особого участия, хотя чувствовал, что его стараются заинтересовать и во всяком случае не говорят о том, что ему могло бы быть неинтересно:…У Фредона, выше на холме, обнаружили долгоносиков… Видели ли вы новый метод инкрустации, который придумал Дрегг? Дерево в керамике — можно поклясться, что они отожжены вместе… Назив хотел применить биостатическую обработку молочаев для получения новых видов

волокон… Сын Эриу по глупости сломал себе ногу…

Во время их еды дети входили и выходили, никоим образом не отвлекая старших, они просто вбегали, получали орех или ломтики фруктов, испрашивали, запыхавшись, разрешения на что-то или просто что-либо сообщали: «Иллеу говорит, что стрекоза — это паук. Это правда? — нет, ни одно арахновидное не имеет крыльев». Мелькали красная лента и желтая туника, и ребенок так же быстро исчезал. Однажды появилось маленькое голое создание, кокетливо заявившее:

— Гросид, у тебя очень смешное лицо.

— А у тебя тоже.

Крошка убежал, весело смеясь.

Чарли намеренно ел медленно, наблюдая за Називом, сидевшим рядом на низком пуфике и ловко извлекавшим занозу из своей собственной ладони. Рука у него была крупной и сильной, и Чарли заметил большие мозоли, сделавшие бы честь любому грузчику. Это как-то не соответствовало легкой одежде, художественно выполненной мебели. Но пока Чарли чувствовал, что не вправе еще делать какие-либо выводы. Он спросил, пристукнув кулаком по основательной ручке своего кресла:

— Вы делаете такую мебель здесь?

— Прямо здесь, — бодро подтвердил Назив. — Сам сделал. А вместе с Гросидом мы сделали все, что здесь есть. Конечно, дети помогали. Гросид сделал тарелки и кружки. Нравятся?

— Еще бы, — отозвался Чарли. Посуда была коричневой с золотом и переплетавшимися цветными полосами. — Это что, лак по глине или вы обжигаете их в своем А-поле?

— Ни то и ни другое, — улыбнулся Назив. — Хочешь увидеть, как мы делаем их? — Он посмотрел на пустую тарелку Чарли. — Или еще салата?

Чарли с сожалением отставил тарелку.

— Спасибо, мне хотелось бы увидеть, как вы делаете посуду.

Они поднялись из-за стола и вышли в заднюю дверь. За портьерой прятался ребенок, озорно дернувший Назива за плащ, в ответ на что Назив, не останавливаясь на ходу, схватил его, поднял, перевернул вниз головой и осторожно вновь вернул в вертикальное положение. С веселым визгом ребенок скрылся. Улыбаясь, он поманил Чарли за дверь.

— Вы очень любите детей, — отметил Чарли.

— Мой бог! — отвечал Назив.

Смысл сказанного был не совсем ясен, но Чарли

чувствовал, что он хочет сказать — это был ответ на его замечание, но не прямое объяснение. Считал ли он ребенка своим богом? Или… было ли это принципом отношения к детям?

Комната, в которой они оказались, была немного выше и шире, чем другие, и совершенно не напоминала уютные и удобные жилые помещения лидомцев. Это была мастерская — обычная рабочая мастерская. Пол был устроен из кирпичей, гладкие стены обшиты деревом. На деревянных крючках висели инструменты: кузнечный молот и клинья, молотки поменьше, тесло, скобель, шило, окорочный нож, топорик и большой топор, угольник, рейсмус и уровни, коловорот, стамески и набор рубанков. У стен в разных местах помещения стояли станки — самое удивительное, что все они были сделаны, очевидно, вручную из дерева! Отрезной станок со столом, похоже, приводился в движение ногой, а ножовочная пила — кривошипно-шатунным механизмом, заставлявшим пилу двигаться вверх и вниз. Верхний конец пилы фиксировался в громоздкой раме и был пригружен деревянной пружиной. Токарный станок также имел множество деревянных шкивов для регулирования скорости, и кроме того огромное керамическое маховое колесо,

весившее не менее пятисот фунтов.

Назив привел сюда Чарли, чтобы показать печь для обжига. Печь стояла в углу — это была прочная конструкция из огнеупорного кирпича с дымовой трубой сверху и тяжелой металлической дверцей, покоившаяся на кирпичных же подпорках. Под печью стояли тигель и горн, который Назив, с некоторым напряжением, выкатил, чтобы показать Чарли, после чего вернул его на место. Рядом были устроены кузнечные меха с ножным приводом. Выходное отверстие мехов открывалось в нечто вроде большого мешка, что оказалось при ближайшем рассмотрении огромным пузырем. Назив начал усиленно качать ногой педаль, и сморщенный мешок сначала как бы вздохнул, перевернулся на свою спину и стал раздуваться.

— Идея пришла мне в голову, когда я увидел, как дети играют на волынке, — воодушевленно объяснял Назив.

Он прекратил накачивать меха и вытянул какой-то рычаг. Чарли услышал шипение — это через сетку выходил воздух. Еще более вытянув рычаг, Назив добился того, что поток воздуха усилился.

— Управление очень простое, присутствие

взрослых не требуется: все дети могут обращаться с мехами, даже самые маленькие. Им это нравится.

— Это все просто чудесно, — искренне признал Чарли, — но, конечно, можно было бы устроить все и проще.

— Конечно, — согласился Назив, но воздержался от дальнейших комментариев.

Чарли восхищенно посмотрел на него, на аккуратно сложенные распиленные брусья, прочные крепления деревянных машин…

— Обрати внимание, — попросил Назив.

Он откинул зажим со стороны патрона токарного станка и поднял направляющие, которые зафиксировались в вертикальном положении.

— Сверлильный станок! — узнал Чарли. Он указал на маховик. Выглядит, как будто сделан из глины. Как вам удалось его обжечь?

Назив кивнул в сторону печи. Он входит туда, правда уже на пределе. Когда мы обжигали его, то сдвинули все станки и устроили здесь пир с танцами, пока не закончили обжиг.

— И все танцевали на педалях, — расхохотался Чарли.

— И не только это. День был, что надо, — рассмеялся в ответ Назив. Но ты хотел узнать, почему

мы изготовили керамический маховик. Конечно же, он массивен, но если его слепить и обжечь, он будет точнее, чем изготовленный из камня.

— Несомненно, — одобрил Чарли, глядя на маховик, но вспоминая при этом невидимые лифты, машины времени, устройство, повинующееся движению пальцев, способное сдвигать холмы и переносить их с места на место. Мимолетная мысль пришла ему в голову: возможно, эти люди не знают, какой техникой располагают Первые блоки, размещенные в огромных зданиях. Хотя тут Чарли вспомнил: именно в Первом Медицинском блоке он впервые увидел Гросида и Назива. Тогда, наоборот, они знают возможности Первых блоков, но им не разрешают ими пользоваться, и они должны трудиться в полях, наживая мозоли, в то время как Сиес и Милвис мановением руки открывают отсеки в стенах, чтобы отведать холодных фруктов к завтраку. Ну, что ж, каждому свое.

— Во всяком случае, это очень большая деталь из керамики, — только и сказал Чарли.

— О, нет, — тут же отпарировал Назив, — идем и увидишь.

Он вывел его в сад. Четверо или пятеро детей возились на траве, а один взобрался на дерево.

При виде Назива они радостно закричали, закурлыкали и бросились к нему; он продолжал разговор одновременно лаская одного, крутя другого и подмигивая третьему.

Тут Чарли Джонс увидел скульптурную композицию.

Сначала он подумал, что это Мадонна с младенцем.

Коленопреклоненная фигура взрослого была одета в ниспадающую просторную хламиду, взгляд был обращен вверх. Ребенок стоял тоже глядя вверх, на его лице было возвышенное, даже экстатическое выражение. Ребенок был обнажен, фактура тела была передана с большим искусством, одежда взрослого была расцвечена всеми оттенками пламени.

Чарли смог выделить два примечательных момента: во-первых, фигура взрослого была высотой три фута, а ребенка — более одиннадцати футов! Во-вторых, вся композиция состояла из одного огромного цельного куска отлично глазурованной и безупречно обожженной терракоты.

Чарли должен был бы расспросить Назива о печи, вмещавшей такие фигуры, но он не сразу вспомнил об этом, восхищаясь чудесным произведением искусства, его отделкой, а более всего

символикой. Маленький взрослый, склонившийся перед гигантом-ребенком, одухотворенное лицо, глядящее на высокую фигуру перед ним; ребенок, поглощенный чем-то своим, отстранен от взрослого и стремится ввысь… куда-то… во всяком случае к чему-то высшему.

— Эту печь я показать не смогу, — заметил Назив.

Все еще пораженный статуей, Чарли осматривал чудесную работу, полагая, что она была обожжена по частям и затем смонтирована. Но нет, поверхность глазури была безупречна — не видно было даже тончайших линий соединения. И при том, даже основание, представлявшее собой массу цветов с самыми разнообразными и разноцветными лепестками, было глазуровано!

Чудеса! Они действительно освоили это магическое А-поле!

Назив пояснил:

— Скульптура была создана прямо здесь, на этом месте, и тут же обожжена. В основном, делали все мы с Гросидом, за исключением цветов — их сделали дети. Глину отбирали и готовили более двухсот детей, и она, как видишь, не потрескалась при обжиге.

— О… так вы построили печь вокруг нее?

— Мы построили три печи вокруг — одну для сушки, которая была затем разобрана, чтобы можно было раскрасить статую, вторую для фиксирования полученных цветов, и третью — для окончательного обжига и покрытия глазурью.

— А потом вы их разобрали и выбросили?

— Зачем, мы использовали кирпичи для нового пола в мастерской. Но даже если бы мы выбросили их, все равно дело того стоило.

— Да, стоило, — согласился Чарли. — Назив… А что это? В чем смысл статуи?

— Она называется «Создатель», — сказал Назив.

— Взрослый восхищается ребенком. Ребенок поклоняется чему-то иному. Создателю?

— Родитель создает ребенка. Ребенок создает родителя.

— Как создает?

Назив рассмеялся от всего сердца.

— Подумай: разве можно стать родителем, не имея ребенка?

Чарли рассмеялся вместе с ним. Уходя, он еще раз обернулся на сияющую терракотовую статую. Он чувствовал, что Назив сказал не все. Наверное, и Назив понял его мысль, иначе он бы не тронул Чарли за локоть и не добавил:

— Идем. Ты еще поймешь все чуть позже.

Чарли последовал за ним, но перед его глазами все еще стояла чудесная одухотворенная скульптура, блестящая на солнце. Проходя через мастерскую, Чарли еще раз спросил себя, почему ребенок крупнее родителя?

…Тут он сообразил, что задал свой вопрос вслух, так как Назив, войдя в комнату и приласкав вцепившегося в него малыша, который раньше прятался в портьере, ответил с улыбкой:

— Но — дети действительно крупнее.

Что же… на этом языке, как и в английском, «крупнее» может означать и «значительнее»… он подумает об этом позже. Горящими глазами Чарли смотрел вокруг и вдруг почувствовал острый приступ сожаления. Жаль видеть подобное и не иметь потом возможности поделиться своим знанием с другими.

Филос понял его:

— Он оценил твою статую, Гросид. Спасибо, Чарли Джонс.

Чарли было очень приятно, но он не видел своих сияющих глаз со стороны и поэтому не понял, за что его поблагодарили.

Согнувшись, Брут угрожающе приближается своей кавалерийской походкой к постели, на

которой покоится Она в неглиже.

«Не тронь меня!» — кричит она с итальянским акцентом, а камера наезжает вместе с медленно приближающимся Брутом, сама становится Брутом, и все существа из плоти и крови, сидящие в стальных хромированных автомобилях перед гигантским экраном кинотеатра, невольно выпрямляются, мигая и ощущая прилив крови к голове. Даже пропитанный неоновым светом воздух над машинами для приготовления сладкой кукурузы насыщен томительным ожиданием; ряды погашенных фар тоже смотрят на экран и ждут.

Когда камера достаточно приблизилась к постели и уже можно разглядеть последний крик моды этого года — «ложбинки нет, соски наружу» — волосатая рука Брута выныривает на экран и бьет с оттяжкой сидящую на постели женщину по мраморной щеке (расхлябанная музыка подчеркивает этот момент), слышен треск разрываемого шелка — рука уже движется где-то внизу, за пределами экрана. Ее лицо, по-прежнему крупным планом — сорок три фута шесть дюймов от всклокоченных волос до ямочки на подбородке — вжимается в сатиновую подушку, а тень Брута накрывает ее, громкость звука постепенно нарас-

тает. «Не тронь меня! Мне больно!»

Герб Рейл, сидя за рулем автомобиля, наконец начинает осознавать, что рядом с ним происходит какая-то возня. Карин уже давно спит на заднем сиденье, а у Дейва, обычно угомонявшегося к этому часу, сна ни в одном глазу. Жанетт полунельсоном захватила его голову и пытается другой рукой прикрыть ему глаза. Дейв подбородком упирается и отжимает ее запястье. При этом оба они ухитряются время от времени бросать жадные взгляды на экран и приобщаться к действию кинофильма.

Герб, тоже жадно следит за экраном и, не поворачивая головы, спрашивает:

— В чем дело?

— Нечего ребенку на это смотреть, — шипит Жанетт. Она даже слегка задохнулась то ли из-за Дейва, то ли из-за переживаемых страстей.

«Мне больно! — пронзительно верещит Она на экране, по ее лицу проходит дрожь и глаза закрываются. — А-а-ах… — уже стонет она… давай, давай, сделай мне больно, еще, еще-о-о».

Дейв срывает с глаз руку матери:

— Я хочу смотреть!

— Будет так, как я скажу или… — гаркает на него Гейл, глядя на экран.

Тут обезумевший Дейв кусает Жанетт за руку. Она взвизгивает и жалуется:

— Он укусил меня!

Теперь с экрана не менее, чем на семидесяти футах суперполихроматической пленки со звуковой дорожкой, торопливо и кратко объясняют, что уже давно произошло недоразумение, и что Она и Брут фактически состояли все это время в браке, что Она ужасно страдала все это время, что их матримониальные безумства объясняются, на самом деле, легальностью их брака. Экран заливает яркий солнечный свет, звучат медные трубы, и ошарашенные зрители разминают ноги и мигают, привыкая к прежней действительности.

— Не надо разрешать ему смотреть все это, — прокурорским тоном говорит Герб.

— Я и не разрешала, он сам смотрел. Да еще и укусил меня.

Возникает пауза, и тут-то Дейв понимает, что он совершил что-то наказуемое; мальчик не знает, как выйти из этого положения, в конце концов он начинает всхлипывать и ударяется в слезы. Его утешают и дают малиновый шербет и рогалик. Первоначально шербет был на палочке, но потом он сполз с нее; Дейв не знает, что делать с ним — сначала он прилип к руке, а затем стек

точно на складку на брюках. Герб разрешает это затруднение, запихнув весь кусок сыну в рот. В этот момент экран вновь вспыхивает, и начинается второй фильм.

— Наконец-то фильм для Дейва, — на второй минуте выносит приговор Герб. — Почему бы им вначале не показывать вестерн, тогда детям не придется смотреть, что им не положено.

— Садись мне на колени, дорогой, — зовет Жанетт. — Тебе видно?

Дейву хорошо видна схватка на краю пропасти, падающее тело, старик с переломанными костями у подножья, злодей в широкополой шляпе, склонившийся над ним, хлынувшая изо рта старика кровь: «Я… Чак… Фрич… помоги!» Злодей хохочет: «Ты Чак Фрич? Да? Именно это я хотел знать!» С этими словами злодей выхватывает кольт сорок пятого калибра, грохочет выстрел, тело старика содрогается от попавших в него пуль, бедняга корчится в агонии, изо рта его вырываются стоны. Камера уже не показывает, как злодей наступает ковбойским сапогом на лицо старика, зато видно, как он ударом ноги спихивает тело с уступа и оно летит далее вниз в каньон.

Выезжая из кинотеатра на замызганную улицу, Герб задумчиво произносит:

— Да, завтра я позвоню им, я спрошу у них, почему они не показывают вначале вестерн.

Они пришли к Вумби, чей дом и двор были окружены замысловато сплетенной изгородью: в грунт были вкопаны столбы, а между ними посажены вьющиеся растения. Сам Вумби, молодой человек с орлиным носом, продемонстрировал Чарли, что изгородь, представляет собой нечто цельное с домом, так как стены также были устроены подобным образом, а потом оштукатурены взятой поблизости глиной. После высыхания дом белился, в белила был добавлен фиолетовый цвет. Поверх соломенной крыши был высажен дерн, повсеместно растущий на Лидоме. Весь дом выглядел чудесно, особенно удобна была внутренняя планировка — ведь глиняные перегородки не требовали брусьев и досок стандартной длины, и чем большую кривизну имели стены, тем прочнее они были. Точно так же изогнутый лист бумаги может стоять на боку.

Гросид, Назив и их дети тоже отправились вместе с Чарли показать ему дом Вумби и другие достопримечательности. После они все вместе с Вумби и его детьми отправились к Аборпу, чей дом был построен из уплотненного грунта, который набивался в деревянную опалубку

и уплотнялся вручную четырьмя сильными парнями, стоявшими поверх опалубки и трамбовавшими грунт с помощью тяжелого деревянного бревна. После высыхания опалубка снималась. Как и плетеный дом, внешний вид дома из грунта можно было легко разнообразить.

Затем они посетили дом Обтре, построенный из тесаного камня в виде отдельных кубов. Каждый куб имел свою собственную куполообразную крышу, устроенную очень просто. Внутренне пространство куба заполнялось грунтом до самого верха, затем грунт уплотнялся и поверх него укладывалась штукатурка слоем толщиной не менее фута. После того, как конструкция устоялась, весь грунт выбирался изнутри. Чарли сообщили, что такой дом может стоять хоть тысячу лет. Дальше Чарли с компанией путешествовали уже в сопровождении Обтре и его детей.

Эдек жил в доме из бревен, проконопаченном мхом, Виомор устроился прямо внутри холма, выкопав себе нечто вроде пещеры, оштукатурив и облицевав ее изнутри вручную полированным деревом, а кое-где и камнем. Пиант построил себе дом из дикого камня с крышей из дерна, изнутри все стены были увешаны отличными коврами, снаружи Чарли увидел ручной работы ткацкий

станок, на котором все ковры и были изготовлены. Ему удалось также увидеть, как Пиант с товарищами работали за станком, в то время как двое малышей орудовали челноком. Пиант с товарищами, его дети, Виомор с семьей, а также Эдек с домочадцами присоединились к Чарли. Проходя через парк, они привлеки всеобщее внимание — люди в ярких одеждах, вездесущие дети и долговязые подростки оторвались от своей работы в поле и в саду, побросали мотыги и сапки, ножи для прививок и мачете, и обступили их.

По мере того, как росла толпа, усложнялась сопровождавшая музыка пение звучало не громче, но становилось как-то масштабнее.

Наконец, вбирая в свои ряды все новых людей, спутники Чарли Джонса привели его к храму.

Жанетт в расстроенных чувствах бросается на аккуратно застеленную постель.

— Ну почему я такая?

Она только что выставила за дверь агента по рекламе от фирмы услуг на дому. Само по себе это обычное дело. Никто не просит этих нахалов звонить в ваш дом, и они знают, что их не ждут. Никто в здравом уме не собирается покупать у них ненужные вещи. Сейчас такое время, что вы должны твердо усвоить что вам нужно, а что нет,

и держаться своей линии, иначе они заболтают вас и вытянут из вас все жилы.

Дело не в этом, а в том, как она выставила беднягу. Ей приходилось и раньше делать это, она, несомненно, и дальше будет поступать так же, но сейчас она чувствует себя отвратительно.

Зачем нужна была такая резкость? Зачем этот ледяной взгляд, холодный тон, почти захлопнутая перед носом дверь? Это не свойственно ей, Жанетт. Разве нельзя было выставить его так, как она обычно это делает, не создавая пародию на саму себя и на тяжелую жизнь коммивояжера?

Конечно, можно было.

Она садится на постель. Может, сейчас она обдумает все и решит проблему раз и навсегда?

Она избавлялась от нежелательных агентов и выходила из подобных ситуаций много, много раз, оставаясь при этом Жанетт. Улыбка, приправленная маленькой ложью о проснувшемся ребенке или звонящем телефоне — все очень просто, никто не обижен. О, мой муж купил такую как раз вчера!.. Как жаль, что вы не пришли на прошлой неделе!.. Я выиграла этот прибор на конкурсе!.. И люди уходят без неприятного осадка.

Вместе с тем, иногда, случается так, как сегодня. Подобранные губы, не слова, а маленькие льдин-

ки вылетали из ее рта. А потом она стоит, вот как сейчас, у захлопнутой двери и прикусывает свой длинный коралловый ноготь, глядя, сама невидимая, сквозь маркизетовую занавеску, стараясь не шевелить ее, а он уходит прочь, и она видит по его походке, что он обижен. Она несчастна, он унижен, кто же выиграл?

Жанетт чувствует себя отвратительно.

Почему именно этот мужчина? Он вел себя прилично. Достаточно прилично. Парень приятной внешности, хорошая улыбка, крепкие зубы, опрятно одет, и он не пытался вставить носок ботинка в дверь. Он обратился к ней, как к леди, которой он, может быть, смог бы помочь своим товаром. Он продавал товар, а не себя.

«Может, — говорит себе Жанетт, — если бы он выглядел подонком, подмигивал и играл бровями, заглядывал за вырез халата и издавал причмокивающие звуки, то она отмахнулась бы от него любезно — быстро, спокойно и без нервов?»

«Вот, — ужасается она, — в этом все и дело. Тебе он понравился — вот почему ты напустилась на него».

Жанетт сидит на постели, обдумывая эту мысль, затем закрывает глаза и дает волю воображению,

представляя, как он подходит, прикасается к ней, как он совсем близко, рядом.

Ей не противно. Совершенно. Этот парень понравился ей, но не так, не так!

«А как мужчина может нравиться, если ты его не хочешь?» — спрашивает вслух Жанетт.

Нет ответа. Жанетт верит в эту истину. Если тебе нравится мужчина, значит ты его хочешь. Разве бывает по-другому? Конечно, если нет чувства, этой бессознательной внутренней подсказки, то не о чем и говорить.

Она не хочет желать другого мужчину, кроме Герба, но она желает. Значит, она порочна.

Жанетт откидывается на постель и говорит себе, что она заслужила хорошую порку. Она насквозь порочна.

Праздник был устроен на горе — во всяком случае, это было самое возвышенное место, которое Чарли здесь видел. Ко времени прихода Филоса и Чарли с сопровождавшей их толпой сюда собрались около ста лидомцев. Угощение было приготовлено под сенью деревьев с темно-зеленой листвой на безупречно ровной травяной лужайке, пища была разложена на свежесплетенных листьях, как это принято на Гавайях. Ни один японский умелец не смог бы так красиво

и гармонично разложить цветы и пищу, как это сделали местные жители. Каждое блюдо и каждая зеленая корзинка представляли собой произведение искусства как по цвету, так и по форме, контрастности и общей гармонии. Помимо всего, приятные запахи дополняли эту симфонию.

— Угощайся, — с улыбкой пригласил Филос.

Пораженный Чарли осмотрелся. Со всех сторон сходились лидомцы, приветствуя друг друга радостными возгласами. Многие обнимались и целовались.

— Где мне сесть?

— Где хочешь. Это для всех.

Они прошли через бурлящую толпу и разместились под деревом. Прямо перед ними на отдельных листах были разложены небольшие порции пищи, и все было так красиво, что Чарли решился нарушить это великолепие лишь после Филоса.

Мимо проходил красивый мальчик, балансируя лежавшим на голове блюдом с полудюжиной кружек, имевших вид усеченных конусов с широким основанием. Филос поднял руку, и мальчик тотчас же приблизился. Взяв две кружки, Филос поцеловал мальчика, который рассмеялся и, пританцовывая, отошел. Чарли попробовал напиток

— приятный прохладный сок, по вкусу смесь яблочного с персиковым, освежил его. У Чарли проснулся аппетит, и он стал с удовольствием есть. Пища была так же хороша на вкус, как и на вид.

Утолив голод, Чарли стал осматриваться по сторонам. Он обнаружил, что все собравшиеся в роще лидомцы находятся в состоянии приятного ожидания, это выражалось и в пении, которое лилось над толпой, то возрастая, то затихая, но в любом случае оставаясь негромким. Чарли поразило, что многие люди больше угощали других, чем ели сами, и он поинтересовался насчет этого.

— Они просто делятся пищей. Если тебе что-то особенно нравится, разве ты не спешишь поделиться с кем-нибудь?

Чарли вспомнил свое мелькнувшее желание разделить чувства, возникшие при виде терракотовой статуи и ответил:

— Да, думаю это верно.

Неожиданно глянув на Филоса, Чарли заговорил:

— Послушай, может, ты хочешь присоединиться к своим друзьям, а мое присутствие тебя удерживает?

Странное выражение промелькнуло на лице Филоса.

— Ты очень внимателен, — ласково ответил он, — но я не хочу. Во всяком случае, не сейчас. (Чарли показалось, что Филос даже покраснел при этих словах. Что это было? Гнев? Чарли не захотелось искать причину).

— Много людей собралось, — заметил он, помолчав.

— Здесь все.

— А каков повод для праздника?

— Если не возражаешь, я хотел бы услышать твое мнение после окончания.

Поставленный в тупик, Чарли пробормотал:

— Ладно.

Они замолкли, прислушиваясь. Всеобщее звучание ряда аккордов становилось все тише и тише. Оно переросло в тихое стаккато, и Чарли заметил, что люди вокруг него начали слабо постукивать себя, а иногда и своих соседей, по месту у основания горла. При этом голоса поющих начинали мягко вибрировать, все пение приобрело определенный ритм — быстрый, но ясно улавливаемый. Кажется, музыкальные фразы состояли из восьми тактов с мягким подчеркиванием первого и четвертого. На это звучание накла-

дывалась мелодия из четырех тактов, которая повторялась, снова повторялась… все собравшиеся ждали чего-то, некоторые даже наклонились вперед в ожидании…

Вдруг вступило мощное сопрано, певшее целый каскад нот, взмывавших вверх, подобно фейерверку, над основной мелодией в басах, и затем стихавшее. Так повторилось несколько раз — трудно было понять, поют ли в дальнем конце рощи или где-то рядом с Чарли. Два тенора в унисон повторили ту же мелодию и умолкли. Ее подхватил другой сильный голос, принадлежавший одетому в синее лидомцу, сидевшему рядом с Чарли. Его голос звучал очень сильно и как бы поплыл над рощей, освободившись от всех сопровождавших пение форшлагов и глиссандо, преподнеся слушателям все шесть нот в их первозданной чистоте. Все оживленно зашевелились, как бы одобряя, и полдюжины голосов сидящих в разных местах людей, присоединились к мелодии, повторяя вновь и вновь в унисон шесть нот. На второй из шести нот чей-то голос начал вести мелодию сначала: пение приобрело характер фуги, вступали голос за голосом; многоголосие усложнялось и усложнялось, возбуждая всех присутствующих. Теперь в пении участвовали, хотя

и очень тихо, басы, придавая как бы основание синкопическому ритму музыки, вздыхавшей подобно приливам и отливам морских волн.

Так же неожиданно, как вступило первое сопрано, в центре перед собравшимися появилась обнаженная фигура танцующего. Она мелькала между стволами деревьев, двигаясь и вращаясь настолько быстро, что ее очертания невозможно было уловить. При этом фигура двигалась осторожно, обходя всякие препятствия. Находясь рядом с Филосом, танцующий лидомец высоко подпрыгнул и замер, упав на колени, спрятав лицо и руки в густой траве. Появились и другие танцоры, и вскоре темная роща ожила — танцевали все, их одежды развевались, смуглые тела мелькали. Чарли увидел, как вскочил Филос; к своему изумлению и сам он, Чарли, поднялся влекомый потоком звуков и движений. Он с трудом удержал себя от того, чтобы присоединиться к морю танцующих. Чарли стоял, обняв ствол дерева, переводя дыхание, он боялся, что не удержится на ногах в вихре непривычного танца, что его слух не поспеет за мелодией, что зрение не сможет воспринять все происходящее вокруг.

Все впечатления представлялись ему в виде отдельных картин стремительный поворот

торса, напряженное, экстатическое выражение обращенного вверх лица, шелковистые развевающиеся волосы, дрожащее тело, крики ребенка, пробирающегося сквозь толпу танцующих, вытянутые руки, полузакрытые глаза уже находящихся в каком-то своем мире танцоров. Ребенок все никак не мог выбраться из толпы, и тогда один из танцоров схватил и подбросил его высоко в воздух, он был подхвачен другими, третьими сильными руками и так и летал по воздуху, пока благополучно не приземлился за пределами круга танцующих. Незаметно для Чарли басы, ранее певшие приглушенно, звучали мощным крещендо, а темп, заданный вначале мягким постукиванием по горлу, превратился в дикий бит, извлекаемый ударами кулаков по грудным клеткам и животу.

Чарли не мог выдержать напряжения и закричал…

Филос исчез…

По роще как бы прокатилась волна чего-то неведомого, прокатилась и прошла, Чарли почти чувствовал ее, она напомнила жар, исходящий от открытой дверцы печи, но это было не тепло. Никогда раньше ему не приходилось испытывать ничего подобного, он не мог даже вообразить,

что такое бывает. Лишь с Лорой он пережил нечто подобное. Это был не секс, а то, одним из выражений чего является секс. И в этот момент максимального напряжения музыка, шум, вся атмосфера изменилась — в центре оказались дети, много детей, вокруг них продолжали танцевать лидомцы, дети, даже самые маленькие, стояли, тесно прижавшись друг к другу, сознавая свое величие и счастье, а лидомцы все пели, и пение выражало преклонение.

Пение было не о детях. И не для них пели. Выразить чувства, овладевшие толпой, можно было лишь так: они воспевали детей.

Смитти вышел к ограде с тыльной стороны дома перекинуться парой слов с Гербом. Собственно говоря, это была не ограда, а низкий каменный парапет. Получилось так, что Смитти ужасно разозлился на Тилли из-за какого-то пустяка. Герб сидел на газоне на своем складном стуле в тени красно-белого зонтика и читал дневную газету. Он также был зол, но причина крылась совсем в другой области. Конгресс не только принял особенно паскудный закон, но при этом еще и проголосовал против президентского вето. При виде Смитти Герб бросает газету на траву и подходит к ограде.

— Как это получается, — Герб сразу переходит к самой сути, — что в мире так много сукиных сынов?

— Очень просто, — Смитти не задерживается с язвительным ответом, все они выползли на свет из самого грязного женского органа.

Хотя на Лидоме никогда не темнело, Чарли показалось, что стало темнее, когда большинство людей разошлись. Он остался сидеть на прохладном темно-зеленом мхе, прислонившись спиной к оливковому дереву, охватив колени руками и положив на них голову. Щеки его были шершавыми от высохших слез. Наконец, он поднялся и увидел Филоса, терпеливо ожидавшего его.

С ласковой улыбкой Филос кивнул ему, не желая нарушать словами молчание.

— Все закончилось? — спросил Чарли.

Филос прислонился к дереву и показал движением головы на группу лидомцев, состоявшую из трех взрослых и полудюжины детей, убиравших остатки вдали в роще. Над ними все еще звучала музыка — сейчас уже триоли — варьирующаяся, как и ранее.

— Это никогда не кончается, — объяснил Филос.

Чарли задумался над смыслом его слов и вспом-

нил статую, названную «Создатель», все, что он видел в роще, необычное пение.

Филос тихо спросил:

— Все еще хочешь спросить меня об этом месте?

Чарли отрицательно покачал головой и встал.

— Думаю, что теперь я знаю.

— Тогда пойдем, — предложил Филос.

Они шли по полям мимо коттеджей, возвращаясь назад к Первым блокам. По дороге они разговаривали.

— Почему вы поклоняетесь детям?

Филос лишь рассмеялся, в основном от удовольствия.

— Прежде всего, наверное, потому, что это такая религия. Не вдаваясь сейчас в подробности, я определяю религию вообще как нечто, стоящее над разумом, нечто мистическое. Мне представляется, что религия нам необходима. С другой стороны, религия немыслима без объекта поклонения. Нет ничего более печального, чем разумные существа, которые жаждут восславлять, но не имеют объекта поклонения.

— Я не стану спорить, — согласился Чарли, чувствуя, как странно звучат его слова по-лидомски. — Но, почему именно дети?

— Мы славим будущее, а не прошлое. Мы преклоняемся перед тем, что придет, а не тем, что было. Мы надеемся, что наши усилия дадут благие плоды. Перед нами образ всего молодого, растущего, всего того, что может быть улучшено нами. Мы преклоняемся и перед нашей внутренней силой, перед заключенным в нас чувством ответственности. Ребенок включает в себя всю совокупность этих чувств. Кроме того… — тут он умолк.

— Продолжай!

— Тебе еще нужно многое понять, Чарли. Не думаю, что ты уже готов к этому.

— Испытай меня.

Филос пожал плечами.

— Ну что ж, ты сам просишь. Мы преклоняемся перед ребенком, потому что никогда не сможем повиноваться ему».

Долго они шли молча.

— Что ты имел в виду, говоря о неподчинении Богу, перед которым преклоняешься?

— Теоретически это ясно. Вместе с послушанием приходит убеждение в существовании живого, то есть существующего в одно время с тобой Бога. Филос умолк, выбирая слова. — Практически же, чаще всего Бог вмешивается в жизнь людей

чужими руками, его заветы доходят до людей в интерпретации старших — людей со своим личным опытом, память которых уже ущербна, а глаза слепы и не светятся любовью.

Филос посмотрел на Чарли своими странными темными глазами, полными страстного огня.

— Разве ты еще не понял, что смысл существования на Лидоме движение?

— Движение?

— Да, движение, рост, изменение. Разве могут существовать музыка или поэзия без движения, развития; можно ли искать рифму, не произнося других слов? Может ли существовать сама жизнь… в самом деле, движение — это лучшее определение жизни! Живое существ изменяется с каждым мгновением своего существования, даже в момент умирания. Вместе с покоем приходит смерть… Архитектура цивилизации должна выражать состояние души, ее веру. Что говорят тебе формы Первого Медицинского и Первого Научного блоков?

Чарли смущенно фыркнул:

— Поберегись! — крикнул он, имитируя обычный возглас английских лесорубов.

Потом он объяснил Филосу, что так кричат, когда дерево уже почти срублено и начинает

креститься и падать.

Филос добродушно рассмеялся.

— Видел ли ты когда-нибудь бегущего или хотя бы идущего человека в статике? Он неустойчив и обязательно упадет, если неожиданно остановится. Если бы он всегда сохранял устойчивость, то не смог бы бегать или даже ходить. Перемещение в пространстве так и происходит — оно всегда связано с опасностью падения.

— Но потом оказывается, что здания опираются на невидимые костыли.

Подмигнув, Филос ответил:

— Так бывает со всеми символами, Чарли.

И вновь Чарли принужденно рассмеялся.

— Но Филос только один, — в тон ему продолжил он и вдруг опять заметил, что Филос покраснел. Гнев, даже раздражение были так редки здесь, что это произвело на Чарли впечатление. — В чем дело? Может, я…

— Кто тебе говорил это? Милвис, не так ли?

Филос бросил на Чарли проницательный взгляд и прочел ответ на его лице. Но он не стал усугублять положение и, подавив гнев, попросил:

— Не думай, что ты сказал что-то лишнее, Чарли. Это не твоя вина. Милвис… Тут он остановился и глубоко вздохнул:

— Милвис иногда любит пошутить.

Неожиданно сменив тему разговора, Филос потребовал ответа на прежний вопрос:

— Вернемся к архитектуре, будешь ли ты оспаривать принцип динамической неустойчивости, видя вот это?

Тут он указал рукой на коттеджи — земляные, бревенчатые, каменные и обитые деревянными планками.

— Ничего странного в них нет, — согласился Чарли, указывая на тот, мимо которого они проходили — состоявший из отдельных кубов с куполообразными крышами над каждым.

— Они не являются символами. Вернее, символами, но не в том смысле, что большие здания. Эти коттеджи — результат нашего глубокого убеждения, что лидомцы никогда не потеряют связь с землей, в самом широком смысле. Цивилизации имеют зловредное свойство культивировать целые классы и поколения людей, зарабатывающих себе на жизнь средствами, которые далеко отстоят от первичных источников существования рода. Люди могут рождаться, жить и умирать, ни разу не копнув лопатой землю, не срубив дерева, не сплетя корзины или даже вообще не увидев сапы, мотыги или стамески. Правда, Чарли? Разве

у тебя это было не так?

Чарли задумчиво кивнул. У него самого появлялись такие мысли. Однажды, он, городской житель, нанялся по объявлению в газете собирать бобы, потому что сидел совершенно без денег. Ему было противно жить в бараке вместе с вонючим человеческим стадом и целыми днями гнуть спину под палящим солнцем, занимаясь непривычным трудом, к которому у него не было еще вдобавок и необходимых навыков. Тогда и появились у него мысли о первичности сельского труда, о том, что сам он, городской житель опосредованно берет у матери-земли взращенные ею плоды, дающие ему жизнь и силы. А тогда он погружал обнаженные руки в рыхлую почву, и между ним и землей не было никаких посредников, не происходило никакого обмена, купли-продажи. Подобные мысли не раз приходили ему в голову, когда приходилось зарабатывать, черкая пером по бумаге, моя посуду и кастрюли в ресторане, дергая рычаги бульдозера или нажимая кнопки на калькуляторе.

— Подобные люди имеют очень низкий коэффициент выживаемости, продолжал Филос, — они приспособились к своему окружению, но их среда обитания огромна и очень сложна, она не

имеет ничего общего с такими простыми действиями, как сбор фруктов или поиск птичьего гнезда в густой траве. Если машина повреждена, если сломалась даже самая ничтожная часть ее, человек сразу же становится жалким иждивенцем в течение всего периода, пока расходуются энергетические запасы тела. Все же лидомцы, все без исключения обладают знаниями и навыками в области сельского хозяйства, хотя при этом они знают одно или два ремесла. Им знакомы также строительство, плетение, приготовление пищи, уничтожение отходов, они умеют разжечь огонь и найти воду. Никто не может быть искусным во всем, но в любом случае даже неподготовленный, но знающий, как обеспечить удовлетворение своих основных потребностей лучше приспособлен к выживанию, чем тот, кто умеет обращаться с мельницей лучше всех на свете, но зато не в состоянии подвести стропила, сохранить зерно или выкопать яму для отхожего места.

— Да-а-а, — протянул Чарли.

— Что?

— Я начинаю понимать кое-что… Не могу только совместить автоматизированное существование в Первом Медицинском блоке со всеми этими самодельными изделиями. Я думал, что

образ жизни ваших ученых — их привилегия.

— Наоборот. Те, кто работают в блоках, питаются здесь в виде привилегии! (Фактически, слово «привилегия» переводится на лидомский скорее как «дар»). Главная работа совершается в блоках, и она настолько трудна и требует такой точности, что эти люди не могут себе позволить работать еще и здесь. Они должны эффективно использовать свое время, у всех прочих времени больше. Мы не спим, и рано или поздно даже самая трудоемкая работа завершается.

— А сколько времени дети проводят в школе?

— Школа — о! Да, понимаю, что ты имеешь в виду. У нас нет школ.

— Нет школ? Но… ладно, для людей, которые трудятся на земле и сами строят дома, это, может, и не обязательно. Не так ли? Но для ученых, ведь они не вечны? Что случается, когда они должны уступить место другим? А книги? Музыкальные сочинения? Все, для чего люди учатся читать и писать? Математика, справочники…

— Они нам не нужны. У нас есть церебростиль.

— Сиес говорил об этом. Не могу утверждать, что я хорошо понял его.

— То же могу сказать и я, — согласился Филос, — но могу заверить, что вся наша система

работает.

— И вы используете ее вместо учебы в школе?

— Нет. Впрочем, да.

Чарли лишь рассмеялся в ответ.

Филос тоже посмеялся и ответил:

— Я не так уж неправ. «Нет» относилось к твоему утверждению, что мы используем церебростиль для обучения. Мы не учим наших детей книжным премудростям, мы вносим эти знания с помощью церебростиля. Все происходит очень быстро — выбирается необходимая информация и включается нужный тумблер. Происходит поиск путей к неиспользуемым свободным клеткам мозга, и информация как бы впечатывается за считанные секунды — кажется, за полторы секунды. После этого блок готов для приема очередного обучаемого. Собственно же обучение, то есть обучение на основе полученных с помощью церебростиля знаний, может проводиться самим обучающимся, когда он обдумывает то, что усвоил, — это происходит значительно быстрее, чем, например, чтение — вспомни того лидомца, которого мы видели по дороге к Гросиду. Но даже и этот процесс трудно назвать обучением. Обучение — это искусство, которому можно выучиться у учителя, все, кто стараются, могут достичь

определенного успеха в обучении других; настоящий же учитель, учитель по призванию, — это талант, дар, подобный дару скульптора, музыканта, артиста. Обучение — это составная часть любви, — заключил Филос.

Чарли вспомнил о несчастной умиравшей мисс Моран и вспыхнул. Он подумал и о Лоре.

— Мы пользуемся церебростилем так же, как и А-полем, но не зависим от него. Поэтому церебростиль не является обязательным условием нашего существования. Мы учимся читать и писать, у нас много книг, любой лидомец может прочесть их, если пожелает, хотя, как правило, мы предпочитаем пропускать его через церебростиль в то время, как он читает, и создать при этом в его мозгу новый информационный блок.

— Эти блоки… могут они вместить всю книгу?

Филос приложил два больших пальца друг к другу:

— Вот сколько места требуется для этого… Но мы умеем изготовлять бумагу и книги, и могли бы заниматься этим. Ты должен понять нас: мы никогда, никогда не будем рабами комфорта и удобств.

— Это хорошо.

— Чарли размышлял о многих, многих вещах

в своей прежней жизни, которые как раз являли собой примеры такого рабства; например, об остановке целой отрасли, когда бастовали лифтеры в центральном офисе, о судьбах обитателей жилых зданий в моменты выключения электроэнергии: о жизни без горячей воды, холодильника, освещения, телевидения. Невозможно приготовить пищу, помыться, нельзя развлечься. Но…

— Может и так, но все же мне кое-что не нравится. Ведь если вы можете вносить в мозг информацию, то возможно выбрать такой блок, в котором заключено определенное мировоззрение и создавать марионеток.

— Нет, это невозможно! — с убеждением отверг подобную мысль Филос. Не говоря уже о том, что мы не хотим этого. Невозможно любить или завоевать любовь по принуждению или команде, путем обмана и лжи.

— В самом деле? — спросил Чарли.

— Участки мозга точно идентифицированы. Церебростиль — это устройство для передачи информации. Ложные представления можно трансплантировать только путем одновременного отключения всей остальной памяти и всех органов чувств. Я уверяю тебя, что все, вносимое церебростилем, подвергается сравнению с преж-

ним знанием и личным опытом. Мы не смогли бы внести в мозг ничего насильно, если бы даже хотели.

— А пытались ли вы скрывать какую-либо информацию?

Филос засмеялся:

— Ты упорно ищешь недостатки, не так ли?

— Все же, — настаивал Чарли, — вы скрывали информацию?

Филос уже не смеялся. Он спокойно ответил:

— Конечно. Мы не объясняем ребенку, как получить дымящуюся азотную кислоту. Мы не расскажем лидомцу, как погибал его товарищ во время обвала скалы.

— О!

Некоторое время лидомец и Чарли хранили молчание.

— Вы что, женитесь друг на друге?

— Разумеется. Быть влюбленным — это счастье. Но состоять в браке это счастье совершенно иного уровня. Это торжественное событие, и мы относимся к нему очень серьезно. Видел Гросида и Назива?

Чарли осенило:

— Они одеваются одинаково.

— Они все делают одинаково, а если не одина-

ково, то всегда вместе. Да, они женаты.

— А ты… а все здесь… э-э-э…

Филос похлопал Чарли по плечу:

— Знаю, что ты слишком погружен в проблемы секса, ну что же, спрашивай. Ты среди друзей.

— Я не погружен!

Они шли дальше: Чарли молчал, а Филос тихо напевал, поддерживая мелодию, доносившуюся из полей, где играли дети. Прислушиваясь, Чарли постепенно успокоился. В конце концов, все относительно. Просто на Лидоме меньшее внимание уделяют проблемам пола, чем на Земле.

Как будто мимоходом, Чарли спросил:

— Ну, а как насчет детей?

— Что насчет детей?

— Предположим, что э-э рождается ребенок, а родители не женаты?

— Большинство детей рождаются именно таким образом.

— И никакого различия нет?

— Для ребенка нет. Нет и для родителей, других это не касается.

— Тогда зачем жениться?

— Дело в том, Чарли, что брак — это больше, чем просто союз.

— В самом деле?

— Наивысшее выражение сексуального удовлетворения заключается во взаимном оргазме — так ты полагаешь?

— Да, — Чарли старался говорить бесстрастно.

— И произведение потомства — наивысшее выражение любви?

— Разумеется.

— Тогда, если лидомец и его партнер совместно зачинают, и каждый из них рожает близнецов, то не кажется ли тебе, что это превосходно?

— П-превосходно, — слабым голосом отвечал озадаченный Чарли. Придя в себя, он спросил:

— А что ты скажешь о прочем сексе?

— Прочем? — Филос наморщил лоб и, очевидно, мысленно перелистал всю картотеку своих знаний о сексе. — О, ты, наверное, имеешь в виду обычный секс?

— Наверное, именно это.

— Ну что ж, это имеет место, вот и все. У нас может происходить все, что является выражением любви: секс, оказание помощи в постройке дома или пение. Глядя на лицо Чарли, Филос продолжал развивать свои мысли:

— Думаю, что понимаю твой вопрос. Ты ведь прибыл к нам из места, где определенные действия и выражения чувств осуждались обще-

ством, может, даже наказывались. Правда?

— Пожалуй.

— Тогда тебе нужно знать следующее. У нас секс не связан с позором. Он никоим образом не регулируется. Просто там, где есть взаимная привязанность, он существует, а где ее нет, — его не бывает.

— Ну, а молодые?

— А что молодые?

— Ну, дети… знаешь, они пробуют заниматься сексом?

В ответ Филос лишь рассмеялся.

— Вопрос стоит так: в каком возрасте они могут начинать? Ответ: когда они достаточно взрослые для этого. Что касается сексуальных экспериментов, то зачем экспериментировать с тем, что почти так же привычно, как поцелуй на улице при встрече?

Чарли крепко сжал губы. Пусть так, но все же это не входило ни в какие привычные для него рамки. Почти жалобно, он, наконец, выдавил из себя:

— А как же с нежеланными детьми?

Филос остановился как вкопанный и повернулся к Чарли — по его лицу прошла целая гамма выражений: шок, изумление, неверие. (Ты шу-

тишь? Ты действительно так думаешь?). Затем Филос стал извиняться:

— Прости, Чарли. Не думал, что ты можешь поразить меня, но ты этого добился. Я был уверен, что после многих лет исследований уже достаточно закален. Никак не ожидал, что буду стоять здесь, в центре Лидома, и раздумывать над понятием «нежеланные дети».

— Извини, Филос. Я никого не хотел шокировать.

— Извини меня. Извини за мое удивление и за то, что дал тебе это увидеть.

Тут они подошли к саду и услышали, как их окликает Гросид. Филос спросил:

— Хочешь пить?

Они направились к белому домику. Было бы, наверное, неплохо некоторое время отдохнуть друг от друга. Чарли захотелось еще раз посмотреть на терракотовую статую.

Герб стоит в залитой лунным светом комнате, глядя на спящую дочь. Он поднялся с кровати и пришел сюда, потому что, как уже не раз бывало, здесь он отрешался от своих забот, неприятностей и находил успокоение. Согласитесь, трудно сохранять в душе беспокойство и озлобление, когда вы, затаив дыхание, наклоняетесь, чтобы при

лунном свете рассмотреть, спит ли ваш ребенок.

Его беспокойство началось три дня назад, когда сосед Смит, будучи в расстроенных чувствах, бросил это замечание через общий забор их участков земли. В первый момент Герб воспринял его как замечание дурного толка: он говорил о политике, а Смит свел все к совершенно иному. Позднее же, Герб обнаружил, что замечание не забылось. Видимо, Смитти носил в себе какую-то горечь и умудрился посеять ее и в душе Герба.

И горечь осталась, ее теперь нельзя вытравить.

Люди рождаются из самого грязного женского органа.

Герб понимает, что замечание Смита вызвано его проблемами, его собственным опытом, и он, Герб, не имеет к этому никакого отношения. Его же, Герба, беспокоит более глобальный вопрос: что же такое произошло с человечеством за всю историю его существования, что пусть даже один из его представителей начинает говорить такие грязные вещи? А может, это нечто большее, чем просто непристойная шутка? Может, это правда или почти правда? Может, именно это имеется в виду под первородным грехом? Мужчины испытывают отвращение к женщинам, и поэтому

многие из них относятся к женщинам с презрением. Может, именно поэтому Дон Жуан и Лотарио, несмотря на свою жажду обладания женщинами, стремятся наказать как можно больше женщин? А что если мужчина подобен нормальному ребенку по Фреду, который уже прожил фазу ориентации на мать и вступил в фазу, когда он начинает ненавидеть свою мать? Когда мужчины начали презирать женственность, когда они объявили менструации нечистыми? До сих пор в некоторых святилищах практикуется ритуал, известный под названием «очищение женщин» — древняя церемония очищения после родов.

Герб, конечно, не может согласиться с этим. Он любит свою Жанетт потому, что она — женщина. Он просто любит ее и все.

Карин счастливо вздыхает во сне. Гнев, ужас и ярость его мыслей исчезают, Герб улыбается над своим ребенком, его душа стремится к нему.

Никто, думает он, никто никогда не писал об отцовской любви. Считается, что материнская любовь — волшебное выражение божьего промысла, а может, это продукт деятельности каких-нибудь желез? Кто как считает. Но отцовская любовь… очень интересная штука эта отцовская любовь. Тихий и законопослушный мужчина

впадает в необузданную ярость, когда кто-то «обижает его ребенка». Герб знает по собственному опыту, что с течением времени отцовская любовь начинает распространяться и на других детей: вы понемногу начинаете испытывать добрые чувства по отношению ко всем малышам. Откуда это идет? Ребенок никогда не лежал в его утробе, не питался его соками. Материнская любовь ясна, понятна; ребенок — это продолжение плоти и крови матери. Но отец? Ведь он почти никогда даже не помнит спазматическую дрожь, длящуюся две-три секунды, с которой все и начинается?

Почему же никому не пришло в голову заявить, что человечество потому заполонили сукины сыны, что они вышли из самого грязного органа мужчины? Никому и никогда?

Потому что мужчина считается выше женщины. Мужчина испытывает настоятельную потребность чувствовать свое превосходство. Это не характерно лишь для весьма ограниченного меньшинства, которое на самом деле превосходит всех остальных, но, конечно же, тревожит властвующее большинство, которое таким превосходством не обладает. Если вы не можете добиться успеха в жизни, то единственный способ доказать свое превосходство — унизить другого

человека. Именно эта неистовая потребность человечества с незапамятных времен заставляла становиться на горло побежденного врага, порабощать другие нации, расы. И это же самое мужчины всегда делали в отношении женщин.

Действительно ли они сочли их низшими или же все случилось наоборот: мужчины отвели женщинам низшее место по тем же причинам, вследствие которых они пытались доминировать над соседом?

Что причина и что следствие?

А может, это просто стремление к самозащите? Разве женщины не стали бы руководить мужчинами, если бы получили такую возможность? Не пытаются ли они проделать это прямо сейчас? Разве они уже не добились этого здесь, на Бегония Драйв?

Герб смотрит на освещенную лунным светом ручку Карин. Впервые он увидел ее через час после рождения и уже тогда поразился совершенством ногтей и очертаний; все было такое маленькое! Такое маленькое и такое совершенное! Станешь ли ты, Карин, своей маленькой ручкой натягивать поводья и дергать за веревочки? Пришла ли ты, Карин, в мир, который в глубине души презирает тебя?

Чувство отцовской любви поглощает его, он стоит неподвижно и в этот момент чувствует, что подобен воину, охраняющему своего ребенка от отвратительных сукиных сынов.

— Назив…

Сияющий от удовольствия лидомец стоял рядом с Чарли перед терракотовой группой.

— Что, Чарли?

— Можно тебя спросить?

— Что хочешь?

— Только по секрету, Назив. Может, это нехорошо?

— Не думаю.

— Если я выйду за рамки дозволенного, ты не обидишься? Ведь я здесь чужой.

— Спрашивай.

— Это о Филосе.

— О!

— Почему все здесь так нехорошо к нему относятся? Ладно, — изменил вопрос Чарли, — это сильно сказано. Просто его вроде бы… не одобряют. Не именно его, а что-то с ним связанное.

— О, — повторил Назив, — это пустяки.

— Ты не хочешь мне ответить.

Воцарилось неловкое молчание. Затем Чарли продолжил.

— Было сказано, что я должен узнать все о Лидоме. Считаешь ли ты, что я смогу составить свое мнение, если буду знать о Лидоме что-то не совсем хорошее? Или же я должен судить о вас только, — тут он кивнул на статую, по лучшему у вас?

Чарли увидел, что и лидомец, как раньше Филос, полностью обезоружен. Очевидно, правда имела огромное воздействие на них.

— Ты совершенно прав, Чарли Джонс, и мои колебания неуместны. Но при всем уважении к Филосу — я должен в свою очередь взять с тебя слово. Ведь это относится к Филосу, а не к тебе или мне.

— Я не скажу ему, что знаю.

— Очень хорошо. Филос немного не такой, как мы. Прежде всего, он скрытен, что в общем-то полезно. Его допускают ко многим вещам, которых нам лучше не знать. Но… создается впечатление, что ему это нравится, в то время как обычный лидомец скорее тяготился бы этим, хотя и считал такое доверие почетным.

— Мне кажется, что эта причина недостаточна…

— О, он не создает никаких неудобств! Во-вторых, возможно это и связано между собой: он не

женится.

— Разве нужно обязательно жениться?

— Нет, конечно.

Назив провел языком по высохшим губам и нахмурился.

— Но Филос ведет себя так, как будто он все еще в браке.

— Все еще в браке?

— Он был в браке с Фруром. У них должны были быть дети. Однажды они отправились к краю земли — (Чарли понял, что имелось в виду) — и произошло несчастье. Оползень. Они оба оказались погребенными заживо. Фрур погиб, а Филос потерял вынашиваемых детей.

Тут Чарли вспомнил, как Филос употребил выражение «кричать в могиле».

— Филос горевал… мы все понимаем. Мы любим все, любим по-разному, нам понятна его скорбь. Но для нас любовь — потребность, мы должны любить живых, а не мертвых. Мы чувствуем себя… неудобно в его присутствии, зная, что он отстраняется от любви, сохраняет верность тому, кого нет… Это… патология.

— Может, у него это пройдет.

— Несчастье произошло много лет назад, — отвечал Назив, качая головой.

— Если это болезнь, то ее ведь можно излечить?

— С его согласия — да. Но поскольку его синдром причиняет окружающим лишь слабый дискомфорт, то он может продолжать жить так, как хочет.

— Теперь мне понятна шутка Милвиса.

— Что это было?

— Он сказал: «У нас только один такой! Но он сказал это с насмешкой.

— Нехорошо со стороны Милвиса, — строго заметил Назив.

— Пусть это останется между нами.

— Конечно… Ну что, теперь ты знаешь нас лучше?

— Еще нет, — признался Чарли, — но буду знать лучше.

Они обменялись улыбками и присоединились к остальным в доме. Филос был увлечен длительным разговором с Гросидом, и Чарли готов был поспорить, что говорят о нем. Гросид и не скрывал это, сказав: Филос говорит, что ты, Чарли, уже готов вынести нам приговор.

— Не совсем так, — запротестовал Филос. — Просто я уже рассказал Чарли почти все, что мог. Сколько времени тебе потребуется для вынесе-

ния суждения — это уж твое дело.

— Надеюсь, что много, — заключил Гросид. Мы рады видеть тебя с нами. Ты нравишься Називу.

Такое замечание могло бы прозвучать двусмысленно. Чарли посмотрел на Назива, кивавшего в подтверждение слов Гросида.

— Спасибо, ответил Чарли, — мне тоже хорошо здесь.

— Смит — свинья.

Погруженный в свои мысли, Герб вздрагивает от неожиданности. Жанетт вернулась через заднюю дверь после разговора с Тилли. Он не делился ни с с Жанетт, ни с кем другим своими недавними мыслями о Смите, хотя ему и хотелось облегчить душу. Он уже проанализировал все возможные причины своего беспокойства: одна из девчонок повесилась после собрания «Лиги за Женские Права», произошел скандал на книжной выставке, введены новые порядки в школах. Как отцу пятилетней дочери ему еще рано волноваться. Но он все же боится. Пусть Смит — свинья, его совет неплох: новый клиент это всегда серьезно. Все остальное — вздор.

Он не получает удовольствия от своих размышлений, слишком все серьезно, да еще и не уложилось в голове. Удивительно, как совпали

его мысли с замечанием Жанетт. Теперь Герб даже не уверен: может, и он считает, что Смит — свинья. Свинья среди людей — это свинья, говорит он себе, а свинья среди свиней — это человек.

— Что он натворил?

— Ты пойди посмотри. Он тебе покажет. Тилли с ума сходит.

— О чем ты все-таки, дорогая.

— Извини, дорогой. Это объявление, вроде как плакат, он повесил его в комнате для игр.

— Напоминание сдать на анализ мочу?

— Еще хуже. Сам увидишь.

— Что дальше, Филос?

— Нужно непредвзято посмотреть на себя, — ответил Филос и сгладил улыбкой суровость своего ответа. — Я имею в виду соблюдение объективности. Ты не можешь оценивать Лидом без связи его с другими цивилизациями.

— Думаю, что уже могу. Во-первых…

Филос прервал Чарли:

— Можешь? — Тон его был таков, что Чарли тут же умолк.

Последнюю милю между Детским и Научным блоками они прошли молча. Несколько обиженный, Чарли начал:

— Я достаточно знаю своих людей и думаю, что…

Филос с сардонической усмешкой на губах вновь прервал его:

— Полагаешь, что знаешь?

— Если ты думаешь иначе, — обиделся Чарли, — что ж, выкладывай!

— А что потом?

— Поправишь меня.

— Ладно, — Филос не обиделся, — мы сделаем это с помощью церебростиля. Это будет быстрее, легче, подробнее и, — тут он улыбнулся, без споров и перерывов процесса познания.

— Я не буду спорить и прерывать.

— Будешь, ты так устроен. Фактически, в истории человечества не было другого такого предмета, который настолько не поддавался бы объективному изучению, как секс. Написаны бессчетные тома об истории и исторической мотивации, но нигде секс даже не упоминается. Целые поколения, десятки поколений студентов корпели над ними и считали их истиной, эти же «истины» вдалбливали в головы последующим поколениям даже когда уже была ясна важность сексуальной мотивации индивидуума и когда каждый индивидуум интерпретировал свое ми-

роощущение с сексом, наполняя мысли и язык сексуальной символикой. Для многих людей история осталась сборником анекдотов о каких-то чудаках, которые действовали и осуществляли свои желания в странном отрыве от сексуального поведения своей эпохи, поведения, являвшегося одновременно и результатом и причиной их действий. Это поведение создало и историю и этих слепых историков… полагаю, что и сама слепота также была обусловлена им. Однако, мне следует говорить об этом после того, как ты пройдешь курс, и не ранее.

— Думаю, — сухо отвечал Чарли, — лучше перейти к делу.

Они обошли вокруг Научного блока и вошли в метро, чтобы попасть в Медицинский блок. Филос вел Чарли по уже знакомым горизонтальным галереям и они вновь взлетали ввысь на невидимых лифтах. Проходя через большой зал, напомнивший Чарли зал ожидания на вокзале, они увидели лидомцев, певших свои мелодии. Чарли был особенно поражен видом двух одинаково одетых лидомцев, каждый из которых держал на коленях спящего ребенка и пел, для извлечения звука мягко ударяя другого пониже горла.

— Чего они все ожидают?

— Я кажется уже говорил тебе — все должны приходить сюда один раз в двадцать восемь дней для проверки.

— Зачем?

— А почему нет? Лидом — небольшой, нас пока что меньше восьмисот человек, и никто не живет далее двух часов хода пешком. У нас есть все необходимое оборудование — почему же не проходить обследование?

— Насколько тщательно оно проводится?

— Очень тщательно.

На самом верху здания Филос остановился перед щелью в двери.

— Открой ладонью, — сказал он.

Чарли приложил к щели ладонь, и ничего не произошло.

Тогда Филос приложил свою ладонь, и дверь открылась.

— Мое личное убежище, — объяснил он. — Нечто вроде замка, единственного на всем Лидоме.

— Зачем запираться?

Чарли уже отметил отсутствие всяких запоров, особенно в Детском блоке.

Филос пригласил Чарли внутрь, и дверь за

ними закрылась. — У нас на Лидоме очень мало табу, — пояснил Филос, — но одно из них связано с запретом на свободное хранение инфекционных материалов.

Чарли уже понял, что он шутит; при этом какая-то доля правды в этом была.

— На самом деле, — продолжал объяснять Филос, — очень малое число лидомцев станут возиться со всем этим. Филос небрежным движением указал на ряды книжных шкафов от стен до потолка и стеллаж с небольшими рядами прозрачных кубиков. — Сейчас мы значительно больше интересуемся будущим, все это больше никому не нужно. И все же… ведь сказано: «человек, познай себя»… Многие станут несчастными, если слишком хорошо будут знать себя.

Филос приблизился к стеллажу, посмотрел в картотеку и выбрал один из кубиков. На нем были нанесены красным цифры. Филос сверил их с картотекой, подошел к стоявшей у стены кушетке и извлек из открывшейся в стене нише какое-то устройство. Это был шлем в виду чаши со штативом. — Церебростиль, — с этими словами Филос показал Чарли внутреннюю часть шлема. Там ничего не было кроме, примерно, дюжины резиновых нашлепок, охватывавших голову со

всех сторон.

— Тут нет ни электродов, ни щупов, и это совсем не больно.

Взяв кубик, Филос открыл небольшую камеру в верхней части шлема и, вставив внутрь кубик, закрыл крышку на защелку. Затем он лег на кушетку, одел шлем и плотно прижал его к голове. Шлем несколько наклонился вперед, потом назад и принял нужное положение.

Филос спокойно лежал и улыбался Чарли.

— Теперь извини меня на пару минут.

Он закрыл глаза, поднял руку и дотронулся до выступающего на гребне шлема кнопки. Кнопка осталась в нажатом положении, а рука Филоса безвольно упала.

Воцарилась глубокая тишина.

Кнопка щелкнула и выдвинулась, Филос открыл глаза. Сняв шлем, он сел. Никаких признаков усталости или перенесенных усилий заметно не было.

— Совсем недолго, правда?

— Что ты делал?

Филос указал на небольшую камеру, куда он опустил кубик. — Это небольшая работа, которую я подготовил по определенным аспектам хомо сапиенс. Ее нужно было слегка… отредактировать.

Ты говорил, что некоторые вещи ты предпочитаешь не знать, кроме того я хотел передать эти знания тебе в виде скорее письма, чем в виде сухого изложения учебника.

— Ты хочешь сказать, что можешь вот так сходу изменять записи?

— Для этого требуется некоторая практика и большая концентрация, но в принципе — да, могу.

Ну, давай начнем.

Чарли глядел на шлем и все еще колебался. Филос рассмеялся. — Давай, одевай. Больно не будет, и ты окажешься значительно ближе к дому.

Чарли собрался с духом и улегся. Филос одел на него шлем и приладил его на голове. Чарли почувствовал, как мягкие нашлепки, как пальцы, ощупывают голову. Что-то щелкнуло. Шлем чуть изменил свое положение и застыл. Филос взял руку Чарли и поднес ее к кнопке. — Нажимай сам, когда будешь готов. Пока не нажмешь, ничего не будет происходить.

Филос отступил назад.

— Расслабься.

Лежа, Чарли посмотрел на него. Ни злости, ни хитрости нельзя было прочесть в странных темных глазах — только мягкое одобрение.

Он нажал кнопку.

Герб пересекает задний двор, ломая голову, как бы удобнее навести Смитти на разговор о плакате — ведь именно он взбесил Жанетт — и в это же время не дать ему понять, что Жанетт рассердилась.

Смитти возится над грядкой с маргаритками. При виде Герба он выпрямляется, отряхивает колени и сразу же разрешает проблему Герба.

— Привет. Заходи, хочу тебе что-то показать. Думаю, до тебя уже дошло.

Герб перелазит через низкий парапет и следует за Смитти в дом. У того отличная комната для отдыха. Нагревательный котел выглядит как музыкальный центр, а музыкальный центр похож на радиатор. Стиральная машина с сушкой смахивает на телевизор, телевизор — на кофейный столик, бар совсем как бар, и все отделано настоящей сучковатой сосной.

Центральное место над баром занимает плакат, в красивой рамке и под стеклом. Он исполнен крупными буквами готическим шрифтом, поэтому читать его приходится медленно, и от этого еще смешнее. Плакат — это цитата, источник которой указан мелкими буквами внизу: «из сочинений Средневекового Философа».

Хорошая женщина (по наблюдениям древнего философа) подобна угрю в мешке с 500 змеями, и если мужчине посчастливится найти этого угря среди всех змей, то он будет в лучшем случае держать мокрого угря за хвост.

Герб уже готов внутренне присоединиться к Жанетт в ее негодовании, но содержание плаката для него полная неожиданность, и он вместо этого покатывается со смеха, а Смитти лишь подхихикивает. Потом Герб спрашивает, как восприняла плакат Тилли.

— Женщины, — важно отвечает Смит, — отсталый народ.

Филос правильно сказал: это похоже на письмо. Однако, чтение его оказалось совершенно новым опытом для Чарли. Он нажал кнопку, раздался мягкий щелчок — сколько затем времени прошло сказать невозможно, так как внутренние часы человека, подсказывающие ему, как долго звенит звонок пять секунд, пять минут или пять часов — были сразу же остановлены. Слишком долго эта процедура занять не могла, сознания он не терял. Когда кнопка щелкнула во второй раз, он увидел стоящего над ним и улыбающегося Филоса. Чувствовал он себя так, как человек, прочитавший и отложивший в сторону длинное

и интересное письмо от друга.

Вздрогнув, он сказал по-английски:

— Ну, слава Богу!

«Чарли Джонс (так начиналось «письмо»), ты не можешь быть объективным в этой дискуссии. Но постарайся. Пожалуйста, постарайся.

Ты не можешь быть объективным, потому что был воспитан, погружен, обучен, принужден, наконец, относиться к этой проблеме именно так с тех пор, как начал носить синие пинетки. Ты пришел к нам из времени и из места, где мужское начало у мужчин и женское начало у женщин, а также вся важность различия между ними считались почти главным фактором.

Поэтому начну с того, что ты можешь считать главной гипотезой. Фактически, это — истина, и если в заключение она пройдет испытание тобой, то и ты согласишься, что это есть истина. В противном случае, нельзя будет считать это твоей виной — в этом виновата твоя ориентация.

Между мужчиной и женщиной больше сходств, чем различий.

Прочти внимательно учебник анатомии. Легкое есть легкое и почка есть почка и у мужчин, и у женщин. Статистически, скелет женщины легче, голова меньше и так далее. Однако, нельзя

исключить, что такое положение сложилось в результате многих лет эволюции. Если отбросить в сторону подобные предположения, то можно заметить, что многие женщины выше, сильнее, имеют более широкую кость, чем большинство мужчин, в то же время многие мужчины меньше, легче, слабее, чем большинство женщин. У многих мужчин отверстие таза больше по размерам, чем у многих женщин.

Что касается вторичных сексуальных характеристик, то мы можем отметить существенные различия только при статистическом подходе; многие женщины имеют на теле больший волосяной покров, чем многие мужчины; у многих мужчин голос более высокий, чем у многих женщин… Я вновь прошу тебя быть объективным: отбрось на время твою убежденность, что статистическое большинство — это норма, и изучи отдельные случаи во всем их многообразии, существующие за пределами этой фикции — нормы. Продолжим:

Даже в самих половых органах имеются различия в развитии — имеется в виду патология — бесчисленные случаи, например, недоразвития члена, увеличенного клитора, отделенных половых губ… Все это можно объективно рассмат-

ривать как небольшие отклонения от нормы, способные создавать в исходном мужском или исходном женском теле фактически идентичные мочеполовые органы. Я не намерен утверждать, что такое положение является или должно считаться нормальным — по крайней мере не ранее четвертого месяца развития плода, хотя до этого срока оно не только нормально, но и универсально — я хочу лишь указать тебе, что повторяемость таких случаев лежит в пределах допустимого для природы, начиная с доисторических времен.

Эндокринология дает нам ряд интересных фактов. И в мужском и в женском организме могут вырабатываться мужские и женские гормоны, и фактическое доминирование одних над другими обеспечивается весьма небольшими количествами. Если нарушить этот деликатный баланс, то происходят кардинальные изменения. За несколько месяцев у женщин вырастают борода и исчезает грудь, а у мужчин грудь наоборот появляется и даже может начать давать лактацию.

Эти важные и граничные случаи я привел только в целях иллюстрации своих мыслей. Существовало много женщин-атлетов, которые по силе, скорости и искусству превосходили большинство мужчин, но которые, тем не менее,

являлись «настоящими» женщинами, и много мужчин, которые занимались такой традиционно женской специальностью как моделирование одежды и достигли в этом деле значительно больших успехов. И такие мужчины тоже были «настоящими» мужчинами. Все это я говорю к тому, что когда мы начинаем углубляться в «культурные» различия между полами, то очевидной становится различие в половом признаке. Что говорят по этому случаю ученые:

У женщин длинные волосы. Но они же наблюдаются и у индейцев сиу, которых некоторые считают самыми воинственным народом из когда-либо существовавших. Кавалеры XVIII века носили парчовые камзолы и кружева на воротниках и рукавах. Женщины носят юбки. Но их же носит и шотландец, и греческий пехотинец, китаец, полинезиец, и ни о ком из них нельзя сказать, что они феминизированы.

Объективный взгляд на историю человечества выявляет бесчисленное множество таких примеров. В различных областях периодически наблюдаются сферы, в которых мужское и женское перемешивается, разделяется, группируется и разделяется подобно колебаниям солености в устьях впадающих в море рек… До первой миро-

вой войны сигареты и наручные часы считались чисто женскими атрибутами; через двадцать лет они же полностью перешли к мужчинам. Европейцы, в частности жители Центральной Европы, были крайне поражены, узнав, что американские фермеры доят коров и кормят цыплят, потому что они привыкли, что эти работы выполняют только женщины.

Таким образом, явно видно, что символы пола сами по себе ничто, поскольку в разное время и в разных местах они могут принадлежать обоим полам, противоположному полу или не принадлежать ни тем, ни другим. Другими словами, юбка не представляет собой атрибута, который делает женщину женщиной. Необходимо, что к юбке добавлялась определенная социальная роль.

Вместе с тем, в истории человечества, фактически, в каждой цивилизации существовали определенно «женские» области и «мужские» области, различия между которыми в большинстве случаев служили основаниями для фантастических, иногда болезненно экстремальных явлений.

Почему?

Прежде всего, легко заметить и легко отбро-

сить теорию о том, что в примитивном обществе первобытных охотников и рыболовов более слабый, медленнее передвигающийся пол, иногда носящий ребенка или вынужденный делать остановки для ухода за детьми, не очень хорошо приспособлен для охоты и борьбы по сравнению с быстрыми, ничем не обремененными, мускулистыми мужчинами. Однако, можно предположить, что первобытная женщина была не намного меньше, медленнее и слабее, чем ее партнер. Возможно, теория путает причину и следствие, возможно, отсутствие влияния других факторов могло бы привести к появлению женщин, ничем не уступавшим в смысле охоты мужчинам, а более слабые, медленно передвигавшиеся мужчины стали бы вести хозяйство вместе с беременными и кормящими женщинами. Эти процессы имели место, хотя и в меньшинстве случаев.

Различие существовало — это несомненно. И оно не было статическим. Различие продолжало существовать и после того, как отпала необходимость в охоте. Само человечество поддерживало такое различие, сделало его своим кредо. И вновь возникает вопрос:

Почему?

Представляется, что существует могущественная сила, поддерживающая и углубляющая это противоречие.

Все это происходит потому, что человечество имеет глубокую и настоятельную потребность чувствовать свое превосходство. В любой группе всегда есть кто-то, занимающий более высокое положение… легко однако увидеть, что в любой группе, культуре, клубе, нации, профессии только немногие занимают такое положение по праву; массы не могут занимать его.

Но именно воля массы диктует основной ход истории, хотя отдельные изменения могут вносить индивидуумы или меньшинства, за что они впоследствии, как правило, и несут наказание. Если какая-то ячейка массы захочет доказать свое превосходство, она найдет пути, чтобы этого добиться. Это ужасное стремление нашло свое весьма разнообразное выражение: через историю — создав рабство и геноцид, ксенофобию и снобизм, расовые предрассудки и сексуальные различия. Возьмем человека, который не обладает превосходством в кругу своих друзей: он не может доказать превосходство, не имеет оснований, чтобы его добиться. Что с ним происходит? Он несомненно будет искать кого-то слабее него

и подчинит его себе. Самым вероятным, логическим и удобным объектом для этого будет принадлежащая ему женщина.

Это невозможно сделать по отношению к тому, кого любишь.

Если любишь, невозможно оскорбить самую близкую тебе, столь мало отличающуюся вторую половину тебя самого, невозможно так отнестись к своему другу. Без стремления к превосходству немыслимы войны, преследования, ложь, обман, убийство, кража. Очевидно, именно необходимость чувствовать свое превосходство является источником таких стремлений, именно войнами и убийствами достигаются высокое положение. С другой стороны, можно предположить, что в противном случае человек обращает свою энергию на подчинение себе окружающей среды, познание своей собственной натуры, и при этом он достигает значительно больших высот, познавая жизнь, а не истребляя ее.

Странно при этом, что человек всегда стремился к любви. Стали идиоматическими такие выражения как «любить музыку», определенные цвета, математику, конкретные блюда. Существовали и люди, которые больше всего на свете любили все, связанное с сексом. «Люблю тебя всего сильней,

но честь люблю я больше», «Господь так любил людей, что отдал своего сына за них». Сексуальная любовь — это, конечно, любовь. Точнее можно сказать, что это проявление любви. Точно так же можно утверждать, что справедливость — это любовь, жалость — это любовь, терпимость, прощение — в общем, все чувства, которые не направлены на максимизацию своего эго.

С самого своего начала христианство было религией любви, как это видно даже из поверхностного знакомства с Новым Заветом. Неизвестным до последнего времени был тот факт — так тщательно уничтожались все сведения о первых христианах — что это была харизматическая, то есть религия, в которой конгрегация участвовала в надежде получить истинно религиозный опыт, позднее получивший название теолепсии или боговдохновения. Многие первые христиане действительно довольно часто достигали этого состояния; еще большее число достигали его лишь изредка, и все же они вновь и вновь пытались войти в него. Однажды испытав такое состояние, они полностью изменялись, получая внутреннее вознаграждение; именно этот опыт и его последствия дали им возможность переносить самые тяжелые лишения и пытки, и

умирать с радостью и без страха.

Сохранились несколько беспристрастных описаний их служб — лучше назвать их собраниями — и все они сходятся в том, что люди тайно оставляли свою работу в полях, лавках, даже дворцах, чтобы собраться в каком-нибудь укромном месте — пещере или в катакомбах — где бы им не могли помешать. Существенно, что в этих собраниях принимали участие как богатые, так и бедняки, как мужчины, так и женщины. После совместной трапезы — фактически это была трапеза как проявление любви — и создания соответствующего настроения, скорее всего посредством песнопений и танцев, на кого-нибудь снисходил, как они его называли Святой Дух. Возможно он или она — это могли быть как мужчина, так и женщина — пророчествовали и восхваляли Бога, возможно имело место проявление божественного вдохновения, проявляющееся в «говорении разными голосами», но все эти проявления, каким бы искренними они не были, не носили чрезмерный или нездоровый характер; в этих действиях могли участвовать все по очереди. Прощаясь, они запечатлевали друг на друге мирный поцелуй и украдкой возвращались в свои жилища до следующего собрания.

Ни в коем случае нельзя считать, что первые христиане изобрели харизматическую религию, она существовала до них и не умерла вместе с ними. Она восходит к глубинам истории, где она существовала в разнообразных формах. Зачастую она принимала оргиастический характер, форму дионисий, поклонение Матери всех богов Кибеле, что получило широкое распространение в Древнем Риме, Греции и на Востоке за тысячи лет до рождения Христа. Можно упомянуть и о культах чистоты, например, культ очищения в Средние века, адамитах, Братьях Свободного Духа, Вальденситах (стремившихся внедрить свой вариант апостолического христианства в католицизм), и многих многих других. У всех них было одно общее субъективный, всеобщий, экстатический опыт, почти повсеместное равенство женщин и любовь к религии.

Все без исключения они жестоко преследовались.

Представляется, что у человечества существует стремление управлять, с точки зрения которого любовь надо подвергать анафеме и всяческими способами искоренять.

Почему?

Объективное исследование основной мо-

тивации (Я знаю, Чарли, ты не можешь быть объективным! Тебе придется жить с этим.) вскрывает простую и ужасающую причину.

В подсознание ведут два прямых канала. Один из них секс, а второй религия; в до-христианский период эти каналы обычно совмещались. Иудейско-христианская религия положила этому конец по вполне очевидной причине. Харизматическая религия исключает наличие промежуточного звена между верующим и объектом его поклонения. Погруженный в экстатическое молитвенное состояние верующий говорит разными голосами, его тело сотрясается в ритуальном танце — его не интересуют какие-либо доктрины, он не просит заступничества у кого-либо. Поведение его в промежутках между молитвами просто — он сделает все для того, чтобы повторить свое бдение. Если он будет поступать правильно, то есть так, чтобы удовлетворить свои желания, то он вновь будет молиться; если он не сможет войти в такое же молитвенное состояние, то это само по себе и будет наказанием.

Он безгрешен.

Единственным приемлемым способом использования огромной силы внутренней религиозности — потребности в поклонении — для

обеспечения власти над людьми является внедрение механизма вины между верующим и объектом поклонения. Достичь этого можно только, если организовать и систематизировать процесс поклонения. Очевидным путем достижения этой цели является контроль за другим мощным жизненным стимулом — сексом.

Хомо сапиенс уникален среди существующих и существовавших видов живых существ потому что у него имеется система подавления сексуальности.

Существуют три подхода к сексуальности. Ее можно поощрять, подавлять или сублимировать. Последний путь в историческом аспекте является идеальным, и часто приводит к успеху, но он всегда нестабилен. Простое, ежедневное поощрение, подобно действовавшему в Греции в период Золотого Века, когда существовало три категории женщин: жены, гетеры и проститутки, в совокупности с идеализированной гомосексуальностью может считаться варварством и быть аморальным с разных точек зрения, но зато в результате дает поразительное здравомыслие. С другой стороны, внимательное изучение Средневековья буквально ставит исследователя в тупик: его вниманию открывается как бы окно

в огромный сумасшедший дом, охватывающий весь мир на протяжении тысячелетия. Вот это и есть результат подавления сексуальности. Здесь и мания бичевания, когда тысячи людей истязали себя и друг друга, двигаясь из города в город в поисках наказания за прегрешения. Вспомним о таинственном Суса четырнадцатого столетия, изготовившем для себя нижнюю одежду для чресел со ста пятьюдесятью остро заточенными медными гвоздями. Чтобы не забыться во сне, он крепко связывал себе запястья и притягивал их к шее, чтобы воспрепятствовать избавлению от вшей и блох, он одевал на руки кожаные перчатки, утыканные острыми гвоздями, раздиравшими его плоть, если он прикасался к ней. Когда его раны заживали, он нарочно вскрывал их. Он лежал на спине на старой деревянной двери, утыканной гвоздями так, что они образовывали крест, сорок лет он не мылся. Здесь и святые, которые вылизывали язвы прокаженных, здесь и Инквизиция.

И все это творилось во имя любви.

Как могло произойти такое изменение? Изучение одной из последовательностей событий дает ключ к разгадке. Возьмем искоренение вечери, «пира любви», универсальную и необходимую принадлежность примитивного христианства.

Эта история развернута в ряде эдиктов, изданных по различным поводам. Важно отметить, что искоренение такого существенного ритуала поклонения потребовало от трехсот до четырехсот лет и было выполнено постепенно с большим искусством и эффективно.

Прежде всего, в вечерю была внедрена евхаристия — символический ритуал вкушения тела и крови Христа. Затем мы видим, как организуется сама процедура вечери — теперь уже есть епископ, без которого вечеря не может состояться, так как он должен благословить пищу. Несколько позднее епископ уже традиционно стоит во время вкушения пищи, что, конечно же, отделяет его от остальных, ставя выше их. Затем меняется поцелуй, символизирующий мир; вместо целования друг друга все участки вечери целуют исполняющего обязанности священника, позднее они целуют уже деревянный крест, который передается по кругу и возвращается священнику. В конце концов, поцелуй вообще исчезает из обряда. В 363 году консул Лаодикии уже может объявить евхаристию главным обрядом, запретив проведение вечери в церкви и, таким образом, разделив их. На протяжении многих лет вечеря в пределах церкви не допускалась, но в

692 году (консул Труллан) оказалось возможным вообще запретить ее под страхом отлучения.

Эпоха Возрождения избавила общество от многих форм безумия, но не от самого безумия. Светские и церковные власти все еще контролировали все основные вопросы, связанные с сексом, например, мораль и брак (хотя церковь установила фактический контроль над браком достаточно поздно; в Англии во времена Шекспира браки заключались в виде частного контракта, а Церковь освящала союз). Все еще грех был повсеместен, все еще он являлся фильтром между человеком и его Богом. Любовь все еще уравнивалась со страстью, а страсть представлялась грехом, то есть считалось, что мужу грешно страстно любить свою жену. Наслаждение — крайняя степень экстаза в хмурые дни протестантизма считалось грехом. Римский папа вообще утверждал, что любые и все сексуальные утехи грешны. И несмотря на то, что вулкан человеческих страстей находил себе выход в создании мостов, домов, фабрик и бомб, все же имели место бесчисленные случаи неврозов. Даже когда ряд государств официально отделились от церкви, методы подавления сексуальности сохранились: та же приверженность доктрине, та же оценка

жизни с позиций вины. Таким образом, секс и религия — фактическая суть человеческого существования — перестали иметь сами по себе значимость и стали средством; непримиримая враждебность между ними служит доказательством единств их цели — полная подчиненность во славу всеподавляющего стремления к властованию над человеческим сознанием.»

Герб Рейл идет прощаться перед сном с детьми. Он становится на колени у кроватки Карин. Дейв за ним наблюдает. Герб качает Карин на руках и щекочет ей животик, пока она не начинает пищать, целует ее в шейку и притворно кусает за мочку уха. Дейв следит за ним своими большими глазами. Герб накрывает Карин с головой одеялом и быстро прячется, чтобы она, откинув одеяло, не могла его увидеть. Она ищет и находит его. Довольная, Карин смеется. Герб снова целует ее, расправляет одеяло и шепчет:

— Твой папа тебя любит. — Потом он говорит: — Спокойной ночи! — и поворачивается к Дейву, молча наблюдающему за ним.

Герб протягивает сыну правую руку. Дейв берет ее. Герб пожимает ему руку:

— Спокойной ночи, старик, — желает он и отпускает руку сына. Спокойной ночи, папа, —

отвечает Дейв, не глядя на Герба. Герб выключает свет и выходит. Дейв вылезает из постели, берет в охапку подушку, быстро перебегает комнату и изо всех сил бьет подушкой по лицу Карин.

— Не понимаю, — разводит руками Герб чуть позднее, после того, как высушены слезы и Дейв справедливо наказан, — не понимаю, почему он это сделал.

«Мы, лидомцы, отрицаем прошлое.

Мы, лидомцы, («письмо» Филоса продолжалось) навсегда расстаемся с прошлым и всеми его атрибутами, исключая собственно гуманизм в его чистом виде.

Особые обстоятельства нашего происхождения позволяют сделать это. Мы вышли из безымянной горы, и, как вид, мы изменчивы. Изменчивость — это наш основной принцип. Изменчивость — есть трансформация, динамизм, движение, изменение, эволюция, мутация — жизнь.

Особые обстоятельства нашего происхождения связаны тем благословенным фактом, что плазма не заражена какими-либо доктринами. Если бы у хомо сапиенс хватило ума (а силы у него хватало), он мог бы упрятать подальше все яды, Развеять все опасности и воспитать новое чистое поколение. Если бы хомо сапиенс пожелал бы (у

него для этого было достаточно и здравого смысла и сил), он мог бы создать харизматическую религию и гармонично увязанную с ней культуру, и со временем на свет бы появилось чистое поколение людей.

Хомо сапиенс заявлял, что ищет средство покончить со всеми своими бедами. Вот оно: харизматическая религия и соответствующая ей культура. Апостолы Иисуса пришли к ней. До них к ней пришли греки, еще ранее минойцы. С тех пор такую религию создали катары, ее нашли квакеры, секта танцующих ангелов. И на Востоке, и в Африке к ней обращались не один раз… и каждый раз эта религия не смогла затронуть массы, ей оставались привержены лишь адепты. Люди — или по крайней мере те из них, кто вел за собой людей — всегда терпеть не могли харизматизм, они не хотели его и не нуждались в нем. В то же время все эти духовные вожди — пресвитер, жрец, священник — не могли обойтись без доктрины, так как она давала им превосходство над прочими людьми. Харизматизм не давал им ничего.

Кроме, разумеется, знания души и вечной жизни.

Управляемые мужским началом люди созда-

ют культуру, в которой доминирует мужское начало, и такого же типа религию: Бог-мужчина, всевластные Заветы, сильное центральное правительство, нетерпимость к поиску и исследованиям, подавление сексуальных устремлений, глубокий консерватизм (нельзя же менять то, что установлено Отцом), строгое различие между полами в одежде и поведении, и глубочайшее отвращение к гомосексуальности.

Управляемые женским началом люди, которые создают культуры с доминированием женского начала, имеют религию, центром которой является Мать: Богу-женщине служат весталки, функционирует либеральное правительство, сочувствующее широким массам и помогающее обездоленным, проявляется большая терпимость к экспериментаторству, либеральный взгляд на секс, некоторая размытость между внешними признаками полов и неприятие кровосмешения.

Культура, в которой доминирует отцовское начало, всегда стремится навязать себя другим, в то время как женской культуре это чуждо. Таким образом, отцовская культура имеет тенденцию к главенству, а женская культура, зарождающаяся в глубинах мужской, периодически восстает против нее и, часто, погибает. Этот процесс — не

этапы эволюции, это фазы, определяемые качанием маятника.

Сторонники мужского типа культуры медленно сами себя отравляют. Сторонники женской культуры разлагаются, что тоже один из видов отравления. Время от времени можно встретить лицо, испытывающее равное влияние, как отца, так и матери, и впитавшее в себя лучшие качества обоих. Как правило же, люди относятся либо к одной, либо к другой категории грань между ними слишком зыбка, чтобы на ней можно было удержаться…

За исключением Лидома.

Мы либеральны в искусстве, в технических исследованиях, в любом выражении нашей натуры. Одновременно мы крайне консервативны в определенных областях: каждый из нас убежден, что никогда не расстанется с умением работать руками и обрабатывать землю. Мы воспитываем детей, которые будут следовать родителям, а не только отцу или только матери; наша религия — это Дети. Мы отрицаем и отвергаем все ценности прошлого кроме нас самих, хотя и сознаем, что в прошлом было много красоты. Это та цена, которую мы платим за отречение и за душевное здоровье, это та стена, которую мы

выстроили между нами и мертвым прошлым. Это единственное табу, единственное требование по отношению к породившим нас.

Как и хомо сапиенс, мы были рождены землей и земными существами; мы происходим от расы полу-зверей, полу-дикарей — от людей. Как и хомо сапиенс, мы не хотим знать имен тех, кто нас породил. Наши человеческие родители построили нам укрытие и заботились о нас, пока мы не возмужали, но не открылись нам. В отличие от большинства людей они знали себя поэтому не хотели, чтобы мы их обожествили. Только они и наши матери знали, что мы существуем как нечто новое на поверхности Земли. Они ни за что не выдали бы нас хомо сапиенс, так как мы отличались от них, а хомо сапиенс, как все стада, стаи, рои, в глубине сердца считают все отличающееся от них опасным и подлежащим уничтожению тем более, чем более имеется сходства с ними (о, как ужасна горилла, как отвратителен бабуин!). Кроме того, ведь в каком-то отношении мы можем превосходить их, обладая технологиями и устройствами, превышающими их уровень техники (вспомни реакцию на спутник, Чарли). Это превосходство будет абсолютно подавляющим, поскольку сексуальная активность хомо сапи-

енс заключена внутри определенный условных границ. В этом и лежит ключ к разгадке всей несправедливости, злобы, зависти. В сообществе людоедов аморально не есть человечину.»

Кнопка щелкнула, и Чарли Джонс пришел в себя, глядя в сардонически улыбающиеся глаза Филоса.

Ошеломленный, он сказал по-английски:

— Ну и дела!

— Сегодня без боулинга, дорогая?

— Да, дорогой. Я позвонила Тилли Смит упросила ее пропустить разик. Она была рада, и я тоже.

— Вы что, девушки, поссорились?

— О, нет! Совсем напротив. Просто… ну, Тилли стала очень нервной последнее время. Она чувствует это, и я знаю, что я чувствую тоже. Она вообще бросила бы боулинг лишь бы не ссориться со мной. Она знает, что так и будет, если не бросит.

— Наверное, эта опять простата сказывается!

— Дело в том, что у нее нет простаты, как у Смита.

— Да, конечно. Герб, ты такой скандальный!

— Секс… это как штаны.

— Чего?… О, дорогой опять ты философствуешь. Ладно, выкладывай, что там у тебя?

— Я не философствую. Скорее занимаюсь тем, что ты называешь сочинением басен.

— Баснописец!

— Да, если хочешь. Секс — это как штаны. Вот послушай. Выхожу я из дома по Бегония Драйв к главной авеню, прохожу два квартала, покупаю сигареты и иду назад. По пути я прохожу мимо многих людей, и никто не замечает.

— Все замечают, что ты большой славный…

— Нет, подожди, послушай. Никто фактически меня не замечает. Если ты опросишь всех этих людей, то выяснишь, что они не помнят меня. Некоторые говорят, что проходил здесь такой, большинство не знает. Теперь опрашиваешь тех, кто помнит: какие штаны были на мне? Ведь это могли быть рабочие брюки, парусиновые, штаны от смокинга с шелковыми черными нашивками или габардиновые брюки.

— Это все к сексу не относится.

— Подожди, имей терпение. Предположим теперь, что я выхожу из дома и иду в аптеку без штанов.

— Совсем голый?

— Ага. Ну, кто это заметит?

— Ты не дойдешь до авеню. Не смей ходить мимо Палмерсов.

— Все заметят — правильно! Итак — секс. Все имеют брюки, неважно какие, лишь бы не слишком приметные. Человек идет в брюках по делу, никто его не замечает, никого он не беспокоит. Но! Когда на нем нет брюк, когда он совсем голый, вот тогда все и начинается. Всех он трогает, всем до него дело. Вот так и Тилли.

— О, Тилли это не будет трогать.

— Я не об этом. Я имею в виду, что у Тилли сейчас такая же ситуация. Ее трогает, что ты не можешь с ней идти заниматься боулингом потому, что она слишком нервная.

— Ты, наверное, прав, знаешь, что секс — это как штаны. Только не рассказывая никому об этом, вывернут так, что ты говорил, будто Тилли не носит панталон.

Жанетт пронзительно хохочет.

— Придумать же такое! Какие-нибудь старые штаны!

— Во всяком случае, это объясняет ситуацию. Точно. Старые штаны, новые штаны, чужие штаны, голубые штаны.

— Заткнись и не вздумай испытать на себе.

Выйдя из зала, они столкнулись с Милвисом:

— Как дела, Чарли Джонс?

— В порядке, — улыбнувшись ответил Чарли, —

думаю, что вы, лидомцы, самый удивительный народ, который когда-либо жил на нашей старушке-Земле. Придти к настоящей религии, перенеся мутацию, в то время как все остальные испарились — это что-то.

— Значит, ты одобряешь нас?

— Если принять саму идею… что ж, я скажу — да! Как жаль, что раньше не было хотя бы несколько таких, как вы, ну, чтобы так молились и все такое.

Милвис и Филос обменялись взглядами.

— Нет, — глубокомысленно сказал Филос, как будто бы Чарли здесь на было, — нет, еще не время.

— А когда же?

— Думаю, нужно увидеть Обрыв, — отвечал Филос, — вдвоем: Чарли и я.

— Зачем? — не понимал Милвис.

Филос лишь улыбнулся, и его темные глаза заблестели:

— Дорога назад длинная.

Теперь уже улыбнулся и Милвис, и кивнул в знак согласия.

— Рад, что у тебя сложилось о нас хорошее мнение, Чарли Джонс. Надеюсь, оно не изменится.

— Что дальше, — поинтересовался Чарли, когда

они с Филосом проследовали дальше по коридору. Они спустились в шахту, а когда оказались в главном дворе, Чарли потребовал ответа: — Что весь этот разговор значил?

Есть еще кое-что, чего ты не знаешь, — произнес Филос, помахивая рукой мальчику, который ему подмигнул.

— То, что ты хочешь показать мне у Обрыва?

— Наш разговор с Милвисом означает, — продолжал Филос, не обращая внимания на вопрос Чарли, — что тебе не повредит хорошая длительная прогулка после того, как я расскажу тебе продолжение истории.

— Она настолько тяжела? — рассмеялся Чарли.

Филос не поддержал его.

— Да, она настолько тяжела. Чарли примолк, а они тем временем вышли из Медицинского блока и пересекали открытое пространство, двигаясь в новом для Чарли направлении.

— Мне не хватает темноты, — снова заговорил Чарли, глядя на серебристое небо. — Звезды… а как насчет астрономии, Филос, геофизики и всех таких наук, где нужно понимать немного больше, чем в оливковых плантациях и грядках с рассадой?

— Все это есть в памяти церебростиля на слу-

чай, если неожиданно возникнет необходимость. Пока же, — отвечал Филос, — это подождет.

— Подождет чего?

— Пока на Земле можно будет жить.

— Сколько же времени это продлится?

— Никто не может знать, — пожал плечами Филос. — Сиес считает, что мы должны запускать спутник каждые сто лет, чтобы контролировать процесс.

— Каждые сто лет? Бога ради, Филос, сколько же лет вы собираетесь существовать взаперти?

— Столько, сколько потребуется. Видишь ли, Чарли, человечество провело тысячелетия, ориентируясь на космос. В наших документах есть больше информации о составе белых карликов, чем о строении Земли, по которой мы ступаем. Хорошая аналогия: нам необходимо несколько уравновесить наши знания, потратив немного времени на освоение Земли, а не космоса. Один из ваших писателей, кажется, Уайли сказал как-то, что мы должны от изучения объекта перейти к изучению субъекта.

— Но тем временем вы остановились в развитии! — вскричал Чарли, указывая на фигуру лидомца в отдалении, который терпеливо и монотонно полол грядки сапой. — Что, вы так и

будете ждать десять тысяч лет?

— Что такое десять тысяч лет для истории расы?

Они молча шагали по холмистой местности, пока несколько смущенный Чарли не рассмеялся и не ответил: — Мне непривычно так рассуждать… Послушай, я все еще не представляю, откуда пошли лидомцы.

— Понимаю, — задумчиво протянул Филос. — Все началось с первых двух, а им наследовали очень развитые и дальновидные люди. Как уже рассказывал тебе в своем «письме», они постарались скрыть от нас свои имена, можешь быть уверен, что так же осторожны они были с остальным миром. Хомо сапиенс никогда не одобрил бы идею замещения себя, не правда ли?

— Боюсь, что ты прав.

— Прав и в том случае, если бы новые виды непосредственно и не вступили бы в конкуренцию, — кивнул Филос. — Что же, хотя мы и не знаем, кто были эти первые лидомцы, нам ясно, что они должно быть были очень знающими людьми в самых разных областях знания. Например, они создали первый церебростиль и заложили основы науки о А-поле, хотя, полагаю, первое поле было генерировано лишь тогда,

когда мы остались одни. Экспериментировали ли они на нас или трудились для нас до самой смерти, или довели работу до определенного этапа, а потом предоставили нас самим себе и отправились в неведомое — не могу сказать. Знаю только наверное, что небольшая колония лидомцев жила в огромной пещере в горе, открывавшейся в совершенно недоступную долину. Лидомцы не спускались в долину до тех пор, пока не было создано А-поле и их зона обитания не была изолирована от остального мира.

— Значит, воздух не был радиоактивным и ничего такого не произошло?

— Нет.

— Тогда получается, что лидомцы фактически сосуществовали с хомо сапиенс в течение некоторого времени!

— Конечно. Их могли бы обнаружить только с воздуха. Когда появилось А-поле, эта проблема была снята.

— Как же выглядит Лидом сверху?

— Мне говорили, — сообщил Филос, — что сверху сфера выглядит, как горы.

— Филос, все лидомцы очень похожи друг на друга. Вы что, все — одна семья?

— И да и нет. Вначале лидомцев было двое, и

они не состояли в родстве. Все остальные произошли от них.

На мгновение Чарли задумался, а затем отказался от пришедшего ему на ум вопроса. Вместо этого он поинтересовался:

— Может ли кто-нибудь покинуть Лидом?

— Никто просто не захочет, не правда ли?

— Но — могут ли они?

— Думаю, да, — тон Филоса стал несколько раздраженным, но Чарли все же продолжил: — Как долго существует Лидом?

— Отвечу и на это, но не сейчас.

Несколько уязвленный, Чарли некоторое время хранил молчание. Потом он спросил:

— Есть ли еще такие поселения лидомцев, как это?

— Нет. Ответы Филоса становились все лаконичнее.

— И что, снаружи никого нет?

— Полагаем, никого.

— Полагаете? Значит, не знаете?

Поскольку Филос не реагировал, Чарли зада вопрос в лоб:

— Действительно ли хомо сапиенс вымер?

— Совершенно точно, — безапелляционно завил Филос, и Чарли пришлось довольствоваться

этим.

Они приблизились к краю долины и начали взбираться на отроги. Идти стало труднее, но Филос стал торопиться, как будто что-то его подгоняло. Чарли подметил, что его спутник внимательно осматривает скалы вокруг и периодически оглядывается на видневшиеся вдали громады зданий Первых блоков.

— Ты ищешь что-то?

— Ищу, где бы посидеть, — пояснил Филос. Они пробрались между огромными валунами и наконец пришли к крутому обрыву, сложенному частично скалами, а частично осыпью. Здесь Филос осмотрелся, оглянулся еще раз на блоки — отсюда их видно не было — и странно севшим голосом произнес: Присядем.

Чарли понял, что Филос уже давно к чему-то готовился, что его ждет какая-то неожиданность. Он нашел подходящий плоский валун и устроился на нем.

— Вот здесь… здесь я… потерял моего друга, моего Фрура, проговорил Филос.

Вспомнив данное Називу обещание не выдавать его, Чарли придал лицу сочувствующее выражение и промолчал.

— Это случилось давно, начал Филос. — Я по-

лучил задание по истории. Идея заключалась в том, чтобы изучить, что произойдет, если один из нас всерьез займется ее изучением, будет ли это столь опасно, как боялись некоторые люди, в том числе работавшие с нами в Первой пещере. Они были совершенно уверены, что мы должны прервать все связи с хомо сапиенс, который уже натворил много бед на Земле, и не пытаться превзойти его ни в чем, даже не желая того. Для этого пришлось отказаться от его искусства, литературы и многого хорошего. Одновременно эти люди не желали отрицать достижений хомо сапиенс в сфере чистой науки — ты сам упоминал об астрономии — и в некоторых отраслях знаний. Как ты понимаешь, иногда выгодно знать ошибки, чтобы можно было их избежать. Это не только экономия сил; в моральном плане эти ошибки можно даже использовать на благо. Итак… вначале надо попробовать на собаке, — рассмеялся он горьким смехом.

В изучении Лидома и хомо сапиенс я добрался почти до того же, что и ты, хотя и разобрался во всем более подробно. Фрур и я поженились лишь недавно, и мне пришлось много времени проводить одному. Мне подумалось, что будет неплохо, если Фрур и я погуляем, спокойно по-

беседуем. Мы оба были беременны… Здесь мы и присели отдохнуть, когда… когда, — тут Филос не смог продолжить свой рассказ, и ему пришлось сделать паузу, чтобы придти в себя. — Земля разверзлась, иного слова я подобрать не могу. Фрур исчез в провале… упал вниз. Я прыгнул за ним.

— Прости, — только и мог сказать Чарли.

Через четыре дня меня откопали. Фрура так и не нашли. Я потерял обоих своих детей. Думаю, что единственных и последних.

— Но, конечно же, ты мог бы снова…

Филос только отмахнулся. — Конечно я мог бы, — грустно передразнил он Чарли и уже серьезно продолжил: — Ты мне нравишься, Чарли Джонс, и я доверяю тебе. Хочу показать, почему я не смогу жениться. Ты должен обещать мне держать все в абсолютном секрете.

— Даю слово.

Филос долго смотрел на него, а затем сложил руки ладонями вместе. Тут же появилось зеркальное поле. Он положил на землю кольцо — а поле все еще удерживалось — отступил на ярд назад и резко нажал на выступавший край скалы. Плоский камень повернулся, открыв темную дыру туннеля. Зеркало совершенно гладкое и без рамы — отражало лишь камень и скрывало большой

валун и отверстие в скале, если бы кто-нибудь из Первых блоков приблизился к скале. Филос вошел в дыру, жестом позвал Чарли и скрылся из виду.

Ошеломленный, Чарли последовал за ним.

Когда в гостиной собираются тридцать человек, то немного тесновато, но атмосфера дружеская и неформальная, поэтому некоторые не стесняются располагаться на полу. Проповедник вызывает всеобщие симпатии. — Он хороший человек во всех смыслах, — думает Герб. Можно поспорить, что когда преподобный Билл Флестер был капелланом в армии, то его любили и коллеги-священники, и офицеры, и рядовые. У него ясные глаза, очень здоровые зубы, седоватые, коротко остриженные волосы и молодое румяное лицо. Одевается он скромно, но при взгляде на него никто не вспоминает строгое одеяние гробовщика. Узкий галстук и узкие лацканы говорят сами за себя. Тему сегодняшней проповеди он выбрал не из библии — обычная фраза, которую можно увидеть в рекламе на Мэдисон Авеню или в другом месте: «Из всякого положения есть выход». Все собравшиеся в гостиной — соседи, и все внимательно слушают. Жанетт смотрит Флестеру прямо в рот, рассматривая зубы, Тилли

Смит разглядывает широкие плечи и короткую, на военный манер стрижку. Смитти склонился вперед над уголком низкого кофейного столика, большим и указательным пальцами он оттягивает свою нижнюю губу так, что видны нижние зубы. У Смита это означает: «У этого парня есть кое-что на чердаке».

— Наши еврейские друзья, — продолжает Флестер с отмеренной дозой одобрения, — построили себе небольшой красивый храм на Форсайтия Драйв, а в противоположной стороне района наши католические братья отстроили себе хорошую кирпичную церковь. Я просмотрел прессу, не пожалев своих ног, обошел всю округу и выяснил, что в районе десяти миль отсюда есть двадцать две протестантские церкви; люди из района посещают восемнадцать различных церквей, не менее пятнадцати из них сейчас здесь присутствуют. По-моему это ненормально. Попечительство школ уже сообразило, что делать с небольшими, разбросанными по территории района школами, то же модно сказать и о бакалейщиках. Все они укрупняются.

— Мне кажется, что нам пора поучиться у них. Церковь обязана улучшать свою деятельность, предлагать более высокое качество услуг

и снижать расходы, как и всякое коммерческое предприятие. В новых условиях для бизнеса открываются и новые возможности, например, сейчас уже можно въехать в банк на автомобиле, выбрать товар для покупки по телевидению, как мы об этом читали в воскресной газете. Мы все — протестанты и наше желание — посещать церковь здесь — в нашем приходе. У нас на пути стоит лишь привычка. Многие люди относятся к ней серьезно, но, будем откровенны, общего согласия в этом вопросе нет.

— На пути объединения церквей многое сделано. Вы вносите свой вклад, я вношу свой вклад, мы движемся, объединенные общей целью. Но многие люди считают, что объединившись, они что-то теряют. Они убеждены в этом потому, что знают: компромисс неизбежно связан с потерями для каждого. Такой подход нам чужд.

— Со всем уважением должен заявить, что по моему мнению такие люди стоят на неверных позициях. Должен существовать путь, при котором люди объединяются и никто ничего не теряет, а лишь приобретает. Путь открыт всегда, если вы только хорошенько подумаете.

— Я думаю вот что и вовсе не горжусь своим открытием, потому что любой из вас пришел

бы к такому же выводу самостоятельно, если бы прошел мой путь. Полагаю, что мы должны объединить людей, посещающих самые различные церкви, выбрать верховное руководство, скажем ответственный совет, и, по моему мнению, расстаться с мыслью о многих маленьких церквях для всех нас. Вместо того, чтобы спорить, чей товар лучше, давайте заполним наши прилавки самыми лучшими товарами. Вы приходите в супермаркет Господа в поисках утешения, и вот оно для вас — вы подходите и берете его с полки.

— В качестве примера того, что я имею в виду: предположим, кто-то из вас, уважаемые дамы, всю свою жизнь выбирал торговую марку Дель Монте. Я не хочу, чтобы вы скрывали это, я не буду нанимать мальчика, чтобы он сорвал все ярлыки, я не хочу, чтобы вы прекратили употреблять эти товары или перестали рекламировать их всем своим подругам. Я просто хочу, чтобы вы пользовались ими и были счастливы. И не будет конфликта между вами и рынком или между вами и другим клиентом, который протянет руку к товару другой марки, потому что он тоже стоит на той же полке и так же освещен, и так же привлекателен.

— Если нам удастся получить одобрение у

э-э, руководства, то есть в нашем примере у дистрибьютора товара, то они не будут против расширения масштабов дела, не нарушая при этом верности своим клиентам. Думаю, они будут столь же энергично заботиться об упаковке и розничной продаже, как и руководство большого оптового склада. Это будет руководство, преданное идее «обслуживания нового типа».

— Каждый получит то, что ему необходимо — это Американский путь. Хотите крестить своих детей, погружая их в купель — мы построим достаточно большую купель или бассейн. Хотите, чтобы на алтаре горели свечи отлично; воскресенье длинное — времени хватит на все службы: со свечами и без них. Подсвечники можно сделать выдвигающимися. Картины и украшения? Установите их в проемах и сделайте поворотными: их можно будет прятать или скрывать от взгляда.

— Я оставляю сейчас детали в стороне — это *ваша* церковь, и вы устроите все по-своему. Пока мы будем преданы идее служения Господу, мы не можем никого оскорбить. Любовь к Богу — это основное, что нас объединяет, все разновидности этой любви занимает значительно меньшее место. Нам давно пора начать двигаться в русле основного течения Американской системы.

Пусть наша Церковь обеспечит нам самое лучшее обслуживание, пусть возле нее найдется место для парковки автомобилей и благоустроенная детская площадка.

Все аплодируют.

Филос приложился плечом к плоскому камню, нажал и проход закрылся. Сразу стало темно, затем Чарли услышал, как Филос разгребает землю. Через мгновение он достал присыпанную землей лампу, светившуюся холодным светом и поставил ее на выступ туннеля. — Ты должен узнать нечто важное о Лидоме, сожалею, но тебе придется сделать это не в самой лучшей обстановке. Милвис даже не мог бы предположить, как это произойдет. Одень вот это.

Из ниши в стене Филос извлек плащ из грубого материала и протянул его Чарли. Второй такой же плащ он одел на себя и закутался в его складки. Чарли молча следовал за ним, а Филос продолжал свой печальный рассказ: Фрур исчез в провале, и я прыгнул за ним. Не помню, что было дальше. Через какое-то время Фрур — у него была сломана нога и четыре ребра — откопал меня. Мы увидели, что находимся в провале, который геологи называют «трубой». Сейчас здесь совсем не так, как тогда. Мы оставили надежду разобрать завал

и вместо этого двинулись вперед по трубе.

С этими словами Филос наклонился в темном углу и исчез из виду. Чарли следовал за ним и увидел, что в углу есть отверстие, открывающееся в другой туннель. Найдя руку Чарли в темноте, Филос вел его за собой. Спотыкаясь и путаясь в складках плаща, Чарли выругался: — Здесь слишком жарко.

— Следуй за мной, — коротко приказал Филос. Он шел все вперед и вел Чарли, который изо всех сил старался не упасть и успевать за ним. Филосу было трудно рассказывать дальнейшие события, но он превозмог себя: Помню, что мы оказались в глухой пещере. Фруру удалось разжечь огонь. У меня началась рвота. Тогда я и потерял обоих своих детей. Все это продолжалось часа три. Свет у нас еще был… Извини. Смотри, не ударься головой, здесь низко. Моим детям было уже шесть с половиной месяцев. Хорошо развитые малыши…

— Это были дети, — голос Филоса отрывисто доносился из темноты, дети хомо сапиенс.

— Что?

Филос остановился в темноте и опять начал рыться в земле. Он снова извлек горящий светильник из груды земли и мусора, и поставил его на камень. Чарли осмотрелся — они были в

пещере с гладкими стенами, наверное, когда-то в раскаленной магме вулкана скопился газовый пузырь. — Вот здесь это было, — кивком головы указал Филос. — Фрур пытался спрятать их от меня. Я очень… не люблю, когда от меня что-то скрывают.

— Мы исследовали пещеру и прилегающую часть горы. Вся она была пронизана туннелями. Кстати, сейчас их уже нет. Мы нашли дорогу обратно, прошли почти через всю гору и вылезли через дыру в ста футах от места обвала. Выход был за пределами купола Лидома.

— У меня болело все тело, горе поглотило меня, я был зол. Фрур тоже. В голову нам пришла дикая мысль. Нога и ребра Фрура болели, но он мог перемещаться — мы, лидомцы, вообще легко переносим боль. Но у меня были внутренние повреждения и их нельзя было оставлять без вмешательства. Мы договорились, что я вернусь, а Фрур просто, ну, исчезнет на время.

— Для чего?

— Мне нужно было выяснить ситуацию. Я потерял двух детей — они принадлежали к хомо сапиенс. Случилось ли это только со мной? Я боялся узнать ответ, мне хотелось вместе с Фруром покинуть Лидом, скрыться куда-нибудь подаль-

ше, чтобы все хорошенько обдумать…

— Итак, было решено: я возвращаюсь, Фрур остается. После лечения я должен был вернуться сразу, как только смогу. Я выбрался через одну из труб, мы инсценировали еще один обвал. Меня нашли спасатели. Конечно, они копали там, где я указал, но Фрура не нашли. Однако, мы устроили второй обвал слишком хорошо: я снова пострадал. Прошло много, очень много времени пока я смог стать на ноги. Я сразу поспешил назад, сюда, мне никто не препятствовал, все понимали мое горе. Хотя я и оставил почти всякую надежду, я все-таки надеялся. Фрур без моей помощи родил двух детей, и один из них умер.

Они тоже были хомо сапиенс.

— Филос!

— Да, хомо сапиенс. Мы оставили все сомнения. Получалось так, что лидомцы рождались только в Первом Медицинском блоке. Совпадает ли это с тем, что ты знаешь о мутации?

— Не думаю.

— Мутации нет, Чарли. Милвис хотел, чтобы ты узнал именно это. Фрур жив и находится здесь, здесь же и мой ребенок хомо сапиенс и *я* хочу, чтобы ты это знал.

Для Чарли Джонса это было много, слишком

много за один раз. Он начал расспросы.

— Милвис не знает, что произошло с тобой здесь?

— Нет.

— Твой… Фрур жив и находится здесь? (Ведь Назив говорил, что обвал случился много лет назад!). Когда это произошло, Филос?

— Давно. Сутин — ребенок — уже почти такой, как ты.

— Но… почему? Почему? Отрезать себя от всего…

— Чарли, как только я смог, я начал изучать все сведения о Лидоме вещи, которыми я никогда не интересовался. Лидомцы — открытый и искренний народ — ты в этом убедился — но они люди, и потому каждый носит в себе что-то сугубо личное. Может, они так устроены, они отвечают на расспросы, но не всегда делают это по доброй воле. В Первом Медицинском блоке есть секреты, есть они и в Первом Научном блоке. Это не секреты в твоем понимании — «для служебного пользования», «совершенно секретно» и прочая чушь. Это вещи, которые в обычной обстановке никто никогда спрашивать не будет. Например, кто будет интересоваться месячной потребностью анестетиков в нашем терапевти-

ческом корпусе? А она весьма велика. Никто не удивляется, почему наши младенцы находятся в инкубаторах целый месяц, прежде, чем мы их впервые увидим. Кто станет расспрашивать об экспериментах с путешествиями во времени? Представь, я случайно узнал об Естественном Контроле, да и этого бы не произошло, если бы не рождение Сутин.

— А что такое «Естественный Контроль»?

— Это ребенок, спрятанный в Первом Медицинском блоке. Ребенок хомо сапиенс, его мозг усыплен. Они сверяют с ним свою работу. Ты видишь, наши трое детей, которые умерли, не были единственными родившимися хомо сапиенс. Когда я узнал об Естественном Контроле, мы решили оставить Сутин здесь, конечно, это означало, что Фрур тоже должен остаться в пещерах. Когда Сутин родился, он показался нам маленьким уродцем, прости меня, Чарли, но он выглядел очень непривычно, хотя мы и полюбили его. Все происшедшее заставило нас еще крепче привязаться к нему. Милвис не получит Сутин никогда.

— Но… что будет дальше? Что вы собираетесь делать?

— Это зависит от тебя, Чарли.

— От меня!

— Ты его возьмешь с собой, Чарли?

Чарли Джонс всмотрелся в освещенную тусклым серебристым светом фигуру в темном плаще, в подвижное выразительное лицо. Он думал об упорстве, боли, заботе, об одиночестве, которое испытывают два любящих человека, так часто разлучающихся, об их любви к своему ребенку. Еще он подумал о ребенке — маленьком отшельнике, заживо похороненном в толще горы, о других детях, на которых ставят опыты в лаборатории. Взять его с собой, в свой мир? Без знания языка, обычаев… можно принести еще больше вреда, чем Милвис.

Он уже готов был покачать головой, но, взглянув на Филоса, взволнованно следившего за каждым его движением, не смог открыть рта. Кроме того, Сиес и Милвис не допустят этого. (Но помни, Чарли, помни — ты знаешь установки машины!).

— Филос… ты можешь провести нас в Первый Научный блок к машине времени так, чтобы нас не увидели?

— Если нужно, смогу.

Далее Филос не сказал ничего особенного, но то, как он произнес эти слова, как блестели при

этом его глаза, сказало Чарли о многом.

Филос прошептал: — Идем, расскажем Фруру и Сутин.

Еще плотнее завернувшись в толстый плащ, Филос жестом пригласил Чарли сделать то же самое. Затем он приложил ладони рук, одну над другой, к дальней стене, пальцы его, видимо, вошли в специальные углубления, Филос нажал, и плита отошла, открыв вход в помещение. Заглянув внутрь, Чарли увидел треугольную камеру, откуда сразу же повеяло морозным воздухом. Здесь устроен воздушный шлюз, — пояснил Филос. — Купол Лидома уже закончился, мы фактически за его пределами. Держать вход открытым нельзя, так как будет постоянная утечка воздуха, и на насосной станции этим кто-нибудь заинтересуется.

Чарли впервые сообразил, что не только температура, но и давление воздуха на Лидоме контролируются.

— Там сейчас зима?

— Нет, но ведь мы находимся высоко… Я войду первым и подожду тебя.

С этими словами Филос вошел в треугольную камеру и нажал на стену. Плита повернулась, скрыв его от глаз Чарли, а затем еще раз повер-

нулась, но была уже пуста. Чарли вошел внутрь и нажал на стену. Через мгновение он уже стоял на склоне холма, а в небе светили звезды, и было очень холодно. У Чарли перехватило дыхание от острого холодного воздуха, а, может, от звезд.

В их достаточно ярком свете они начали быстро спускаться вниз по склону, пока, запыхавшись, не оказались во впадине между скалами. Здесь Филос нашел дверь и толкнул ее внутрь. Оттуда пахнуло теплом. Они вошли внутрь и ветер прихлопнул дверь. За ней была вторая дверь, которая вела в длинную комнату с низким потолком. Здесь в настоящем каменном камине горел огонь и потрескивали дрова. Откуда-то вбежал прихрамывающий Фрур, радостно бросившийся к ним, а за ним вбежал Сутин.

Чарли Джонс невнятно пробормотал всего одно слово, и силы оставили его — он потерял сознание. Это слово было — Лора.

— Когда иногда оглядываешься вокруг, становится страшно, — изрекает Герб.

Жанетт аккуратно обмакивает кукурузные хлопья в растворы красителя для яиц, чтобы Дейв мог сделать себе индейское ожерелье. Дейву только пять лет, но он уже хорошо орудует иголкой и ниткой. — Ну, так не оглядывайся. Что

ты увидел?

— Радио, послушай радио.

Завывающий голос тянул песню. Опытное ухо могло бы, если бы его заставили, узнать в ней тему Vesti la Guibba; в песне лирично описывалось разочарование студента первого курса, на него накладывались звуки фортепиано, играющего тремоло в верхних октавах: ля-ля-ля, си-си, затем шесть квартовых звуков. — Кто поет?

— Я — не знаю.

Жанетт раздражена. — Не могу разбираться во всех этих группах и ансамблях. Для меня они все одинаковы.

— Да, но все же, кто это?

Она перестает окунать хлопья в краситель и прислушивается.

— Это тот со стеклянным взглядом и кривыми зубами, которого показывали по телевидению позавчера, — высказывает она предположение.

— Нет! — торжественно объявляет Герб. — То был тот проходимец из переулка по кличке Дебси. Чисто мужской тип. А это — женщина — работает под девушку.

— Вряд ли, — Жанетт прислушивается, как голос выводит рулады в диапазоне четырех с половиной тонов, после чего его уже не слышно,

так как вступило фортепиано. — Ты знаешь, ты прав.

— Я знаю, что прав. Вот это и пугает тебя.

Герб отбрасывает журнал, который он читал. — Здесь пишут, про Аль Каппа из мультфильма — помнишь тот мультик — так он утверждает, что теперь можно с уверенностью разобрать по фотографии в журнале, кто мужчина, а кто женщина. Кто красивее, тот и мужчина. Я читал об этом, а тут как раз эта баба поет по радио, да еще хрипит, чтобы получилось, вроде как мужик старается петь, как баба.

— И тебя это пугает?

— Порядок вещей может нарушиться, — игриво заявляет Герб. — Если и дальше так пойдет, то произойдет мутация, и нельзя будет разобрать, где мальчик, а где девочка.

— Глупости. Мутация так не происходит.

— Знаю, но все движется в таком направлении, что когда произойдет мутация полов, никто ее и не заметит.

— О, это ты уж слишком, Герб.

— Пусть так. Но разве ты не чувствуешь иногда, будто какая-то сила старается переделать женщин в мужчин и наоборот. Я говорю не только о певцах. Посмотри на Советскую Россию. Еще

никогда в мире ни один социальный эксперимент не превратил так много женщин в тягловых лошадок. Вспомни Китай, наконец-то маленьких китайских куколок освободили от векового рабства, теперь они носят комбинезоны и машут лопатой четырнадцать часов в день наравне со своими братьями. Все это просто оборотная сторона той пластинки, которую мы сейчас слушали.

Жанетт окунает хлопья в красную краску и дает ей стечь.

— Нет, — говорит она, — на другой стороне песня «Звездная пыль».

— Ты произнес Лора и…

Чарли открыл глаза и увидел брусья потолка.

— Извините, — ослабевшим голосом сказал он, — может, я просто долго не спал. Простите меня.

Что такое Лора?

Чарли с помощью Филоса сел. Рядом с Филосом он увидел лидомца, у него были каштановые волосы, серые глаза и скульптурно вылепленные губы.

— Я любил Лору, — просто ответил Чарли — так мог бы ответить и лидомец. — Ты, должно быть, Фрур? — Чарли смотрел то на Фрура, то на другую фигуру, стоявшую рядом.

Застенчиво, но не позади Фрура, одетая в привычную для Лидома одежду с высоким воротником, обтягивающую тело и грудь, с маленьким шелковым спорраном спереди, стояла *она.* У нее было приятное лицо, совсем не мальчишеское и не очень красивое. Это была не Лора, просто у нее были такие же волосы, как у Лоры.

Она.

— Сутин, — произнес Филос.

— Ты ведь все время говорил о ней *он!* — закричал Чарли, чувствуя себя в дурацком положении.

— О Сутин? Да, конечно, а как же еще?

Только тут Чарли пришло в голову — конечно, как же еще! Ведь Филос рассказывал ему свою историю по-лидомски и использовал местоимение лидомского языка, которое не имело ни мужского, ни женского рода, а было чем-то средним. Это он, Чарли, перевел его для себя как «он».

— У тебя волосы, как у Лоры, — сказал он девушке.

Она застенчиво ответила: — Хорошо, что ты пришел.

Они не дали Чарли поспать — не могли, так как у них было мало времени, зато они дали отдохнуть и накормили. Филос и Фрур тем временем

обошли дом, который был наполовину заглублен в землю на краю высокого утеса — сюда могли долететь только птицы. За домом находился лес и луг, где, как рассказала ему Сутин, они подстрелили из лука оленя. Во время обхода дома Филос и Фрур, не стесняясь, плакали, они прощались с домом ведь они могли уже никогда сюда не вернуться. Только теперь Чарли задумался над тем, что будет с его друзьями после того, как он увезет Сутин. Что было это для них — измена? Какое за измену положено наказание? Он не смел задать этот вопрос, да и их языке не было слов для понятия «наказание».

Выйдя из дома, они взобрались на гору и вошли в воздушный шлюз, где спрятали светильник. Второй светильник они спрятали в туннеле у выхода из трубки. Там же они оставили свои плащи и вышли на зеленый луг под серебристо-стальное небо Лидома. Медленно направились они к зданиям Первых блоков: Филос и Фрур шли рядом, как и положено любящим, а Чарли с Сутин за ними. Сутин было страшно.

Вблизи Первого Медицинского блока Фрур присоединился к Чарли с Сутин, а Филос пошел вперед. Возможно, некоторые лидомцы могли вспомнить Фрура, увидя его рядом с Филосом.

Кроме того, все привыкли, что Филос ходит всегда один.

Чарли крепко придерживал Сутин, давая ей указания и ободряя, иногда просто приказывая, в то время как в голове у него вертелись разные мысли.

— Не кричи, — строго приказал он Сутин, когда они приблизились к метро. Если бы кто-то так же вел себя по отношению к нему, когда он увидел Лидом впервые! Войдя в темный туннель, Чарли повернулся и охватил Сутин руками, спрятав ее лицо на груди. Сутин была гибка, как молодая львица, но когда они падали вниз в шахте, она вся напряглась от ужаса. Какой уж тут крик! Она не могла даже вздохнуть.

Уже в метро она закрыла глаза и не произнесла ни слова, своими сильными пальцами она так вцепилась в Чарли, что у него остались на руках синяки. Зато при подъеме, когда невидимый лифт нес их наверх — Чарли помнил, как когда-то его буквально выворачивало при этом — она рассмеялась!

…Чарли был рад, что ей лучше. Сам же он не мог отделаться от своих мыслей:

— о взаимной любви;

— о том, как мужчина с пересаженной маткой

совокупляется с другим мужчиной с пересаженной маткой;

— о гордости своими детьми и их обожествлении;

— о руке Гросида и руке Назива, воплощенных в полированном дереве;

— о скальпелях и иглах, вшивающих искусственные органы и придающих новые функции тельцам младенцев;

— о расстоянии между Лидомом и Землей, о преодолении его, о Боге и о грязной шутке, которую с ним сыграла судьба.

Они поднялись на верхний этаж наклонного здания. Чарли старался сдержать напавший на Сутин смех и вел ее по направлению к освещенной и безлюдной лаборатории Сиеса. «Его там быть не должно», — твердил про себя Чарли.

Но он был там. Услышав их шаги, Сиес оторвался от своих приборов и поспешил им навстречу. Привычной улыбки на его губах не было.

Чарли нырнул в сторону, таща Сутин за собой, чтобы Сиес прошел мимо него к Филосу.

— Филос, ты пришел не в свое время, — строго сказал Сиес.

Побледневший Филос открыл рот, чтобы что-то сказать, как вдруг Фрур резко выкрикнул:

— Сиес!

Сиес не заметил вначале Фрура или же не узнал высокого, давно считавшегося погибшим лидомца. Он повернулся, желая поставить выскочку на место, но тут его взгляд остановился на чеканных чертах Фрура. Улыбаясь, Фрур сложил ладони, и сразу же появилось зеркальное поле. Это была дьявольская шутка, четко продуманная по времени, потому что перед ученым лишь на мгновение мелькнуло знакомое лицо, а в следующий момент оно уже было замещено его собственным изображением. Сиес не знал, усомниться ли ему в своих глазах.

— Перестань, — хрипло проговорил он. — Фрур! Это Фрур?

Тяжело дыша, он подошел к самой плоскости зеркала; Филос стал позади Фрура и взял кольцо; Фрур скользнул в сторону и Филос начал водить Сиеса по комнате, как загипнотизированную птицу, а затем отнял руку от кольца и, улыбающийся, предстал перед Сиесом.

— Сиес! — вновь позвал Фрур сзади.

Все это время Чарли Джонс торопливо крутил ручки управления машиной времени. Он установил показания на всех четырех циферблатах, включил тумблер, обернулся и, втащив Сутин

через открытую дверь, захлопнул ее. Последнее, что он успел увидеть, было лицо Сиеса, наконец понявшего, что происходит. Отбросив Фрура в сторону, Сиес кинулся к пульту управления.

Захлопнув дверь, Чарли и Сутин клубком упали на пол. Сначала они так и лежали, а потом Чарли склонился на коленях над дрожавшей девушкой и обнял ее.

— Я хотела попрощаться с ними, — прошептала Сутин.

— Все будет хорошо, — успокаивал ее Чарли, гладя по волосам. Неожиданно — наверное, это была реакция на пережитое напряжение — он рассмеялся. — Взгляни на нас!

Сутин не поняла, взглянула на себя и устремила вопросительный взгляд на Чарли. Он пояснил: — Я подумал, как мы будем выглядеть, оказавшись дома на лестнице — я в наряде супермена, и ты…

Сутин потрогала свой высокий воротник и платье. — Я не знаю, что делать. Я так…

Она снова потрогала шелковый спорран. — Это, — голос ее дрожал — все нереально; я могла никогда не существовать… Думаешь, они знают, куда мы направляемся?

Чарли сразу перестал смеяться. — Они не узнают никогда, — он торжественно заверил Сутин.

— Я так боюсь, — ответила та.

— Ты никогда не будешь снова бояться, — успокоил ее Чарли. — И я тоже, — подумал он про себя. Филос иначе не отправил бы ее назад, к хомо сапиенс. Или же… Может, он хотел бы, чтобы она пожила с год среди своих, хотя бы месяц, даже если она затем погибла бы вместе со всеми?

Ему захотелось спросить об этом Филоса.

Сутин спросила: — Сколько времени это займет?

Он посмотрел на то место, где была дверь — там теперь была видна щель толщиной лишь в волос. — Не знаю, Сиес говорил, что перемещение вообще происходит мгновенно… со стороны Лидома. Думаю, — продолжил Чарли, дверь не откроется, пока машина в… — он хотел вначале сказать «движется», потом «путешествует», затем «работает», но все эти слова казались ему неверными.

— Думаю, если дверь открывается, то это означает, что мы прибыли.

— Не попробуешь ли ты?

— Конечно, — ответил Чарли. Но он не подошел к двери и даже не посмотрел на нее.

— Не бойся, — ободрила его Сутин.

Чарли Джонс повернулся и открыл дверь.

— Пусть Господь благословит маму, папу и бабушку Салли, и бабушку Фелициту, и Дейви тоже, — поет Карин на придуманный ею мотив. — И еще…

— Продолжай, дорогая. Ты забыла еще кого-нибудь?

— М-м, еще Господь пусть благословит бога, аминь.

— Ты очень хорошо сказала, дорогая. Но почему ты так решила?

Уже почти засыпая, на грани небытия Карин бормочет: — Я всегда прошу Господа благословить всех, кто меня любит, вот почему.

Чарли Джонс открыл дверь и его ослепил яркий свет, серебристо-серый свет, затоплявший все уголки Первого Медицинского блока.

— Ты кое-что забыл, — произнес голос Милвиса.

Чарли услышал позади себя сдавленный звук. Не оборачиваясь, он быстро проговорил:

— Стой на месте!

Неожиданно Сутин вынырнула из-под его руки и выбежала из машины, мимо пульта управления, мимо Милвиса, Гросида, Назива, мимо Сиеса. Все они, ошеломленно смотрели на нее, а она упала на колени перед Филосом и Фруром, которые

лежали рядом на полу. Их руки были сложены на животе, а ноги ноги были слишком неподвижны. Какое-то мгновение царило молчание, прерываемое лишь всем слышным дыханием Сутин.

— Если вы убили их, — наконец вымолвил Чарли дрожащим от ненависти голосом, — то вы убили и их ребенка.

— Никто не отозвался, лишь Назив опустил глаза. Милвис же вернулся к своему вопросу: — Ну так как?

Чарли понял, что Милвис ждет ответа на свой вопрос.

— Ничего я не забыл. Я поручил Филосу все тебе доложить. Все свои обещания я выполняю.

— Филос ничего не может рассказать.

— Это твоя вина. Как насчет выполнения твоего обещания?

— Мы свое обещание держим.

— Тогда давай перейдем к делу.

— Сначала мы хотим услышать твое мнение о Лидоме.

— Что я теряю? — отстраненно подумал Чарли, сердце его не смягчилось. Он прищурил глаза и медленно произнес: — Вы самое отвратительное стадо извращенцев, у которых не хватает даже стыда, чтобы забиться в какую-нибудь дыру и не

высовывать оттуда носа.

Все отпрянули от Чарли, но никто не произнес ни слова. Наконец Милвис заговорил:

— Что случилось, Чарли Джонс? Несколько часов назад у тебя было о нас благоприятное мнение. Что тебя так переменило?

— Правда, только правда.

— Правда о чем?

— Что мутации нет.

— Так ли важно то, что мы делаем это сами? Почему тебе это представляется худшим, чем просто генетическая случайность?

— Именно потому, что вы это делаете, — выдохнул Чарли. Он хотел бы плюнуть им всем в лицо, но вместо этого начал говорить: — Филос рассказал мне, что вы очень стары. Вы спрашиваете, почему я считаю это злом? Мужчины женятся на мужчинах. Кровосмешение, извращение, вы ничего не забыли.

— Думаешь ли ты, — вежливо продолжал Милвис, — что другие люди могли бы по другому отнестись к нам, если бы обладали всей полнотой информации о нас?

— Сто два процента сказали бы то же самое, — проворчал Чарли.

— А если бы это была мутация, то ты бы нас не

обвинял.

— Мутация была бы естественной. Вы что, можете сказать так о себе?

— Да! А ты можешь? А хомо сапиенс может? Какие границы имеет природа? Что, случайная космическая частица, меняющая генетический код, более естественна, чем сила человеческого разума?

— Космические лучи подчиняются законам природы. Вы отменяете их.

— Именно хомо сапиенс нарушил закон выживания сильнейших, — спокойно заметил Милвис. — Скажи мне, Чарли Джонс, что сделали бы хомо сапиенс, если бы мы жили с ними в одном мире и они знали наши секреты?

— Мы бы истребили вас до последнего детеныша, — холодно ответил Чарли, — и выставили бы его в балагане. Вот и все, что я хочу сказать. Отправляйте меня отсюда.

Милвис вздохнул. Неожиданно отозвался Назив: — Хорошо, Милвис. Ты был прав.

— Назив все время выступал за то, чтобы мы открылись хомо сапиенс и разделили с ними наши знания об А-поле и церебростиле. Полагаю, вы сделали бы точно так, как ты это описал: превратили бы поле в оружие, а церебростиль в

устройство для подчинения разума.

— Скорее всего да, для того, чтобы стереть вас с лица Земли. Давайте, запускайте вашу машину времени.

— Никакой машины времени нет.

Колени Чарли буквально подогнулись. Он обернулся и посмотрел на большую серебристую сферу.

— Это *ты* назвал ее машиной времени. Мы ее так не называли. Ты сказал Филосу об этом, и он поверил.

— Сиес?..

— Сиес устроил спектакль. Часы с циферблатом в обратном порядке. Коробочка спичек. Но ты поверил именно тому, чему хотел верить. Ты сам убедил себя, хомо сапиенс. Ты позволяешь всем оказывать тебе помощь, если тебе помогают, ты веришь тому, чему сам хочешь.

— Ты сказал, что отправишь меня назад!

— Я сказал, что возвратим тебя в твое прежнее состояние, и мы это сделаем.

— Вы… *использовали* меня!

Милвис, чуть ли не улыбаясь, кивнул головой.

— Отправляйте меня отсюда, — вскипел Чарли. — Что бы вы там не болтали.

Чарли указал на склонившуюся в горе девуш-

ку.

— Я хочу забрать Сутин. Вы без нее отлично обойдетесь.

— Наверное, это будет справедливо, — высказался Гросид.

— Когда же ты хочешь…

— Сейчас, сейчас же! Немедленно!

— Очень хорошо. — Милвис поднял ладонь — почему-то все затаили при этом дыхание. Милвис произнес слово из двух слогов: — Кесбу.

Чарли Джонс задрожал всем телом и медленно поднял руки, чтобы прикрыть глаза.

Помолчав, Милвис спросил:

— Кто ты?

Чарли отнял от глаз руки:

— Кесбу.

— Не бойся, Кесбу. Ты снова стал самим собой. Больше тебе нечего бояться.

Пораженный Гросид тяжело дышал.

— Никогда не думал, что такое возможно.

Быстро заговорил Сиес:

— Его собственное имя — команда прекратить гипноз. Он действительно… Милвис все объяснит.

Милвис заговорил:

— Кесбу! Помнишь ли ты все еще мысли Чарли

Джонса?

Человек, бывший Чарли Джонсом, отвечал в каком-то оцепенении:

— Как будто… сон или… словно мне рассказали историю.

— Подойди ко мне, Кесбу.

Доверчиво, как ребенок, Кесбу приблизился. Милвис взял его руку и прижал к бицепсу белый шарик, который сразу же лопнул. Не издав никакого звука, Кесбу потерял сознание. Милвис ловко подхватил его и отнес в сторону, где лежали Филос и Фрур. Он уложил Кесбу рядом с ними и посмотрел прямо в испуганные, потерянные глаза Сутин.

— Все в порядке, маленькая, — прошептал он. — Они только отдыхают. Вскоре вы снова будете вместе.

Он двигался медленно, чтобы не напугать ее, но его движение, когда он прижал к ее руке белый шарик, было уверенным и быстрым.

Жанетт рассказывает Гербу о Карин, как она сказала «Господь да благословит Бога, потому что она говорит так всем, кто ее любит».

— То же говорит и Бог, — легкомысленно замечает Герб, но когда слова произнесены, они уже вовсе не кажутся легкомысленными.

— Я *люблю* тебя, — говорит Жанетт.

…Наконец-то все главы Лидома могут спокойно посовещаться.

— Что, Чарли Джонс действительно существовал? — спросил Назив.

— Да, разумеется.

— Все это… неудачно, — продолжал Назив. — Когда я настаивал, что мы должны разделить с хомо сапиенс наши знания, это было… просто умозаключение, далекое от реальности — слова, названия вещей.

Назив вздохнул: — Мне он понравился. Мне кажется, что он понимал такие вещи, как наша статуя — «Создатель», да, понимал, и еще на празднике…

— Он все правильно понял, — с оттенком сарказма произнес Сиес. Хотел бы я видеть, что он понял, если бы ему рассказали правду о нас до статуи и праздника, а не после них.

— А кто он такой, Милвис?

Милвис обменялся с Сиесом взглядом, слегка пожал плечами и ответил: Могу сказать вам. Он находился в летательном аппарате хомо сапиенс, который разбился поблизости в горах. Аппарат распался на части в воздухе, почти весь сгорел и упал за пределами Лидома. Но один его отсек

остался цел и упал прямо на купол. Внутри был Чарли Джонс в очень тяжелом состоянии и еще один хомо сапиенс, уже мертвый. Вы ведь знаете, что сверху купол выглядит, как горы, но все равно крайне нежелательно, чтобы по нему лазили поисковые партии.

Сиес увидел остатки аппарата по своим приборам, немедленно послал туда машину с А-полем и доставил отсек сюда. Я сделал все возможное, чтобы спасти его жизнь, но повреждения были слишком велики.

Он так и не пришел в сознание. Тем не менее, мне удалось записать на церебростиле всю содержащуюся в его мозгу информацию.

Сиес подчеркнул:

— Это была самая полная запись содержимого мозга, которую нам когда-либо удалось получить. Тогда нам — мне и Сиесу — пришло в голову использовать запись для того, чтобы узнать, какое мнение мог бы составить о нас хомо сапиенс. Нам нужно было всего лишь подавить с помощью глубокого гипноза «эго» — все личное индивидуума — и заменить его записью содержимого мозга Чарли Джонса, полученной на церебростиле. Располагая Кесбу, это оказалось весьма простой задачей.

Гросид в изумлении покачал головой.

— Мы даже и не знали о Кесбу.

— Это дело Естественного Контроля. Да, вы не знали. Это исследовательская программа Первого Медицинского блока. Не было причин посвящать кого-либо в существование Кесбу. За ним хорошо смотрели, он был даже счастлив, хотя никогда не видел ничего, кроме своего бокс в Медицинском блоке.

— Теперь он знает, — сказал Назив.

Гросид задал вопрос:

— Что будет с ними — с Кесбу и другими?

Милвис улыбнулся:

— Если бы не этот непредсказуемый Филос, который прятал Фрура и ребенка все эти годы — и хорошо прятал. Я никогда даже не подозревал ничего подобного. Мне затруднительно ответить на этот вопрос. Кесбу вряд ли можно изолировать, как раньше, он, пусть как бы во сне, но все таки помнит свое бытие в образе Чарли Джонса. Ведь большая часть его опыта вовсе не была сном — он действительно лично посетил все блоки. С другой стороны, он слишком стар, чтобы его можно было переделать в лидомца, может, лишь частично. Я не проделаю с ним это.

Но ребенок, Сутин, она открывает перед нами

новую возможность. Как вы думаете, что это может быть?

Гросид и Назив обменялись взглядами. — Мы могли бы построить им дом?

Милвис лишь покачал головой. — Не в Первом Детском блоке, — с определенностью сказал он. — Они слишком… различны. Даже большая забота и любовь не смогут восполнить различие. И для них, и для нас это будет слишком тяжелым грузом. Никогда не забывайте, кто мы такие, Гросид, чем занимаемся, каково наше назначение. Человечество так и не смогло усвоить оптимальной способности рассуждать, не научилось максимально объективно оценивать ситуацию, потому что всегда боялось рассуждать последовательно. Мы же по своей природе имеем только индивидуальные различия. И Кесбу, и Сутин с точки зрения индивидуальности не отличаются; они просто относятся к другому *виду*. Мы, лидомцы, могли бы справиться с таким положением лучше, чем они, но мы все еще слишком молоды и непрактичны — мы всего лишь четвертое поколение…

— Правда, переспросил Назив. — Я думал… я хотел сказать, что не задумывался об этом. Я не знаю.

— Немногие из нас знают, немногих это инте-

ресует, потому что это не имеет значения. Мы устроены так, что смотрим в будущее, а не в прошлое. Я все же кратко расскажу вам, откуда пошел Лидом, так как это связано с принятием нами решения, что делать дальше с Кесбу и Сутин.

Расскажу кратко по необходимости, потому что мы знаем очень немногое…

«Когда-то жил один хомо сапиенс, он был великий человек; считали ли его современники таковым, я не знаю. Скорее всего он был физиологом или хирургом; возможно он был и тем, и другим, и обладал и иными знаниями. Ему опротивело человечество — не только из-за совершенного им зла, но и потому, что оно разрушало в себе то доброе, что имело. Он пришел к выводу, что человек в течение многих тысячелетий поработил себя и в конце концов неминуемо сам себя погубит, если не создаст такое общество, которое поднимется над всем, что разделяет его, если такое общество не провозгласит приверженность гуманности основным принципом своего существования.

Должно быть, он работал длительное время в одиночестве: известно, что в конце его жизни к нему присоединились многие единомышленники. Его имя, их имена — мне неизвестны. Он желал, чтобы мы не брали у хомо сапиенс ничего

такого, без чего можно обойтись.

Он с друзьями сотворил нас, придумал наш образ жизни, дал нам религию, церебростиль и основы учения об А-поле, а также довел первое поколение до зрелого возраста.»

Неожиданно Назив спросил: — Если так, то некоторые из нас должно быть знали их!

Милвис пожал плечами: — Думаю, да. Но что они знали? Они одевались, действовали, говорили как лидомцы; они умирали по одному или исчезали. Ведь ребенок просто принимает все то, что видит вокруг себя. Мы четверо учителя. Верно? Такими же были и они.

Они завещали нам, что главное — хранить гуманизм. Не их искусство, музыку, литературу, архитектуру. *Хранитьсебя* — в самом широком смысле — хранить гуманизм.

Фактически, мы не вид. Мы — биологически сконструированы. Если говорить совершенно без эмоций, то мы — машины, наделенные функцией. Наша функция — поддерживать гуманизм в период его уничтожения, а после того, как он повсеместно погибнет — вернуть его!

— А вот в этот аспект жизни Лидома мы вовсе не посвящали Чарли Джонса — он бы никогда в это не поверил. Ни один хомо сапиенс не захотел

бы или не смог бы поверить. Никогда в истории человечества стоявшая у власти группа не отказывалась от власти кроме как под давлением.

Мы должны быть такими, какие есть, оставаться такими, хранить умение обрабатывать землю, поддерживать умение постигать самих себя через религию и любовь, изучать гуманизм, двигаясь в направлении от природы к себе. Время от времени мы должны встречаться с хомо сапиенс и проверять, готов ли он уже жить, любить и верить без помощи искусственно внесенной бисексуальности. Когда он будет готов — а это неминуемо случится пусть хоть через десять или пятьдесят тысяч лет — мы, лидомцы, просто прекратим свое существование. Мы не создали у себя утопию. Утопия — это нечто совершенное и завершенное. Мы же преходящи, мы — хранители, если хотите, мост в будущее.

Случайное прибытие к нам Чарли Джонса дало возможность проверить, как хомо сапиенс будет реагировать на идею Лидома. Вы увидели, что из этого вышло. Однако, появилась Сутин, что дает нам новую возможность, и теперь мы, прежде всего, должны проверить, достиг ли хомо сапиенс своей собственной зрелости.

— Милвис! Ты хочешь, чтобы они породили

новый…

— Нет, не нового хомо сапиенс. Прежнего, но который получил шанс жить без злобы Жить, как живут все молодые существа, под опекой наставников.

Гросид и Назив улыбнулись, глядя друг на друга. — Это — наша специальность.

Милвис улыбнулся им в ответ, но покачал при этом головой. — Я думаю о Филосе и Фруре. Пусть живут вместе — они это заслужили. Пусть вернутся на границу Лидома — там им привычно. Пусть молодые люди знают только своих родителей и помнят нас; их дети и дети их детей запомнят их, а мы останемся только мифом…

Мы же будем постоянно следить за ними, возможно, помогать им время от времени; если они не преуспеют, то потерпят неудачу и погибнут, как погибло до них человечество…

И однажды настанет день, когда мы вновь начнем возрождать человечество или снова столкнемся с человечеством… Рано или поздно придет время (мы будем знать это наверное), когда мы будем уверены в возрождении, и тогда Лидом прекратит свое существование и человечество начнет, наконец, жить.

Однажды звездной ночью Филос и Фрур вышли

посидеть несколько минут под открытым небом и подышать разреженным холодным воздухом. Кесбу и Сутин уже час как ушли, после сытного семейного обеда, к себе в удобный бревенчатый дом на поросшей лесом горе.

— Фрур…

— Что?

— Молодые…

— Я знаю, — ответил Фрур. — Очень тяжело говорить об этом, но что-то неладно.

— Может, это несерьезно… может просто беременность.

— Может и так…

Из звездной ночи позвал голос:

— Филос?..

— Кесбу! Дорогой, ты что-нибудь забыл?

Он медленно вышел из тени, голова его была опущена.

— Я хотел бы… Филос?

— Да, дитя, я здесь, с тобой.

— Филос, Су… знаешь, она несчастлива.

— Что случилось?

— Я… — Он неожиданно поднял голову и в слабом свете звезд его глаза заблестели — от стоявших в них слез. — Су такая чудесная, но… но все это время я люблю кого-то по имени Лора, и я

ничего не могу с этим поделать! вырвалась у него накопившаяся боль.

Филос обнял его за плечи и тихо, очень тихо рассмеялся. Смех его был настолько сострадающим, сочувствующим, что успокаивал.

— Ах, Лора — не твоя любовь, ее любил Чарли! — успокоил он молодого человека. — Чарли умер, Кес.

Фрур вступил в разговор:

— Помни любящих, Кесбу, но забудь Лору.

— Но ведь он любил ее так сильно, — настаивал Кесбу.

— Фрур прав, — ответил Филос. — Он любил ее. Используй эту любовь. Любовь больше, чем Чарли — она всегда жива. Возьми ее и отдай Су.

Вдруг — Филосу показалось, что выражение лица Кесбу изменилось, но это изменилось освещение — небо заблестело, и звезды исчезли. Фрур коротко вскрикнул. Знакомая им гора показалась совсем непривычной в серебристом свете лидомского неба.

— Вот и закончилось, все кончается, — сказал Филос. Ему было очень грустно. — Интересно, когда Сиес снова сможет убрать купол… Кес, беги назад к Сутин — быстро! Скажи ей, что все в порядке — серебристое небо нас охраняет.

Кесбу поспешил домой. Фрур напомнил ему вслед: — Скажи, что ты любишь ее!

Кесбу на ходу повернулся и помахал им рукой, совсем, как Чарли Джонс. Еще мгновение — и он исчез среди деревьев.

Фрур вздохнул и тоже неслышно рассмеялся.

Филос задумался: — Наверное, я ничего ему не расскажу… нельзя мешать любви… Бедный Чарли. Знаешь, его Лора вышла за замуж за другого.

— Я — не знаю!

— Да, ты отлично знаешь, что запись церебростиля можно прервать в любой момент. Сиес и Милвис нарочно прервали запись Чарли в момент, когда он был полон любви и мог понять Лидом немного лучше. Но, фактически, у Чарли было больше памяти, чем в записи.

— Он оказался в этом летательном аппарате потому, что хотел улететь от…

— Боюсь, что нет. Она просто надоела ему, поэтому она и вышла замуж за другого. Но я не скажу этого Кесбу.

— Прошу тебя, не надо, — попросил Фрур.

— Новички… в любви, — Филос довольно рассмеялся. — Чарли был в этом самолете и летел на побережье недалеко отсюда. Там в этом году случилось большое землетрясение, а он — ты

знаешь — работал на бульдозере. — О! Смотри! — закричал он, взглянув вверх.

Небо начало мерцать и затем засияло.

— Как красиво! — восхитился Фрур.

— Радиоактивная пыль, — сказал Филос. — Снова принялись за свое, идиоты.

Они опять начали ждать.